

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ВЫПУСК XVII

КЫЗЫЛ — 1975

ТУВИНСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ВЫПУСК XVII

КЫЗЫЛ — 1975

Редакционная коллегия:

*Ю. Л. Аранчын (ответственный редактор), В. А. Дубровский,
Д. А. Монгуш, Н. А. Сердобов, М. П. Татаринцева,
К. О. Шактаржик.*

**ТУВИНСКОМУ ОБЛАСТНОМУ КОМИТЕТУ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ПРЕЗИДИУМУ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА ТУВИНСКОЙ
АВТОНОМНОЙ СОВЕТСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
СОВЕТУ МИНИСТРОВ ТУВИНСКОЙ АССР**

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета Союза ССР и Совет Министров СССР сердечно поздравляют рабочих, колхозников, интеллигенцию, всех трудящихся дважды орденоносной Тувинской АССР с большим и знаменательным событием — 30-летием добровольного вхождения Тузы в состав Советского Союза.

Вхождение Тузы в состав многонационального Советского социалистического государства явилось историческим событием в жизни тувинского народа, открыло огромные перспективы для его материального и духовного развития.

За короткий исторический срок под руководством Коммунистической партии, благодаря бескорыстной братской помощи русского и других народов нашей Родины в Советской Туве произошли коренные социально-экономические и культурные преобразования. Заново созданы энергетическая, горнодобывающая, лесодеревообрабатывающая, легкая, пищевая и другие отрасли народного хозяйства. Дальнейшее развитие в республике получило сельскохозяйственное производство. Постоянно повышается материальное благосостояние трудящихся и их культурный уровень.

Всестороннее развитие и подъем народного хозяйства, культуры Тувинской АССР — яркое свидетельство торжества

ленинской национальной политики, советского общественного и государственного строя, дружбы народов нашей великой Родины.

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР выражают уверенность в том, что трудящиеся Тувинской Автономной Советской Социалистической Республики добьются новых успехов в осуществлении исторических решений ХХIV съезда КПСС, выполнении планов и обязательств девятой пятилетки, тем самым внесут свой достойный вклад в строительство коммунизма в нашей стране.

Да здравствует Тувинская Автономная Советская Социалистическая Республика!

Да здравствует ленинская Коммунистическая партия Советского Союза — вдохновитель и организатор советского народа в борьбе за коммунизм!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
КОМИТЕТ КПСС

ПРЕЗИДИУМ
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА
СССР

СОВЕТ МИНИСТРОВ
СССР

**ТУВИНСКОМУ ОБЛАСТНОМУ КОМИТЕТУ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ПРЕЗИДИУМУ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА ТУВИНСКОЙ
АВТОНОМОННОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ
СОВЕТУ МИНИСТРОВ ТУВИНСКОЙ АССР**

Президиум Верховного Совета РСФСР и Совет Министров РСФСР сердечно поздравляют рабочих, колхозников, интеллигенцию, всех трудящихся дважды орденоносной Тувинской АССР со знаменательным событием — тридцатилетием вхождения Тувинской Народной Республики в состав Союза Советских Социалистических Республик.

После добровольного вхождения Тувы в состав Советского Союза трудящиеся республики под руководством Коммунистической партии и благодаря бескорыстной, братской помощи русского и других советских народов добились значительных успехов в развитии экономики и культуры.

За истекшие тридцать лет в республике созданы горнодобывающая, энергетическая, легкая, пищевая и другие отрасли промышленности, получили широкое развитие автомобильный и воздушный транспорт.

Коренные изменения произошли и в области сельского хозяйства. Колхозы и совхозы оснащены передовой техникой, созданы условия для дальнейшего развития животноводства и полеводства.

Неуклонно улучшается материальное благосостояние трудящихся. Значительные успехи имеются в развитии науки, просвещения, культуры и здравоохранения.

В республике действует широкая сеть школ, больниц, клубов и научных учреждений. Успешно развиваются литература

и искусство. Выросли национальные кадры рабочего класса, колхозного крестьянства, интеллигенции.

Достижения трудящихся Тувинской Автономной Советской Социалистической Республики — яркое свидетельство торжества ленинской национальной политики Коммунистической партии, нерушимой дружбы и братства народов нашей многонациональной Родины.

Президиум Верховного Совета и Совет Министров Российской Советской Федеративной Социалистической Республики выражают уверенность в том, что трудящиеся Советской Тувы под руководством областной партийной организации и впредь будут неутомимо бороться за осуществление решений XXIV съезда партии и последующих Пленумов Центрального Комитета КПСС.

Да здравствует Тувинская Автономная Советская Социалистическая Республика!

Да здравствует интернациональное единство и братская дружба народов СССР — великое завоевание ленинской национальной политики!

Слава Коммунистической партии Советского Союза — вдохновителю и организатору всех наших побед!

**ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА РСФСР**

**СОВЕТ МИНИСТРОВ
РСФСР**

Г. Ч. Ширшин

ЛЕНИНСКИМ ПУТЕМ

В октябре 1974 г. трудящиеся Тувинской АССР торжественно отметили 30-летний юбилей добровольного вхождения Тувы в состав СССР. Рабочий класс, колхозное крестьянство, интеллигенция республики с чувством глубокой благодарности встретили приветствия Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета и Совета Министров СССР, правительства РСФСР в связи с 30-летием Советской Тузы. В них дана высокая оценка социалистическим преобразованиям, осуществленным в Туве за годы Советской власти, выражены пожелания дальнейших успехов в коммунистическом строительстве.

В юбилейном торжестве приняли участие представители правительства РСФСР, ЦК ВЛКСМ, делегации Красноярского края, Бурятской, Якутской, Калмыцкой АССР, Иркутской и Читинской областей, Горно-Алтайской и Хакасской автономных областей, посланцы ряда аймаков братской Монголии. Трудящиеся республики сердечно поздравили от имени коммунистов, всех москвичей Московский городской комитет КПСС и Московский Совет депутатов трудящихся, ЦК Компартии Киргизии, Президиум Верховного Совета и Совет Министров Киргизской ССР, Смоленский обком КПСС и облисполком, партийные и советские органы других республик и областей. Трудящиеся Тузы получили поздравления ЦК Монгольской народно-революционной партии и Правительства МНР. Все это придало юбилею Советской Тузы глубокое интернациональное звучание.

Добровольное вступление Тузы в состав Советского Союза в октябре 1944 г. явилось великим рубежом в жизни тувинского народа. Оно было глубоко обусловленным событием,

имеющим внутренние и внешние предпосылки. В их числе главной, определяющей была победа Великой Октябрьской социалистической революции. Под ее могучим влиянием, при непосредственной помощи российского пролетариата и его большевистской партии трудящиеся араты в 1921 г. завоевали политическую власть и создали суверенное государство — Тувинскую Народную Республику. Одно из основных положений ленинской национальной политики Коммунистической партии и Советского государства — осуществление права наций на свободное самоопределение нашло свое яркое претворение в жизнь на примере образования Тувинского государства.

Руководящей и направляющей силой тувинского общества была Тувинская народно-революционная партия. Возникнув на базе распространения идей марксизма-ленинизма среди передовой части аратов, при постоянном идейном влиянии Коминтерна и партии большевиков, ТНРП в процессе своего развития сформировалась в партию марксистско-ленинского типа. Она возглавила борьбу аратских масс за новую жизнь.

Некапиталистический путь развития, по которому шла Тува, по своему содержанию был глубоко революционным процессом. Наряду с социально-политическими и экономическими преобразованиями, он включал в себя осуществление больших задач в области идеологии и культуры, воспитание народных масс в духе социалистических идей.

Тувинская народно-революционная партия под руководством Коминтерна, при активной поддержке ВКП(б), последовательно усваивая идеи и принципы марксизма-ленинизма, сумела утвердить в духовной жизни общества научную идеологию рабочего класса, воспитала аратские массы в духе proletарского интернационализма.

ТНРП уделяла большое внимание интернациональному воспитанию трудящихся, укреплению братской дружбы тувинского народа с русским и другими народами Советского Союза. На протяжении всего периода развития ТНРП интернациональное сознание аратских масс формировалось в условиях постоянной помощи со стороны СССР, тесной связи и сближения тувинского народа с советским народом в экономической, политической и культурной областях. Эта объективная обстановка, практическая деятельность ТНРП привели к тесному идейно-политическому сближению трудящихся Тувы с советским народом уже к концу 30-х годов.

В годы Великой Отечественной войны произошло дальнейшее укрепление братской дружбы тувинского народа с народами СССР. С первых дней войны трудящиеся Тувы старались помочь советскому народу в его героической борьбе

всем,, чем только могли. Высшим проявлением интернациональных чувств тувинского народа явилась его безвозмездная материальная помощь фронту и непосредственное участие добровольцев Тузы в боях против фашистской Германии. В этих условиях дружба между тувинским и советским народами как никогда окрепла, широко развернулось всенародное движение за вступление ТНР в состав Советского Союза.

Развитие тувинского народа в условиях народно-демократического строя и его добровольное вхождение в братскую семью народов СССР (11 октября 1944 г.) явились ярким подтверждением жизненной силы ленинской теории, правильности и мудрости программы и политики Коммунистической партии по национальному вопросу. Право наций на самоопределение В. И. Ленин и Коммунистическая партия никогда не считали самоцелью. Они рассматривали его как средство достижения конечной интернациональной цели партии в национальном вопросе — добровольного объединения трудящихся всех наций, их постепенного сближения и слияния. «Осуществление этой цели,— подчеркивал В. И. Ленин,— требует полного освобождения колониальных и других находившихся в угнетенном или неполноправном положении наций с предоставлением им свободы отделения как гарантий того, чтобы унаследованное от капитализма недоверие трудящихся масс разных наций... было полностью рассеяно и сменилось сознательным и добровольным союзом¹. На примере Тузы это ленинское предначертание полностью подтвердилось.

За годы Советской власти трудящиеся Тузы под руководством Коммунистической партии осуществили коренные преобразования в экономике и культуре, полностью перестроили жизнь на социалистических началах. Огромные успехи, достигнутые трудящимися республики, как и успехи всех других советских народов, основаны, прежде всего, на достижениях советского социалистического общественного и государственного строя, на прочном его социально-экономическом фундаменте, на идеях марксистско-ленинского мировоззрения.

Бурный рост производительных сил республики, решение больших социальных задач, расцвет культуры народа стали возможными благодаря постоянному вниманию и заботе ЦК КПСС и Советского правительства, в результате братской помощи советских народов и в первую очередь великого русского народа. Как отметил Генеральный секретарь Центрального Комитета КПСС товарищ Л. И. Брежнев в докладе «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Респуб-

¹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 38, с. 111.

лик», русский рабочий класс, русский народ с честью выполнили интернациональный долг, завещанный В. И. Лениным; они приложили огромные усилия, принесли немалые жертвы во имя национального и социального освобождения угнетенных и отсталых в прошлом народов.

В памяти тувинского народа вечно будут жить имена русских коммунистов Крюкова, Беспалова и Чугунова, вожаков красных партизан Щетинкина и Кравченко, Кочетова и Хлебникова. Тувинский народ никогда не забудет яркую жизнь, самоотверженный труд десятков и сотен рабочих, учителей, врачей, ученых и других советских людей, пришедших по зову своих сердец на помочь трудовым аратам в их нелегкой борьбе за счастливую жизнь.

Осмысливая пройденный путь, тувинский народ не забывает и имена лучших своих сынов — Ююна Курседи, Адыг-Тюлюш Чульдума, Иргита Шагдыржапа и многих других, стоявших у истоков новой Тувы. В историю новой советской социалистической Тувы навсегда вошло имя выдающегося сына тувинского народа Салчака Колбакхорековича То́ка.

Сегодняшняя Тыва — это край современной индустрии, крупного механизированного сельского хозяйства, высокой культуры народа.

В республике заново созданы такие новые отрасли промышленности, как горнорудная, энергетическая, угольная, деревообрабатывающая, дальнейшее развитие получила легкая и пищевая промышленность. Построены и ныне действуют крупные предприятия — комбинаты «Туваасбест» и «Тувакобалт», Терлиг-Хайинское ртутное предприятие, Каа-Хемский угольный разрез и другие. Индустриальное развитие Тувы опирается на мощную материально-техническую, энергетическую базу экономических районов Сибири. Подключение Тувы к единой энергосистеме Сибири положило начало еще более ускоренному развитию производительных сил республики, позволило повысить энерговооруженность народного хозяйства.

Наиболее высокими темпами промышленность республики развивается в годы 9-й пятилетки. Основные фонды за первые ее четыре года увеличились в 1,8 раза. Объем промышленного производства за этот период возрос на 41,7% и составил в 1974 г. более 92 млн. руб. Сверх плана выработано продукции на 13,5 млн. руб., освоено производство около 250 видов новой продукции.

Капитальные вложения в народное хозяйство республики за 30 лет возросли в 75 раз. Только за четыре года текущей пятилетки они составили 308 млн. руб. Значительно окрепли строительные организации, свое развитие получила промыш-

лленность стройматериалов; вводится в эксплуатацию большое количество жилых домов, школ, учреждений культуры, больниц и детских дошкольных учреждений, объектов сельскохозяйственного, коммунально-бытового и торгового назначения. Развиваются транспорт и связь, коммунальное хозяйство и служба быта. Важным социальным последствием ускоренного промышленного развития Тувы явилось формирование национального отряда советского рабочего класса, инженерно-технической интеллигенции.

Одним из основных итогов социалистического развития Тувы является претворение в жизнь ленинского кооперативного плана, успешное осуществление на этой основе задач перевода аратов на оседлость, формирование социалистического уклада жизни. При огромной материально-технической помощи Советского государства на местах бывших кочевий возникли современные хозяйствственные и культурные центры. Неизнаваемо преобразился характер сельскохозяйственного производства, расширились его масштабы, улучшились качественные показатели. Высокий уровень технической оснащенности позволяет сельским труженикам укреплять экономику колхозов и совхозов, повышать эффективность производства.

За минувшие тридцать лет поголовье общественного скота увеличилось в 36 раз, а посевные площади — более чем в шесть раз. Объем валовой продукции сельского хозяйства республики вырос в 19 раз, многократно увеличился объем реализации продуктов животноводства и полеводства. За четыре года 9-й пятилетки государственные закупки мяса возросли на 33, молока — на 8,9 и шерсти — на 20,8% против соответствующего периода 8-й пятилетки.

В результате осуществления социально-экономической программы партии, всестороннего развития народного хозяйства республики, роста промышленного и сельскохозяйственного производства из года в год повышается и материальное благосостояние трудящихся, улучшаются условия их жизни и труда. Денежные доходы, например, за последние пятнадцать лет в расчете на душу населения возросли почти в 3 раза. Более 37 тыс. человек получают пенсии и пособия, свыше 9 тыс. детей животноводов в школах и техникумах взяты на полное государственное обеспечение. В результате социалистического переустройства быта, роста материального благосостояния и развития здравоохранения численность тувинского населения за годы Советской власти увеличилась почти в 2 раза. Возросла и продолжительность жизни людей.

За истекшие три десятилетия в Туве свершилась подлинная культурная революция. В республике полностью лик-

видирована вековая неграмотность народа, как и во всей стране, осуществляется всеобщее среднее образование молодежи. В Кызыльском педагогическом институте, в филиале Красноярского политехнического института, в средних специальных учебных заведениях и профтехучилищах обучаются свыше 6 тыс. человек. Сотни молодых людей получают образование в других учебных заведениях страны. Ныне Тува располагает многочисленными кадрами — специалистами различных отраслей народного хозяйства и культуры.

Сложились и успешно развиваются тувинская литература и искусство, растет их вклад в единую многонациональную культуру советского народа. Произведения писателей С. Тока, С. Сарыг-оола, С. Пюрбю, художников С. Ланзы и И. Салчака, камнерезов М. Черзи и Х. Тойбу-Хаа, композиторов А. Чыргал-оола, Р. Кенденбия, мастерство артистов В. Оскал-оола, М. Мунзука широко известны за пределами Тувы. Тувинцы на родном языке читают труды классиков марксизма-ленинизма, произведения русской и мировой литературы. В каждом населенном пункте работают Дома культуры и клубы, библиотеки и киноустановки, другие очаги культуры и знаний. Опираясь на коренные перемены в экономике и культуре, социальной жизни, партийная организация республики ведет большую работу по воспитанию нового человека — активного строителя коммунизма.

Достижения трудящихся Тувы в социалистическом строительстве создали предпосылки для нового этапа в развитии национальной государственности — преобразования в 1961 г. Тувинской автономной области в Тувинскую Автономную Советскую Социалистическую Республику. В ходе борьбы за социализм тувинский народ сформировался как социалистическая нация.

За успехи в хозяйственном и культурном строительстве, вклад в укрепление дружбы народов Тувинская АССР награждена орденами Ленина и Дружбы народов. Эти ордена на знамени республики — гордость тувинского народа, всех трудящихся республики, могучий стимул к новым трудовым свершениям во имя коммунизма. Четыриадцать наиболее знатным людям Тувы присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда. Среди них ветеран революционного движения и один из зачинателей колхозного строительства Ооржак Лопсанчап, шофер Юрий Зюзин, знатный охотник Эрестол Даржаа, учительница Сарыглар Тамдын-оол, чабан Ооржак Дажы-Намчал, механизатор Василий Янчат и др. Свыше 130 передовиков народного хозяйства и культуры награждены орденом Ленина. Только в 9-й пятилетке по итогам её первых трех лет трудовые достижения свыше 1500 рабо-

чих и колхозников, представителей интеллигенции отмечены орденами и медалями.

Трудящиеся Тувинской АССР с большой гордостью обозревают путь бурного развития и процветания, пройденный ими рука об руку со всеми братскими советскими народами, под водительством партии великого Ленина. В то же время они хорошо понимают, что, наряду с достигнутыми успехами в хозяйственном и культурном строительстве, имеется много нерешенных проблем.

В свете решений декабрьского (1974 г.) Пленума ЦК КПСС, указаний в речи Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. Н. Брежнева, произнесенной на этом пленуме, рабочий класс, колхозное крестьянство и интеллигенция под руководством партийных организаций направляют свои усилия на выполнение планов и обязательств последнего, завершающего года 9-й пятилетки. При этом в центр внимания коммунистов, всех трудящихся Тувинской АССР выдвигаются задачи дальнейшего повышения эффективности общественного производства, улучшения качественных показателей в работе промышленных и транспортных предприятий, строительных организаций, колхозов и совхозов.

Принятые в ответ на Обращение ЦК КПСС к партии, к советскому народу трудящимися республики социалистические обязательства на завершающий год пятилетки предусматривают выпуск промышленной продукции почти на 102 млн. руб., освоение 125,6 млн. руб. капитальных вложений и ввод в эксплуатацию многих важных объектов промышленности, сельского хозяйства и социально-культурного назначения. В этом году предстоит завершить строительство второй очереди Ак-Довуракского асбестового комбината, усилить строительство Усть-Элегестинского завода керамзитовых стеновых материалов, ввести в эксплуатацию лесопильно-деревообрабатывающий комбинат и кожевенно-пимокатный завод, полностью освоить мощности мелькомбината. Планируется выполнить большой объём работ по строительству нового Шагонара, других населенных пунктов в Улаганском районе, по теплофикации столицы республики — Кызыла.

Труженики сельского хозяйства обязались продать в текущем году государству 120 тыс. т зерна, 31,2 тыс. т мяса, 26,5 тыс. т молока, 2960 т шерсти. Работники других отраслей народного хозяйства также приняли на себя высокие социалистические обязательства на завершающий год пятилетки.

1975 год — канун XXV съезда КПСС. В этом году советский народ отметил 70-летие первой русской революции

1905—1907 гг. и 30-летие своей Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Трудящиеся Советской Тувы еще теснее сплачивают свои ряды вокруг Коммунистической партии Советского Союза. Они не пожалеют сил и энергии для осуществления планов 9-й пятилетки, достойной встречи XXV съезда КПСС, будут неустанно крепить дружбу народов, добиваться дальнейшего роста всех отраслей народного хозяйства и культуры и на этой основе умножать свой вклад в борьбу за коммунизм.

А. К. Канзай

К ВОПРОСУ О СБЛИЖЕНИИ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ НАЦИЙ И НАРОДНОСТЕЙ

В период коммунистического строительства развитие национальных отношений характеризуется дальнейшим углублением двух тенденций: с одной стороны,— всесторонним расцветом наций и народностей и, с другой стороны,— их постепенным сближением. Являясь объективной закономерностью социализма, эти две тенденции выступают в тесном единстве, во взаимосвязи.

Современная советская действительность убедительно свидетельствует о том, что в условиях развитого социализма обе тенденции — к расцвету и сближению наций — получают полный простор, при этом тенденция к сближению все более приобретает ведущее значение. Этот процесс связан с действием не только объективных, но и субъективных факторов, и прежде всего с организаторской и воспитательной деятельностью Коммунистической партии. Как отмечал Л. И. Брежнев, «...национальные отношения и в обществе зрелого социализма — это реальность, которая постоянно развивается, выдвигает новые проблемы и задачи. Партия постоянно держит эти вопросы в поле зрения, своевременно решает их в интересах всей страны и каждой отдельной республики, в интересах коммунистического строительства»¹.

Расцвет и сближение социалистических наций и народностей отчетливо прослеживаются на примере Тувинской АССР. Благодаря постоянной отеческой заботе Коммунистической партии и Советского государства, при помощи и под-

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом Речи и статьи. т. 4. М., 1974, с. 63.

держке со стороны всех народов нашей Родины, Тува за исторически короткий срок — 30 лет в составе СССР,— преодолев вековую отсталость, превратилась в аграрно-индустриальную республику. Исключительно большие перемены произошли в ее экономике и культуре.

Важные качественные изменения в структуре народного хозяйства связаны с развитием промышленности. В Туве создана горнорудная, энергетическая, угольная, лесная, мясная, молочная, легкая промышленность. Колхозы и совхозы республики ныне представляют собой многоотраслевые, высокомеханизированные сельскохозяйственные предприятия. Сформировалась и ускоренно развивается социалистическая по содержанию, национальная по форме культура тувинцев, взращен значительный отряд тувинской интеллигенции.

По ряду показателей — технической оснащенности сельскохозяйственного производства, уровню образования населения, медицинского обслуживания, числу лиц, имеющих высшее и среднее образование, студентов, учащихся и некоторым другим — Тувинская АССР вышла на уровень передовых республик нашей страны.

Последовательно осуществляя положение Программы КПСС об обеспечении фактического равенства всех наций, народностей с полным учетом их интересов, «уделяя особое внимание тем районам страны, которые нуждаются в более быстром развитии»², Советское государство оказывает Туве во все возрастающих масштабах материально-техническую помощь, что, наряду с самоотверженным трудом рабочих, колхозников и интеллигенции республики, является важнейшим условием дальнейшего роста ее индустриализации, развития сельского хозяйства, культуры и повышения жизненного уровня населения. Так, темпы роста капиталовложений по Тувинской АССР значительно выше, чем в целом по РСФСР или Восточно-Сибирскому экономическому району. Если темпы роста общего объема продукции промышленности за 1970—1972 гг. (в % к 1970 г.) возросли по РСФСР на 14% и Восточно-Сибирскому экономическому району — на 19%, то по Тувинской АССР — на 26%³.

Все это является ярким подтверждением великой жизненной силы ленинской национальной политики партии, огромного преимущества социалистической системы хозяйства, торжества идей пролетарского интернационализма.

² Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1973, с. 114.

³ См. Народное хозяйство РСФСР в 1972 г. Стат. ежегодник. М., 1973, с. 69—70.

О развитии тувинской нации и ее сближении с другими советскими нациями и народностями имеется уже обширный круг исследований. Однако ряд проблем этой емкой темы изучен пока еще недостаточно. В частности, заслуживает внимания статья О. Г. Орешкова⁴, который рассматривает сближение и взаимообогащение национальных культур советских народов на примере тувинской нации. Вместе с тем, как известно, расцвет и сближение социалистических наций и народностей охватывает все стороны общественной жизни — экономическую, социально-политическую, духовную.

В. И. Ленин писал, что «вся хозяйственная, политическая и духовная жизнь человечества все более интернационализируется уже при капитализме. Социализм целиком интернационализирует ее»⁵. После победы Октябрьской революции начался этап формирования социалистических наций и народностей. Развитие и сближение наций и одно из важнейших проявлений последнего — интернационализация общественной жизни были неразрывно связаны с утверждением советского строя, социалистического способа производства, принципов пролетарского интернационализма и марксистско-ленинской идеологии. Общность экономических, социально-политических и духовных интересов объединившихся в многонациональном Советском государстве наций и народностей, преимущества советского строя, мудрое руководство КПСС явились главным условием выдающихся побед, одержанных нашей Родиной в гражданской и Великой Отечественной войнах, в период социалистического строительства.

В условиях развитого социализма еще более усиленно протекает процесс интернационализации всех сторон общественной жизни. Высокий уровень советской экономики, зрелость общественных отношений оказывают определяющее влияние на развитие социалистических наций и народностей. Сбывается великое предвидение В. И. Ленина, который писал, что социализм «облегчает и гигантски ускоряет сближение и слияние наций»⁶, обеспечивает «переход к сознательному и более тесному единству трудящихся»⁷. Рассмотрим кратко тенденцию к сближению наций и народностей в экономической, социально-политической и духовной сферах общественной жизни народов СССР.

⁴ О. Г. Орешков. О сближении и взаимообогащении национальных культур советских народов. Уз ТНИИЯЛИ, вып. XIII, Кызыл, 1968, с. 110—123.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, с. 318.

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, с. 318.

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 73.

В области экономических отношений тенденция к сближению социалистических наций и народностей проявляется наиболее интенсивно. Экономической основой этого процесса являются единая в масштабе всей страны общественная собственность на орудия труда и средства производства и соответствующие ей производственные отношения, а также плановая система хозяйства.

Советское многонациональное государство развивается как единое целое. Его экономика выступает как целостный народнохозяйственный комплекс. Выдающиеся достижения СССР — это результат трудовых усилий всех народов, «результат их объединенного труда, последовательного претворения в жизнь национальной политики КПСС»⁸.

Концентрация сил и средств, хозяйственных возможностей и ресурсов братских республик, постоянно расширяющиеся и углубляющиеся межреспубликанские связи, братская взаимопомощь и сотрудничество советских народов в развитии производительных сил обуславливают теснейшее сближение экономических интересов всех наций страны. Практически каждая крупная новостройка, где бы она ни воздвигалась, есть кровное дело всех советских народов:

Являясь частью общесоюзной экономики, народное хозяйство Тувинской АССР неразрывно связано с жизнью других братских республик, краев и областей. Свыше 600 предприятий различных районов страны направляют в Туву свою продукцию, машины и оборудование, минеральные удобрения и товары широкого потребления⁹. В то же время труженики сельского хозяйства, промышленности Тувинской АССР по праву гордятся тем, что они производят и вносят в общественные фонды зерно, мясо, шерсть, асбест, кобальт, ртуть, золото.

Обмен производственным опытом, кадрами специалистов, достижениями науки и техники, развертывание социалистического соревнования между братскими республиками — вот далеко не полный перечень оправдавших себя форм взаимосвязей между социалистическими нациями.

При сооружении и эксплуатации комбинатов «Туваасбест», «Тувакобальт» и других объектов широко использовался и используется богатейший опыт родственных им предприятий Урала, Восточной Сибири. Положительные результаты в хозяйственном и культурном строительстве дает социалистическое соревнование между Тувой и Хакасией. В Туве развернуты геологическая разведка и освоение её богатых

⁸ Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, с. 293.

⁹ «Тувинская правда», 23 января 1974 г.

минерально-сырьевых ресурсов. Десятки научно-исследовательских институтов, лабораторий Сибири и Центра, многие сотни ученых и геологов участвуют в этой работе. Результаты их труда и открытия являются общим достоянием всех народов и служат интересам экономики всей страны.

Факторами, которые способствуют сближению наций в нашей стране, кроме того, являются многонациональность советских республик и миграция населения. Представители более 50 национальностей живут и работают в Туве, самоотверженно трудятся в различных отраслях народного хозяйства, оказывают всестороннюю братскую помощь тувинскому народу.

«Развернутое коммунистическое строительство,—говорится в Программе КПСС,— означает новый этап в развитии национальных отношений в СССР, характеризующийся дальнейшим сближением наций и достижением их полного единства. Строительство материально-технической базы коммунизма ведет к еще более тесному объединению советских народов»¹⁰.

В социально-политической сфере основой для дальнейшего постепенного сближения наций и народностей является сама социальная природа нашего общественного и государственного строя.

Подлинное народовластие в нашей стране, дальнейшее развитие многонационального, общенародного Советского государства обеспечивают упрочение морально-политического единства как составляющих его республик, так и всего советского общества. В Советском Союзе прочно утвердилась идеология марксизма-ленинизма, социалистического интернационализма и советского патриотизма, дружбы народов.

Процесс сближения наций и народностей в значительной мере определяется также изменением классовой структуры общества. Советское общество в целом и каждая нация, народность в отдельности имеют однотипную социальную структуру, которую составляют рабочие, колхозное крестьянство и трудовая интеллигенция. Происходит дальнейшее сближение всех классов и социальных групп, наций и народностей, стирание существенных различий между городом и деревней, между умственным и физическим трудом.

Выступая на предвыборном собрании избирателей Бауманского избирательного округа Москвы 14 июня 1974 г., Л. И. Брежnev говорил: «В нашей стране впервые в истории решаются невиданные по масштабам и значению проблемы

¹⁰ Программа Коммунистической партии Советского Союза, М., 1973, с. 113.

глубоких изменений структуры общественных отношений. Все дальнее идет сближение классов и социальных групп, составляющих советское общество¹¹. Важные изменения в социальной структуре произошли и в тувинской социалистической нации. Создание в республике крупных промышленных предприятий, совхозов, новых отраслей производства обусловило быстрый рост рабочего класса, в том числе национальных кадров рабочих, специалистов, технической интеллигенции.

В настоящее время рабочие — тувинцы составляют половину в общей численности рабочих всех национальностей и 61% всего занятого тувинского населения¹². Если в 1957 г. в народном хозяйстве Тувы работали всего 224 тувинских специалиста с высшим образованием, то в 1970 г. их было уже 1748, а специалистов со средним образованием соответственно 538 и 2278¹³.

Таким образом, тувинская нация достигла за короткий исторический срок высокого уровня развития во всех сферах общественной жизни, в том числе и в области социально-политической. Перед тувинской социалистической нацией, как и другими нациями и народностями нашей страны, открыта широкая дорога к дальнейшему процветанию и счастью.

В области духовной жизни всесторонний расцвет и неуклонное постепенное сближение социалистических наций и народностей обусловлены тем, что в нашем обществе прочно утвердилась единая идеология марксизма-ленинизма, социалистического интернационализма.

Благодаря неустанной заботе Коммунистической партии о развитии каждой советской нации и народности, воспитании советских людей в духе идей социалистического интернационализма, сложились невиданные ранее отношения между народами. «В нашей стране,— говорил Л. И. Брежnev,— родилось и окрепло великое братство людей труда, объединенных, независимо от их национальной принадлежности, общностью классовых интересов и целей, сложились небывалые в истории отношения, которые мы по праву называем ленинской дружбой народов. Эта дружба, товарищи,— наше бесценное достояние, одно из самых значительных и самых дорогих сердцу каждого советского человека завоеваний социализма»¹⁴.

Коммунистическая партия сделала важный теоретический вывод о возникновении новой исторической общности лю-

¹¹ «Правда», 15 июня 1974 г.

¹² «Тувинская правда», 25 сентября 1974 г.

¹³ Народное хозяйство Тувинской АССР. Стат. сборник. Кызыл, 1971, с. 222.

¹⁴ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи. т. 4, с. 50.

дей — советского народа. Формирование этой общности является одним из великих достижений социализма, обобщенным итогом свершившихся преобразований во всех сферах жизни нашей страны. Ее характеризует прежде всего глубокое единство всех составляющих ее классов и социальных групп. Она является многонациональной, интернациональной по своей природе.

Важно подчеркнуть, что сложение советского народа, как исторической общности, явилось результатом последовательного развития и сближения социалистических наций и народностей, важным этапом на пути к грядущему их слиянию в развитом коммунистическом обществе. Оно не дает никаких оснований для ослабления внимания к проблемам национальных отношений, к реально существующим атрибутам каждой нации. «Говоря о новой исторической общности людей,— отмечал Л. И. Брежnev,— мы вовсе не имеем в виду, что у нас уже исчезают национальные различия или, тем более, произошло слияние наций. Все нации и народности, населяющие Советский Союз, сохраняют свои особенности, черты национального характера, язык, свои лучшие традиции. Они располагают всеми возможностями добиться еще большего расцвета своей национальной культуры»¹⁵.

Именно на основе развития национальных культур в СССР сформировалась единая советская социалистическая культура. Она включает в себя подлинно прогрессивные элементы и традиции культуры и быта каждой социалистической нации и народности нашего государства, итоги взаимовлияния и взаимообогащения.

Одним из примеров быстрого в условиях советского строя культурного прогресса ранее отсталых народов является Тувинская АССР. Самобытная культура тувинского народа под благотворным влиянием культуры русского и других народов получила высокое развитие. Создание национальной письменности, становление и развитие народного образования, литературы и искусства социалистического реализма — все это и многое другое тесно связано с братской помощью со стороны передовых наций.

При осуществлении культурной революции партия руководствовалась ленинским указанием о том, что социалистическая культура может быть создана на основе усвоения и критической переработки духовного наследия прошлого, всех ценностей мировой культуры. «Марксизм,— писал В. И. Ленин,— завоевал себе свое всемирно-историческое значение как идеологии революционного пролетариата тем, что марк-

¹⁵ Л. И. Брежнев. Указ. соч., т. 4, с. 243.

сизм отнюдь не отбросил ценнейших завоеваний буржуазной эпохи, а, напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры»¹⁶.

Партия внимательно подходит к использованию трудящимися прогрессивного наследия, которое имеется у каждого народа. Все лучшее и ценное становится достоянием других народов. Дальнейшее развитие и поддержку получает, например, прикладное искусство тувинского народа. Работы резчиков по дереву и камню высоко оценены многими авторитетными ценителями искусства. Группе народных мастеров — Хертеку Тойбухсаа, Байыру Байынды, Раисе Аракчаа и Хертеку Мижит-Доржу — присуждена Государственная премия РСФСР имени И. Е. Репина за 1972 г.

Тувинцы являются одними из немногих исполнителей горлового пения. В Туве любят этот древний вид искусства. Он привлек внимание ученых-музыковедов, получает свое дальнейшее развитие. Ни один народный праздник в Туве не проходит без борьбы — «хуреш», смотра силы и ловкости ее участников. Специалисты отмечают, что в этой древней борьбе имеется ряд интересных и красивых приемов, которые могут быть использованы в других видах силовой борьбы. Поэтому не случайно, что «хуреш» включен в программу традиционной спартакиады народов Восточной Сибири и Дальнего Востока.

В процессе социалистического строительства усиливается обмен материальными и духовными ценностями между народами страны. Социалистическая по содержанию, национальная по форме культура советских наций включает в себя наиболее ценные черты и традиции культуры и быта каждого из народов нашей страны.

Усваивая все лучшее в творчестве русского и других братских народов, углубляя самобытные традиции, опираясь на метод социалистического реализма, поэты и прозаики, композиторы и художники Тувы создали немало произведений, глубоко и разносторонне отражающих советскую действительность, созидательный труд и духовное богатство тувинцев, дружбу народов.

На создание одного из крупных произведений тувинской литературы — автобиографической повести лауреата Государственной премии СССР и Тувинской АССР С. К. Тока большое влияние оказали горьковские традиции¹⁷. По словам В. Ш. Кок-оола, ему невозможно было бы написать пьесу

¹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 337.

¹⁷ См. М. А. Изынцева. «Слово арата» С. К. Тока. Уз тийиля, вып. VII, Кызыл, 1959, с. 283—284.

«Хайыран бот» («Прощай, жизнь») без осмысления пьесы А. Н. Островского «Гроза». Стихотворение «Монгун-Тайга» С. Пурбю созвучно со стихотворением «Кавказ» А. С. Пушкина¹⁸.

В литературе указывалось на влияние русской советской и зарубежной классики на творчество А. Чыргал-оола, Р. Кенденбилия, создавших первые симфонические произведения¹⁹. Лучшие традиции русского, советского циркового искусства воплощены в программе тувинской труппы под руководством народного артиста РСФСР и Тувинской АССР В. Б. Оскал-оола. Использование предметов тувинского быта и музыки, высокое мастерство артистов, а также удачное сочетание и заимствование разнообразных приемов у лучших коллективов и мастеров циркового искусства принесли заслуженное признание им не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Талант заслуженной артистки Тувинской АССР, лауреата международных конкурсов Н. С. Красной получает дальнейшее развитие в Большом театре Союза ССР, где она в настоящее время является солисткой.

Трудящиеся республики имеют большие возможности по ознакомлению с достижениями литературы и искусства братских народов. На тувинский язык переводятся многие значительные произведения, создаваемые писателями и поэтами национальных республик, областей. В репертуаре музыкально-драматического театра, клубов и Домов культуры, кинотеатров широко представлены пьесы и киноленты мировой, русской и советской классики. В свою очередь, произведения многих деятелей литературы и искусства Тувы хорошо известны в стране, переведены на многие языки советских народов.

Из года в год расширяются культурные связи Тувинской АССР со многими республиками и областями нашей страны. Только за последнее десятилетие в Туве проходили дни белорусской, узбекской и якутской литературы. В г. Кызыле и районах республики постоянно выступают деятели литературы и искусства из других республик, краев и областей.

Со своей стороны, представители литературы и искусства нашей республики выступали с творческими отчетами и концертами в Москве, Кишиневе, Новосибирске, Иркутске, Бурятии, Хакасии, Якутии, Горном Алтае и других районах страны. Только с 1971 г. по 1974 г. художники Тувы, мастера

¹⁸ Ш. Ч. Саг. Формирование и развитие тувинского литературного языка. Кызыл, 1973, с. 66.

¹⁹ См. З. К. Казанцева. О тувинской симфонической музыке. УЗ ТННИЯЛИ, вып. XVI, Кызыл, 1973, с. 127—132.

прикладного искусства приняли участие в семи крупных республиканских и зональных выставках.

Такое общение, взаимовлияние культур обогащает духовный мир народов, способствует патриотическому и интернациональному воспитанию, постепенному сближению наций, укреплению их дружбы и единства.

Одним из факторов дальнейшего сближения социалистических наций является добровольное владение русским языком — языком межнационального общения и сотрудничества всех наций и народностей Советского Союза. В эпоху интернационального единения функционирование языка межнационального общения является исторической необходимостью, выступает как объективная закономерность.

Являясь одним из самых богатых, развитых и общепризнанных языков мира, русский язык позволяет каждой нации и народности нашей страны полнее познавать материальные и духовные ценности всех других народов СССР, а также лучшие достижения мировой науки и культуры.

По данным переписи населения 1970 г., 38,9% коренного населения Тувы свободно владели русским языком²⁰. Небезынтересным является факт, когда, по тем же данным, 1644 тувинца в качестве родного языка называли русский язык и 137 — языки других национальностей²¹. Советская действительность показывает, что изучение и применение русского языка не только не противоречит развитию национальных языков, а наоборот, способствует их обогащению.

Распространению двуязычия, сближению народов в области семейного быта и стиранию национальных перегородок содействует растущее число смешанных браков. На каждую 1 тыс. советских семей в среднем приходится более 100 межнациональных браков. Много таких браков и в Тувинской АССР.

Таким образом, расцвет, сближение и взаимообогащение наций в условиях развитого социализма — процесс многосторонний и глубокий, он носит всеобъемлющий характер, охватывает всю совокупность общественных отношений, в том числе и область духовной жизни людей.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду и в других партийных документах сказано, что партия и впредь будет укреплять Союз Советских Социалистических Республик, последовательно осуществляя ленинский курс на расцвет социалистических наций и их неуклонное постепенное сближение.

²⁰ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. 4, М., 1973, с. 10.

²¹ Там же, с. 21.

«Дальнейшее сближение наций и народностей нашей страны,— говорил Л. И. Брежнев,— представляет собой объективный процесс. Партия против того, чтобы его искусственно форсировать,—в этом нет никакой нужды, этот процесс диктуется всем ходом нашей советской жизни. В то же время партия считает недопустимыми какие бы то ни было попытки сдерживать процесс сближения наций, под тем или иным предлогом чинить ему помехи, искусственно закреплять национальную обособленность, ибо это противоречило бы генеральному направлению развития нашего общества, интернационалистическим идеалам и идеологии коммунистов, интересам коммунистического строительства»²².

²² Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи. т. 4, с. 63—64.

Б. П. Бажутин

**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА
ПРИ НЕКАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ
К СОЦИАЛИЗМУ**

(На примере Тувинской Народной Республики)

Изучение политической организации общества в странах, осуществлявших или осуществляющих ныне переход к социализму, минуя капитализм, имеет большое научное и практическое значение. Его актуальность определяется также необходимостью решительного отпора поискам идеологов современного неоколониализма и маоизма.

Первый опыт политической организации общества при некапиталистическом развитии дали народы Советской Средней Азии и Сибири. Она складывалась под руководством Коммунистической партии, в рамках государства диктатуры пролетариата. Принципиальное значение при изучении рассматриваемой проблемы имеет также опыт Монгольской Народной Республики и Тувинской Народной Республики (1921—1944 гг.). Трудящиеся МНР и ТНР еще в период до образования мировой системы социализма первыми вне рамок пролетарского государства, но при его помощи осуществляли на практике принципы научного социализма, создавали политическую систему, обеспечивающую успешное развитие их стран по некапиталистическому пути к социализму.

Достигнутые положительные результаты в изучении экономического, социально-политического и культурного развития Тувы после Октябрьской революции позволяют на примере ТНР рассмотреть многие актуальные проблемы некапиталистического развития отсталых стран, в том числе и проблему их политического строя.

Научный подход к изучению политической организации ТНР, как и любой другой страны, вставшей на путь перехода от феодализма к социализму, требует выяснения сущности самого некапиталистического развития. По этому вопросу на страницах ряда советских журналов были проведены дискуссии обществоведов¹. Речь при этом шла и о том, считать ли некапиталистический путь развития отсталых народов разновидностью социалистического пути или это особый этап, особый период, не являющийся еще социалистическим. Как бы ни подходить к решению этого вопроса, некапиталистическое развитие не может рассматриваться как особая форма, как «третий» путь и т. п. Оно выражает переходное состояние общества, не является альтернативой социализма, а ведет к нему.

Переходный характер общественной жизни при некапиталистическом развитии проявляется как в социально-экономической, так и в политической областях. Истории известны два типа политической организации общества. В одном из них политическая структура носит антагонистический, внутренне противоречивый характер, базируется на частной собственности на средства производства и обеспечивает господство тех или иных эксплуататорских классов. В другом политическая организация социалистического общества основана на общественной социалистической собственности и обеспечивает диктатуру пролетариата. Именно со вторым типом соотносится политическая организация общества, развивающегося по некапиталистическому пути, она также является переходной формой от антагонистической политической организации общества к социалистической, но возникает в результате победы национально-освободительной, демократической революции.

Марксизм-ленинизм учит, что политическая надстройка порождается экономическими отношениями и связанной с ними социально-классовой структурой. В дореволюционной Туве господствовали патриархально-феодальные отношения. Социальная структура характеризовалась отсутствием индустриального рабочего класса и промышленной буржуазии, огромным преобладанием крестьянского населения, среди которого около 85% составляли кочевники — тувинские араты-скотоводы, а остальную часть — оседлые хозяйства русских крестьян-земледельцев, господством светских и духовных феодалов при нарождающейся сельской буржуазии и отсутствием интеллигенции как социальной прослойки.

¹ См. «Вопросы истории КПСС», 1964—1965 гг., «Народы Азии и Африки», 1966—1969; «Международная жизнь», 1970, № 10; «Вопросы истории», 1970, № 3 и др.

Политическая система ТНР формировалась в новых исторических условиях начавшейся эпохи перехода от капитализма к социализму, могучего воздействия Великой Октябрьской социалистической революции, помощи трудящимся Тувы со стороны рабочего класса Советской России.

Тувинская национально-освободительная революция 1921 г. была одной из первых антиимпериалистических, антифеодальных, демократических революций нового типа, победа которой открывала трудящимся Тувы в условиях начавшегося во всемирном масштабе перехода к социализму сокращенный путь к социальному прогрессу. Политическая организация ТНР и МНР на практике подтвердила предсказания В. И. Ленина о конкретных государственных формах общества в период некапиталистического развития. Как известно, В. И. Ленин считал, что такой формой государственной власти у отсталых стран и народов могут быть Советы. «Вполне понятно,— говорил В. И. Ленин в докладе на II конгрессе Коминтерна,— что крестьяне, находящиеся в полуфеодальной зависимости, отлично могут усвоить идею советской организации и осуществить ее на деле»².

Хуралы депутатов трудящихся ТНР, составлявшие основу политической организации республики, являлись своеобразной формой Советов, перенесенной на почву отсталой страны, становившейся на путь социального прогресса. Имело через организации типа Хуралов оказалось возможным объединить кочевников-скотоводов, укрепить союз тувинских трудящихся аратов с советским рабочим классом, подавить сопротивление реакционных сил и обеспечить руководство социально-экономическим развитием. По своему содержанию Хуралы в ТНР являлись революционно-демократической властью народа, которая утвердилась в острой классовой борьбе и заменила политическую надстройку феодального общества.

Исторический опыт учит, что после победы национально-освободительной революции, по мере постановки и решения задач антифеодального, демократического характера усиливается размежевание социальных сил, классовая борьба принимает самые разнообразные формы.

Трудящиеся Тувы под руководством ТНРП решительно преодолели противоборство со стороны феодалов, теократов и старых чиновников, подавили вооруженные мятежи в 1924, 1930, 1932 гг., добились окончательного изгнания в 1929 г. феодалов и их сторонников из партии и органов власти. Ликвидация в 1931 г. класса феодалов явилась выдающимся завое-

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 244.

ванием народно-демократического государства, коренным образом изменила соотношение классовых сил, позволила приступить к коллективизации аратских хозяйств и в целом — к новому, социалистическому этапу революции.

Одним из необходимых условий успешного функционирования политической организации общества, ставящего своей целью построение социализма, является последовательная демократизация общественной жизни, повышение активности народных масс, создание условий для их участия в управлении экономическим и культурным строительством. «...Без привлечения к общественному строительству новых слоев народа,— указывал В. И. Ленин,— без пробуждения активности широких масс, доселе спавших, ни о каком революционном преобразовании не может быть и речи»³.

Решение этой задачи в Туве в условиях вековой экономической и культурной отсталости представляло большую сложность. Оно осуществлялось по двум основным направлениям. Во-первых, по линии расширения социальной базы Хуралов, повышения их роли и укрепления на основе вытеснения из органов власти ставленников эксплуататорских классов, последовательной демократизации избирательной системы, ликвидации остатков феодально-управленческого аппарата. Начиная с выборов 1929—1930 гг., Хуралы в ТНР формировались почти исключительно из представителей трудящихся. Так, в составе делегатов VII Великого Хурала ТНР (1930 г.) бедняков и батраков было 72,7%, середняков — 15,1%⁴.

Усиление политических позиций трудящихся в ТНР шло, во-вторых, через повышение их революционной сознательности и организованности. Это было достигнуто созданием системы массово-политических организаций, обеспечивавших самое широкое участие неимущего населения в строительстве новой жизни. В 1931 г. членами народно-революционной партии, профессионального союза ТНР и Тувинского ревсомола являлись 11438 человек⁵, что составляло примерно третью часть взрослого населения. К тому времени 28,5% семей имели в своем составе партийца, 26,9% — ревсомольца. Свыше 79% аратских хозяйств являлись членами различных видов кооперации⁶.

Исторический опыт свидетельствует, что определяющее участие народных масс в управлении обществом, руководство некапиталистическим развитием требует такого высокого

³ В. И. Ленин. Полп. собр. соч., т. 36, с. 154.

⁴ История Тувы, т. II, М., 1964, с. 140.

⁵ См. Тувинская сельскохозяйственная и демографическая перепись 1931 года. М., 1933, с. 24—25.

⁶ Там же, с. 158—159.

уровня организованности прогрессивных сил, который может быть обеспечен наличием политической партии, базирующейся на теории научного социализма. Наиболее последовательно эту задачу выполняют марксистско-ленинские партии рабочего класса. Однако в отсталых странах, где при отсутствии рабочего класса или его малочисленности еще не созрели условия для создания коммунистической партии, роль авангарда тружеников, как неоднократно подчеркивал В. И. Ленин, может выполнять при определенных условиях партия революционных демократов.

Такую роль в ТНР выполняла Тувинская народно-революционная партия (1922—1944 гг.). Ее образование и последующее укрепление было результатом революционной активности тружеников армий, влияния и помощи Коммунистического Интернационала, партии Ленина, большевистских организаций в Сибири и самой Туве. История ТНРП — свидетельство возможности перехода народно-революционных партий стран социалистической ориентации при воздействии международного коммунистического движения и при определенных внутренних условиях на позиции пролетарской идеологии. В силу целого ряда благоприятных факторов внутреннего и международного характера переход ТНРП на позиции научного социализма опережал процесс вызревания в ТНР социального фактора. Этот переход, как говорят исследования⁷, совершился в 20-х годах на общедемократическом этапе революции.

Социально-экономический прогресс, отставшей страны обусловлен наличием четкой программы, обеспечивающей реализацию общих закономерностей некапиталистического развития с учетом конкретных условий. Создание передовыми представителями народа партии — авангарда, руководящей силы в системе политической организации общества при некапиталистическом развитии позволяет выработать и успешно претворять в жизнь такую программу.

ТНРП обеспечила решение основных задач развития страны по пути социального прогресса в результате упорной борьбы за овладение партийными кадрами марксизмом-ленинизмом, изучения и применения к своеобразным условиям ТНР опыта социалистического строительства в СССР, в результате последовательного укрепления связи с мировым коммунистическим движением. Выступая 20 августа 1935 г. на заседании комиссии VII конгресса Коминтерна при приеме ТНРП в состав Коммунистического Интернационала, председатель ЦК

⁷ См. О. А. Толгар-оол. Образование и идеино-организационное укрепление Тувинской народно-революционной партии (1922—1929 гг.). Автореф. канд. дисс. Иркутск, 1967; Г. Ч. Ширинин, Под знамя Ленина. Кызыл, 1972.

ТНРП С. К. Тока отмечал, что все успехи республики прежде всего достигнуты «...благодаря тесной связи с Коминтерном и руководству последнего, благодаря помощи и влиянию социалистического отечества угнетенных мира — СССР»⁸.

В ТНР были ликвидированы феодальные отношения, ограничено развитие частного сектора, создан и развивался социалистический сектор в промышленности и сельском хозяйстве, вытеснен иностранный торгово-ростовщический капитал, осуществлена монополия внешней торговли, организована сеть коллективных хозяйств типа товариществ по совместному развитию животноводства и земледелия. В республике была введена национальная письменность, ликвидирована неграмотность значительной части населения, готовились кадры для народного хозяйства, проводилась большая работа по преодолению феодально-ламского влияния и утверждению марксистско-ленинской идеологии.

Политическая организация общества некапиталистического развития имеет своей перспективой переход к социалистической системе диктатуры пролетариата. Задача состояла в том, чтобы изменения в экономических отношениях и классовой структуре получали свое отражение в политической надстройке. Успешное некапиталистическое развитие ТНР прежде всего и было обеспечено с точки зрения внутренних условий последовательным изменением, развитием ее политической системы по пути превращения государства аратской диктатуры в государство диктатуры пролетариата.

Эти изменения находили отражение в Конституции ТНР. После принятия Учредительным Хуралом первой Конституции ТНР (1921 г.) за 23-летний период существования ТНР ее высший законодательный орган, Великий Хурал, четырежды вносил изменения и утверждал новый текст Основного закона республики (в 1924, 1926, 1930, 1941 гг.). Вносимые изменения отражали социально-экономические сдвиги в стране, совершенствование самой политической структуры общества в процессе некапиталистического развития к социализму. Конституции фиксировали усиление антиэксплуататорской сущности власти в центре и на местах, развитие принципа суверенитета народа, повышение роли рабочих. «Тувинская Народная Республика,— говорилось в статье 1-й Конституции ТНР 1941 г.,— есть независимое государство трудящихся (аратов-скотоводов, рабочих и интеллигенции), уничтоживших империалистический и феодальный гнет, обеспечивающее некапиталистический путь развития страны к социализму»⁹.

⁸ ПАТО, ф. I, оп. I, д. 559, л. 23.

⁹ УЗ ТНИИЯЛИ, вып. VI, Кызыл, 1958, с. 293.

Вступление ТНР в Советское социалистическое государство стало возможным в результате достигнутых тувинским народом успехов в некапиталистическом развитии Тузы, в результате окрепшей в республике народной власти, политики ТНРП, основанной на принципах пролетарского интернационализма и дружбы с народами СССР.

Характер власти, структура политической организации в ТНР позволили осуществить после вступления Тузы в состав СССР создание здесь в полном соответствии с Конституцией СССР и Конституцией РСФСР советской политической системы с соблюдением преемственности. Малый Хурал трудящихся ТНР, хошунные, сумонные Малые Хуралы были преобразованы в соответствии с новым административно-территориальным делением в областной, районные и сельские Советы депутатов трудящихся, при этом полномочия депутатов Малых Хуралов сохранялись в качестве депутатов Советов вплоть до выборов в местные Советы РСФСР в 1947 г. До этого в составе сельских Советов Тузы функционировали и арбанные Советы, созданные в результате преобразования арбанных Хуралов.

Преемственность была соблюдена и при формировании исполнительных органов власти. Отделы исполкома облсовета создавались путем преобразования соответствующих министерств ТНР, исполкомы других местных Советов — на базе соответствующих президиумов Малых Хуралов.

Своеобразие пути трудящихся Тузы к политической организации общества советского социалистического типа проявилось и в специфике формирования здесь партийной и общественных организаций. Областная организация КПСС создавалась в Советской Туве на основе приема в ряды Коммунистической партии в 1944—1945 гг. членов и кандидатов ТНРП в индивидуальном порядке по их личным заявлениям.

Областная комсомольская организация была создана в Туве на базе Тувинского революционного союза молодежи. При этом более 90% членов и кандидатов ТРСМ комсомольского возраста по их личным заявлениям были приняты в ряды ВЛКСМ. Профсоюз ТНР решением ВЦСПС в 1945 г. был принят в профессиональные союзы СССР.

Все это свидетельствовало о том, что ТНР всем своим развитием была подготовлена для перехода к политической системе диктатуры рабочего класса. Этот переход явился закономерным результатом развития республики по некапиталистическому пути к социализму и, вместе с тем, выражением воли Тувинской народно-революционной партии, рабочих, крестьян-аратов, трудовой интеллигенции Тузы.

Однако переход к политической организации советского социалистического типа не был формальным актом. Для трудящихся Тулы этот переход стал явлением исторического значения. В Туле утвердилась самая демократическая политическая система, в рамках единого социалистического государства приобрел новые формы и упрочился союз трудовых армий и крестьян с рабочим классом, было обеспечено возрождение руководящей роли КПСС.

Все это вызвало величайший энтузиазм у тружеников Советской Тулы, их горячее стремление строить жизнь на основе братского сотрудничества со всеми народами страны под руководством Коммунистической партии; открылись широкие перспективы всестороннего расцвета экономики и культуры Тулы. Преобразование в 1961 г. Тувинской автономной области в АССР явилось новым ярким проявлением жизнеутверждающей силы ленинской национальной политики КПСС, важным событием в истории тувинского народа, дальнейшим совершенствованием его национальной государственности в системе политической организации советского общества.

Коренные социально-экономические преобразования, осуществленные в Туле за 30 лет ее развития в братской семье народов СССР, всестороннее развитие и подъем народного хозяйства и культуры трудящихся Тувинской АССР — яркое свидетельство торжества ленинской национальной политики, советского общественного и государственного строя, дружбы народов нашей великой Родины.

А. М. Шумов

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТНРП В ВОЕННОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ

Многие проблемы истории Тувы периода Тувинской Народной Республики в той или иной мере освещены в литературе. Вопросы же организации вооруженных сил страны еще не были предметом специального исследования.

Решая сложные политические, экономические и идеологические задачи некапиталистического пути развития страны, Тувинская народно-революционная партия и правительство ТНР, руководствуясь ленинским учением о защите революции, в центре своего внимания держали также и вопросы вооруженной охраны республики. «Всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит,— писал В. И. Ленин,— если она умеет защищаться, но не сразу революция научается защищаться»¹.

Ввиду большой экономической и культурной отсталости, отсутствия подготовленных кадров завоевать и надежно защитить свою независимость тувинский народ мог только в союзе с Советской Россией — государством диктатуры пролетариата. Это положение нашло отражение в принятой Всетувинским Учредительным Хуралом 15 августа 1921 г. первой Конституции ТНР, где провозглашалось, что «республика ведет в союзе с Советской Россией решительную борьбу с белыми бандами и другими империалистами, стремящимися превратить территорию Танну-Тува в колонию иностранного капитала»².

ТНРП и правительство ТНР приняли меры для создания Тувинской народно-революционной армии (ТНРА). Формирование и развитие ее было неразрывно связано с историей

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 122—123.

² З. свободы народа, Кызыл, 1957, с. 268.

Красной Армии. Другой особенностью Тувинской НРА являлось то обстоятельство, что она создавалась после победы Народной революции, в условиях мирного времени. Перед Тувинской народно-революционной армией стояла задача обеспечить защиту завоеваний революции от посягательств внутренних и внешних врагов, охранять мирный труд своего народа.

В процессе строительства ТНРА можно выделить три основных периода: первый (август 1924—1930 г.) — формирование НРА; второй (1930 — июнь 1941 г.) — дальнейшее укрепление НРА; третий (июнь 1941 — конец 1944 г.) — приведение НРА в полную боевую готовность и участие ее добровольческих подразделений в боях на фронтах Великой Отечественной войны Советского Союза против фашистской Германии.

В конце 1921 г. при правительстве республики был создан военный отряд численностью до 30 человек. Его назначение состояло в том, чтобы охранять государственные учреждения и поддерживать общественный порядок. Следовательно, отряд выполнял функции не собственно армии, а выступал «...и милицией, и войском охраны»³. Согласно положению о РСТК⁴ 1922 г., она также организовывала свою вооруженную охрану.

Весной 1924 г. на Хемчике феодалы подняли вооруженный мятеж, втянув в него путем обмана некоторую часть наиболее отсталых аратов. Силами тувинского военного отряда при содействии аратских добровольческих дружин и отряда РСТК к осени 1924 г. мятеж был подавлен⁵. Однако оставалась опасность возникновения новых вооруженных выступлений феодалов и русского кулачества. Поэтому ЦК ТНРП и правительство республики летом 1924 г. обратились к Советскому правительству с просьбой о введении на территорию страны советской воинской части. Эта просьба была удовлетворена, и в конце июля этого же года в Туву временно вступил советский кавалерийский эскадрон⁶.

Первая конференция ТНРП (апрель 1924 г.) и III съезд ТНРП (август 1924 г.), всесторонне обсудив хемчикские события, обстановку в стране в целом, признали необходимым создание национальной регулярной армии⁷. В соответствии с этим II Великий Хурал ТНР 28 сентября 1924 г. принял постановление о создании Народно-революционной армии (вна-

³ С. К. Тока. Слово арата. М., 1972, с. 134.

⁴ РСТК — Русская самоуправляющаяся трудовая колония.

⁵ История Тувы, т. II, с. 108—111; УЗ ТНИИЯЛИ, вып. VIII. Кызыл; 1960, с. 104.

⁶ УГА Тувинской АССР, ф. 100, оп. I, д. 12, л. 56.

⁷ ПАТО, ф. I, оп. 2, д. 36; оп. I, д. 1599, л. 2; ф. 32, оп. I, д. 30, л. 137.

чале именовавшейся Аратской Красной Армией) в составе кавалерийского эскадрона⁸. 30—31 декабря этого же года пленум ЦК ТНРП рассмотрел вопрос о ходе формирования армии⁹, а 9 марта 1925 г. Политбюро ЦК партии и Совет Министров ТНР обсудили состояние боевой и политической подготовки в частях и подразделениях армии¹⁰.

Большое внимание вопросам строительства армии уделил IV съезд ТНРП (октябрь 1925 г.), принявший специальную резолюцию по вопросам дальнейшего укрепления армии¹¹. В ней отмечалось, что серьезным сдерживающим фактором в этом деле государственной важности является поголовная неграмотность личного состава и призывающего пополнения. В целях повышения уровня боевой подготовки съезд обязал командование и партийную организацию ТНРА организовать обучение грамоте и улучшить идеально-политическое воспитание воинов в духе преданности идеям Народной революции. В армии вводится система политических занятий со всем личным составом по плакам и программам, утвержденным Политбюро ЦК ТНРП¹².

В своей работе по созданию Народно-революционной армии ЦК ТНРП и правительство большую помощь получало от Райбюро РКП(б) и исполкома РСТК. Райбюро специально обсуждало вопрос о содействии тувинским органам власти в создании армии (24 сентября и 18 октября 1924 г., 7 октября 1925 г.¹³). С разрешения Советского правительства исполкомом РСТК были рекомендованы военные советники, выделены для ТНРА оружие и боеприпасы, снаряжение и другое военное имущество. Со стороны партийной организации и политработников советской воинской части, дислоцировавшейся в ТНР, была оказана помощь командованию ТНРА в организации боевой учебы и партийно-политической работы, установлено шефство над ее подразделениями.

Первые итоги деятельности ЦК ТНРП по созданию армии подвел V съезд партии (сентябрь 1926 г.)¹⁴, который поставил задачи: создать в ТНРА партийные ячейки, формирование армии проводить из трудовых араторов, укреплять связь армии и народа, неуклонно повышать боеспособность частей и подразделений, упорядочить вооружение и снабжение, широко осуществлять обучение военному делу трудящихся, особенно

⁸ ЦГА Тувинской АССР, ф. 5, оп. 2, д. 7, л. 1.

⁹ ПАТО, ф. 1, оп. 2, д. 15, л. 38.

¹⁰ Там же, д. 66, л. 3.

¹¹ Там же, оп. 3, д. 5, л. 80.

¹² Там же, оп. 2, д. 191, лл. 3—4.

¹³ Там же, ф. 32, оп. 1, д. 39, лл. 137, 145; д. 52, л. 11; д. 1113, л. 24.

¹⁴ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 30, л. 2.

молодежи, готовить из трудовых аратов преданных интересам народа командиров и политработников¹⁵. В Программу ТНРП было включено дополнение, в котором говорилось: «Танну-Тувинская народно-революционная партия принимает активное участие в строительстве Народной армии республики»¹⁶, члены партии «должны быть образцовыми солдатами, показывать остальным пример самоотверженности и дисциплины»¹⁷.

В соответствии с решениями V съезда ТНРП укрепляется созданная в 1925 г. общеармейская партийная ячейка, а в декабре 1931 г. были образованы партичайки по эскадронам¹⁸. Это способствовало повышению руководящей роли ТНРП в армии, усилинию влияния партийных организаций на всю деятельность ее частей и подразделений.

Создание ТНРА законодательно закрепила Конституция ТНР, принятая IV Великим Хуралом в ноябре 1926 г. В ней содержался следующий текст: «В интересах обеспечения всей полноты власти за трудящимися массами и устранения всякой возможности реставрации властей внешних поработителей и внутренних эксплуататоров подтверждается вооружение трудящихся путем образования Народно-революционной армии»¹⁹. С принятием новой Конституции начался регулярный ежегодный призыв трудящихся аратов в ряды ТНРА.

Активно участвовал в строительстве армии ТРСМ. В его программе, принятой I съездом (декабрь 1925 г.), было записано, что «...революционный Союз молодежи разъясняет тувинской молодежи значение строительства и укрепления армии.., помогает... проводить мобилизацию, борясь с дезертирством, ведя просветительную работу в воинских частях»²⁰. Ревсомол оказывал большую помощь командирам и партийным организациям по идеально-политическому и культурному воспитанию армейской молодежи, мобилизовал ее на глубокое изучение военного дела, бдительное несение службы, укрепление воинской дисциплины.

В связи с образованием в армии партийной и ревсомольской организаций, ростом численности партичайек и усложнением всей партийно-политической работы среди личного состава 28 мая 1928 г. Политбюро ЦК ТНРП приняло решение о создании политотдела²¹.

¹⁵ ПАТО, ф. 1, оп. 2, д. 118, л. 5.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, л. 8.

¹⁸ Там же, д. 288, л. 18; д. 528, л. 170.

¹⁹ ЦГА Тувинской АССР, ф. 93, оп. 1, д. 7, л. 1.

²⁰ ПАТО, ф. 4, оп. 1, д. 6, л. 7.

²¹ Там же, ф. 1, оп. 2, д. 288, лл. 27 «а», 33.

Таким образом, большая и разносторонняя работа партии позволила создать кадровую армию, оснащенную необходимым количеством оружия и снаряжения, а главное, укомплектовать ее преданным делу революции, идеально закаленным и хорошо обученным командным и рядовым составом из числа трудящихся аратов. Теперь ТНРА была способна надежно обеспечить защиту интересов народно-демократического государства от происков внутренней контрреволюции и в боевом содружестве с Красной Армией — от империалистической агрессии. Поэтому в соответствии с соглашением между правительствами ТНР и СССР в 1929 г. советская воинская часть была выведена из Тувы. При этом все ее вооружение и снаряжение по разрешению Советского правительства было безвозмездно передано командованию ТНРА²².

Особое внимание военному строительству уделил VIII съезд ТНРП (октябрь—ноябрь 1929 г.). Учитывая усиление происков внутренней реакции и обострение международной обстановки, съезд отметил, что «возможность вооруженного нападения на аратскую революционную власть и независимость Тувы, реальность которой предупредили произошедшие военные восстания.., ставят со всей остротой вопрос об укреплении обороноспособности страны»²³.

Борьба ТНРП за воплощение в жизнь решений VIII съезда по военному вопросу, как важной составной части развития ТНР по некапиталистическому пути к социализму, положила начало новому, второму периоду в строительстве вооруженных сил республики. За 1930—1941 гг. имело место значительное укрепление органов управления, партийно-политического руководства, увеличение воинских формирований, дальнейшее оснащение армии с помощью СССР новым оружием и боевой техникой.

В конце 1929—начале 1930 г. комиссия ЦК ТНРП и правительства обследовала состояние армии. По результатам работы комиссии Политбюро ЦК ТНРП и Совет Министров ТНР приняли совместное постановление, которым предусматривалось уменьшить призыв в армию лиц — выходцев из феодально-байской среды; при хошунных управлениях создать военно-учётные столы; разработать систему льгот военнослужащим и их семьям; организовать подготовку подлежащих демобилизации воинов для работы в народном хозяйстве; развернуть строительство объектов для нужд армии (казарм, конюшен, складов и других сооружений); организовать пограничную службу.

²² ПАТО, ф. 1, оп. 1, д. 1599, л. 3.

²³ Там же, д. 545, л. 75.

В целях усиления влияния ТНРП в армии, повышения уровня всей партийно-политической работы вводится институт политических руководителей — комиссаров²⁴. На основе вышеуказанного постановления кавалерийский эскадрон был переформирован в кавалерийский дивизион²⁵; в начале 1931 г. создается школа младших командиров²⁶.

Все это позволило партии и тувинскому правительству еще более укрепить армию и при её участии в кратчайшие сроки ликвидировать весной 1930 г. новый мятеж феодалов, поддержанный русскими кулаками²⁷.

Изучая опыт строительства Красной Армии и творчески применяя его к условиям Тувы, Политбюро ЦК ТНРП и Совет Министров ТНР 19 октября 1932 г. приняли решение о переходе на кадрово-территориальную систему организации армии. В связи с этим вместо дивизиона создается кавалерийский полк в составе пяти эскадронов²⁸. С этого времени до 1939 г. части ТНРА делились на центральные и местные — территориальные. В 1933 г. впервые были проведены территориальные сборы²⁹. Новая система вооруженных сил страны обеспечивала наибольшийхват трудящихся артатов военной подготовкой и несколько снижала расходы государства на содержание армии.

Важную роль в усилении военного потенциала республики играло Общество содействия обороне страны (ОСОС), созданное в начале 30-х годов. Оно активно участвовало в военно-патриотическом воспитании трудящихся и в допризывной подготовке военнообязанных.

Огромное значение для укрепления ТНРА, повышения уровня образования и культуры её личного состава имело введение в 1930 г. тувинской национальной письменности. Ниже приводимая таблица показывает рост грамотности (в %) призывников и ход их обучения в процессе воинской службы в начале 30-х годов³⁰.

Призвано в армию	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Грамотных	57	74	70	71,6
Малограмотных	—	—	—	12,4
Неграмотных	43	26	30	16
из них обучено грамоте в армии	43	26	30	16

²⁴ ПАТО, ф. 1, оп. 2, д. 528, лл. 61—62.

²⁵ Там же, оп. 1, д. 1599, л. 1.

²⁶ Там же.

²⁷ См. История Тувы, т. II, с. 139—140.

²⁸ ПАТО, ф. 1, оп. 1, д. 335, л. 8.

²⁹ Там же, оп. 2, д. 732, л. 2.

³⁰ Там же, оп. 1, д. 936, л. 4. Грамотными считались те, кто умел читать и писать.

Процесс роста общеобразовательного уровня воинов ТНРА еще более интенсивно происходил в последующие годы. Важно подчеркнуть, что ТНРА была школой не только подготовки вооруженных защитников республики, но и школой воспитания «проводников революционной культуры в среде масс аратов»³¹, подготовки кадров для партийного, государственного и хозяйственного строительства.

Не менее важное значение для укрепления ТНРА имела борьба с влиянием ламаистской церкви, которая наносила огромный экономический ущерб народной власти (ежегодно на содержание монастырей расходовалось более 200 тыс. руб.³²), задерживала культурный рост аратов, пытаясьвести религиозную пропаганду и в армии³³.

В начале 30-х годов был ликвидирован класс феодалов, первые успехи были достигнуты в коллективизации аратских хозяйств, в развитии государственной промышленности и кооперативной торговле. В результате осуществления этих социально-экономических, а также и культурных преобразований существенно изменился социальный состав ТНРА. Так, если в 1930 г. число аратов-бедняков и середняков в ее рядах составляло 72%, то в 1933 г.—87%. Возрастало и число воинов из колхозников, рабочих и интеллигенции. Партийно-революционская прослойка среди личного состава в 1933 г. составляла уже 61,7%³⁴.

Ряд важных мероприятий по укреплению армии и обороны страны в целом ТНРП осуществила непосредственно в предвоенные годы. В 1937 г. создается Военный совет республики³⁵. XI съезд ТНРП (ноябрь 1939 г.) поручил Центральному Комитету партии в ближайшие 2—3 года обеспечить армию в полном объеме вооружением и еще более поднять уровень её боевой готовности³⁶. Исходя из решений съезда и в целях улучшения руководства обороной страны и строительством армии в июне 1940 г. было образовано Военное министерство³⁷, утверждено положение о военных комиссарах³⁸, принимаются конкретные меры по оснащению армии новыми видами оружия и боевой техники, улучшению подготовки командных кадров и повышению боевой готовности частей и подразделений.

³¹ ПАТО, ф. 1, оп. 2, д. 738, л. 1.

³² Там же, ф. 32, оп. 1, д. 90, л. 79.

³³ Там же.

³⁴ Там же, ф. 1, оп. 2, д. 732, лл. 2, 3.

³⁵ Там же, оп. 1, д. 335, л. 13.

³⁶ ЦГА Тувинской АССР, ф. 5, оп. 2, д. 7, л. 4.

³⁷ ПАТО, ф. 1, оп. 1, д. 1599, л. 3.

³⁸ Там же, оп. 2, д. 824, л. 357.

В решении этих и других задач, как и прежде, большую роль играла бескорыстная помощь Советского Союза. Советское правительство в этот период предоставило ТНР крупные кредиты и ссуды, передало ряд важных для республики народнохозяйственных объектов³⁹, удовлетворило просьбу Тувинского правительства на поставку оружия, боевой техники⁴⁰. Например, только в марте 1941 г. Советский Союз поставил ТНР оружия, боевой техники и военного имущества на сумму 1 млн. 284 тыс. руб. без учета транспортных расходов⁴¹.

В советских средних и высших учебных заведениях получило образование 25% командных кадров ТНРА⁴². Обучаясь в СССР, командиры и политработники ТНРА не только приобретали военные специальности, но и глубоко овладевали марксистско-ленинским учением, становились пропагандистами и проводниками его в армии и среди трудящихся.

Большую роль в ТНРА играли приглашенные из СССР советские военные инструкторы. Они оказывали всестороннюю помощь командованию в организации обучения и воспитания бойцов, передавали свой богатый опыт. Высоко оценивая возрастающее значение помощи Советского Союза в деле укрепления обороны ТНР и её армии, а также и личные заслуги народного комиссара СССР, Маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова, Президиум Малого Хурала ТНР 28 октября 1937 г. наградил его орденом Республики⁴³.

XII, внеочередной съезд ТНРП (апрель 1941 г.) подвел итоги социально-экономических преобразований в стране, выдвинул новые задачи по усилению социалистического строительства. Отмеченные съездом социально-экономические и культурные завоевания получили свое отражение в Конституции ТНР, принятой X Великим Хуралом. В Конституции были также отмечены изменения в характере и роли Народно-революционной армии. К этому времени ТНРА превратилась в подлинное орудие диктатуры аратства и рабочих⁴⁴. В связи с этим отпала необходимость в ограничении призыва в армию. Защита Отечества стала священным долгом, а воинская служба в Народно-революционной армии — почетной обязанностью каждого гражданина ТНР. Статья 90 Конституции 1941 г. гласила: «Защита Родины есть священный долг каждого гражданина ТНР»⁴⁵.

³⁹ См. История Тувы, т. II, с. 159—165.

⁴⁰ ЦГА Тувинской АССР, ф. 100, оп. 7, д. 127, лл. 1—2.

⁴¹ Там же, ф. 92, оп. 1, д. 86, лл. 7—9.

⁴² ПАТО, ф. 1, оп. 1, д. 1599, л. 9.

⁴³ ЦГА Тувинской АССР, ф. 93, оп. 1, д. 15, л. 1.

⁴⁴ См. Сборник законов ТНР. Кызыл, 1944, с. 15.

⁴⁵ Там же, с. 26.

В качественно новый период развития ТНРА вступила с начала Великой Отечественной войны Советского Союза против гитлеровской Германии. В первый же день войны Х Великий Хурал ТНР провозгласил, что тувинский народ «...не щадя жизни, готов всеми силами и средствами участвовать в борьбе советского народа против фашистского агрессора до окончательной победы над ним»⁴⁶.

ТНРП развернула всенародное движение по оказанию помощи СССР в его борьбе с гитлеровской Германией, приняла надлежащие меры по укреплению армии и приведению ее в полную боевую готовность. Выполняя директивы II пленума ЦК ТНРП (июнь 1941 г.), правительство ТНР приняло постановление об увеличении численности армии более чем в 2 раза, а 9 ноября 1941 г. направило в Наркомат Обороны СССР письмо, в котором выразило готовность мобилизовать в армию все резервы мужского населения республики, способного к военной службе, и просило дать свои рекомендации по боевому использованию ТНРА⁴⁷. Получив от Советского Союза дополнительное необходимое количество вооружения и техники, ТНРП и правительство создали ряд новых воинских формирований, в результате чего численность ТНРА к концу 1941 г. возросла в 2,5 раза⁴⁸. Главное внимание в подготовке армии партия уделяла повышению боевой выучки частей и подразделений на основе изучения и использования боевого опыта Красной Армии на фронтах Великой Отечественной войны⁴⁹.

В целях повышения ответственности воинов ТНРА и развития чувства интернационального воинского долга в начале 1942 г. был утвержден новый текст военной присяги. Принимая её, воин ТНРА говорил: «Я всегда готов по приказу народно-революционного правительства выступить на защиту моего Отечества — Союза Советских Социалистических Республик... и моей Родины — Тувинской Народной Республики»⁵⁰. 22 октября 1942 г. Президиум Малого Хурала ТНР принял закон «Об обязательной военной службе»⁵¹. По этому закону устанавливался двухгодичный срок службы (для сержантов 3 года), осуществлено было переименование командного состава в офицерский и генеральский, вводились воинские звания и новые знаки различия. Большое значение для укрепления обороны страны и армии имели решения

⁴⁶ Сборник законов ТНР, с. 5.

⁴⁷ ЦГА Тувинской АССР, ф. 93, оп. 3, д. 22, л. 11.

⁴⁸ ПАТО, ф. 1, оп. 1, д. 1599, л. 9.

⁴⁹ См. «Под знаменем Ленина — Сталина». Кызыл, 1942, № 1, с. 94.

⁵⁰ Сборник законов ТНР. Кызыл, 1944, с. 253.

⁵¹ Там же, с. 245—252.

ЦК ТНРП и правительства по организации всеобуча населения страны⁵². За период с 15 октября 1941 г. по март 1943 г. обучение прошли 14535 человек⁵³.

Личный состав ТНРА, движимый патриотическим и интернациональным чувством, всеми мерами стремился оказывать помощь героическим вооруженным силам СССР. За годы войны бойцы и командиры ТНРА в фонд Красной Армии внесли 325500 руб., передали 27000 голов скота и подарков на общую сумму 90 тыс. руб.⁵⁴

Главное стремление воинов ТНРА состояло в том, чтобы беззаветно сражаться плечом к плечу с Красной Армией против фашистских поработителей. В первые дни войны 1179 граждан ТНР, в большинстве своем воины Народно-революционной армии, подали заявления с просьбой послать их на фронт⁵⁵. Учитывая это горячее желание трудящихся, ЦК ТНРП и правительство обратились в ЦК ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров СССР с просьбой разрешить тувинским патриотам принять непосредственное участие в боевых действиях⁵⁶. Советское правительство со своей стороны выразило признательность и в 1943 г. дало согласие принять тувинских добровольцев в ряды Красной Армии. В мае того же года на фронт отправилась группа добровольцев-танкистов, а в сентябре — добровольческий кавалерийский эскадрон под командованием капитана Т. Б. Кечил-оола.

Благодаря высокому морально-политическому и боевому духу, отличной выучке тувинские добровольцы показали образцы мужества и отваги в боях с ненавистным врагом⁵⁷. За образцовое выполнение боевого интернационального долга в боях с немецко-фашистскими войсками тувинский добровольческий эскадрон Указом Президиума Малого Хурала был на-

⁵² ПАТО, ф. 1, оп. 1, д. 1599, лл. 3—5; ЦГА Тувинской АССР, ф. 92, оп. 10, д. 15, лл. 144—145.

⁵³ ПАТО, ф. 1, оп. 1, д. 1599, л. 4.

⁵⁴ ЦГА Тувинской АССР, ф. 5, оп. 2, д. 7, л. 5.

⁵⁵ ПАТО, ф. 1, оп. 1, д. 1599, л. 5.

⁵⁶ См. «История Тувы», т. II, с. 216.

⁵⁷ См. там же, с. 216—224; Ю. Л. Аранчин. Тувинские кавалеристы в боях за социалистическое Отечество. УЗ ТННИЯЛИ, вып. XIV. Кызыл, 1970, с. 276—301; его же. Тува в годы Великой Отечественной войны. Кызыл, 1973, с. 9—16; В. А. Забелина. Женщины Тувы в дни войны. Там же, с. 131—134; И. З. Захаров. Ратные подвиги тувинских добровольцев в борьбе с фашистскими захватчиками. Там же, с. 298—301; Т. Х. Таржа. Тувинский эскадрон на фронте. Там же, с. 291—297; Т. Х. Таржа. На фронтах Отечественной. В сб. «Дружба, братство, счастье». Кызыл, 1974, с. 53—67; А. Доманк. Тувинский добровольческий.—«Военно-исторический журнал», 1974, № 10, с. 51—54.

гражден орденом Республики⁵⁸. Верховное главнокомандование Вооруженных Сил СССР присвоило эскадрону почетное наименование «Ровенский гвардейский». За героизм и отвагу, проявленные в борьбе с фашистскими оккупантами, 67 бойцов и командиров эскадрона были награждены орденами и медалями Советского Союза,⁵⁹ а 135 добровольцев — орденами и медалями ТНР⁶⁰.

Боевое содружество Тувинской народно-революционной армии с Красной Армией, кровь, пролитая добровольцами в боях против общего врага, еще более сцементировали братскую дружбу советского и тувинского народа и, наряду с другими факторами, усилили стремление тувинцев войти в состав Советского Союза. В октябре 1944 г. Тува стала Советской.

Тувинская НРА была армией нового, народно-демократического типа. Ее функционирование являлось важнейшим атрибутом тувинского государства в его переходный период от феодализма к социализму. Опираясь на руководство ТНРП, помочь СССР и его вооруженных сил, ТНРА успешно выполнила свою высокую миссию, свой интернациональный долг. После вступления ТНР в состав СССР решение всех вопросов социально-экономического и культурного строительства в Туве стало осуществляться общесоюзовыми государственными органами под руководством КПСС. ТНРА была расформирована, а ее воины влились в ряды Советских Вооруженных Сил.

⁵⁸ См. «Под знаменем Ленина — Сталина», Кызыл, 1944, № 1—2, с. 36; «Тувинская правда», 28 июня 1944 г.

⁵⁹ «Тувинская правда», 22 апреля 1944 г.

⁶⁰ «Тувинская правда», 26 июня 1944 г.

В. А. Забелина

**РОСТ АКТИВНОСТИ ТУВИНСКИХ АРАТОК
В ПРОЦЕССЕ НЕКАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ ТНР
(1930—1940 гг.)**

20-е годы ознаменовались углублением Народной революции, демократизацией жизни страны, созданием и развитием с помощью СССР государственной и кооперативной торговли, финансово-кредитной системы, приведшими к полному вытеснению из экономики страны иностранного частного капитала, а также подготовкой первых кадров партийного, государственного аппарата, созданием органов вооруженной защиты революционных завоеваний трудящихся. Попытки бывших князей и крупных лам, правых и левых элементов дискредитировать отношение Советского Союза к ТНР, преднамеренное с их стороны искривление политики партии и правительства в надежде посеять в народе пессимизм и неверие в его творческие силы, завершившиеся, как правило, вооруженными мятежами, потерпели крах. На опыте классовой борьбы трудящиеся араты учились распознавать своих врагов, начинали сознавать глубокий смысл опоры на растущую мощь и авторитет СССР и необходимость всемерного укрепления союза с ним.

В этот период несколько улучшилось экономическое положение трудовых аратов: были ликвидированы долги иностранным купцам и уртэльные повинности, прекращены массовые сборы для монгольских князей и самого Богдо-гэгэна, лавки и склады Госторга и Тувинценкоопа стали отпускать товары производственного и потребительского назначения по доступным массовому покупателю ценам. В области политической жизни в связи с проведением первых выборов были сформи-

рованы низовые звенья народной власти в основном из представителей трудящихся и образованы народные суды. Все это, естественно, не могло не отразиться и на положении трудовых араток. Впервые в 1926 г. под влиянием русских женщин-делегаток возникает просветительское движение среди тувинок города Кызыла. В результате усиления работы ТНРП с аратками появились первые женские активистки (Толгармаа, Туван, Барыкаан, Камова, Дынгыжая и др.), к 1930 г. около сотни девушек были привлечены к учебе в первых школах Тувы и отправлены на учебу в Советский Союз. Все это свидетельствует о том, что тувинки по мере пробуждения трудового народа к самостоятельному политическому мышлению включались в общественно-политическую жизнь.

Вместе с тем, однако, было бы приукрашиванием действительности говорить о значительных проявлениях активности тувинок в тех условиях, когда экономическая основа феодализма еще не была разрушена, в стране не было сколько-нибудь развитой промышленности, господствовали натуральные мелкотоварные кочевые аратские хозяйства, основывавшие свою хозяйственную деятельность на альном способе кочевания и сохранившие в себе черты патриархально-родовых традиций. На сознание и поведение неграмотных, забытых аратов еще большое влияние имела ламская религия, выступавшая в роли регулятора норм нравственности и семейно-брачных отношений.

Накануне Октябрьской революции, по подсчетам Ю. Л. Аранчына, тувинское общество структурно выглядело следующим образом: около 40%, или 5 тыс. ореге,¹ составляли беднота (сюда не включены пауперизированные араты и батраки), почти 50%, или 6150 ореге,— середнячество, 10%, или около 1 тыс. ореге,— феодалы и карабай. К этому следует причислить около 13 тыс. детей до 17 лет², не менее половины которых принадлежала к женскому полу.

Приведенные данные о социальной структуре аратства, о большой в ней доле бедняцких хозяйств, с одной стороны, сохраняют свое исходное значение вплоть до 1931 г., т. е. до ликвидации феодалов как класса, и, с другой стороны, свидетельствуют о том, какое тяжелое наследие осталось народной Туве от феодального строя.

Важным рубежом в решении проблемы эмансипации женщин явился VIII съезд ТНРП, принявший по рекомендации Восточного секретариата Исполкома Коминтерна развернутую программу развития ТНР по некапиталистическому пути

¹ Ореге — двор (хозяйственная единица).

² В дореволюционной Туве родители нередко выдавали замуж дочерей с 13-летнего возраста.

к социализму, наметивший конкретные меры подъема экономики и культуры республики, повышения политической активности трудовых аратов и араток. В резолюции съезда указывалось: «Дальнейшая работа должна строиться по линии максимального привлечения женщин к участию в государственной и общественной жизни страны, по линии вовлечения женщин в государственные, кооперативные и другие органы, по линии воспрещения купли и продажи (применяя широко судебно-репрессивные меры), по линии борьбы с семейным и бытовым закрепощением»³.

Введение национальной письменности, конфискация имущества и скота у феодалов и передача значительной части конфискованного скота бедноте явились важнейшими предпосылками поднятия сознательности тувинок и привлечения их к общественно-политической жизни страны. Характерно, что в газетах стали систематически освещаться женские проблемы. Первые произведения тувинской художественной литературы (повесть «Самбукайны чугаазы» («Рассказ Самбукая»), пьесы: «Хэрэжэн» («Женщина») С. Тока, «Хайыран-бот» В. Кок-оола и др.) ярко отображали тяжелую долю женщины в прошлом, значение Октябрьской революции для трудового народа страны.

Развернувшийся в Туве в 1930—1931 гг. процесс кооперирования аратских хозяйств также имел важное значение для роста политического уровня тувинок. С целью пропаганды идей кооперирования был проведен первый съезд колхозников Тувы в госхозе «Элегест».

Широко обсуждавшийся на этом съезде опыт работы русских колхозов, знакомство с госхозом «Элегест», демонстрация работы тракторов произвели неизгладимое впечатление на делегатов съезда, которые потом повели пропаганду среди населения всех хошунов. Не случаен также и тот факт, что одна из первых активисток, заведующая женотделом ЦК партии Т. Ш. Сат (Камова) была избрана председателем образованного съездом Колхозцентра ТНР. Колхозцентр под руководством партии провел большую работу по пропаганде идей коллективизации среди аратов, привлек немало тувинок в колхозы, воспитывал членов артелей в духе колLECTивизма и революционной сознательности. Колхозное движение выдвинуло из рядов женщин таких прекрасных агитаторов и организаторов, как Нанзалмаа (Бай-Холь сумон), Бора (Хорум-Даг сумон), Мандыраа (Изиг-Кара сумон), Сержинмаа, Ошку-Саар и др.

³ VIII съезд Тувинской аратской революционной партии в резолюциях. Кызыл-Хото, 1930, с. 17.

Наряду с положительными моментами, в колхозном движении были допущены серьезные ошибки: нарушался принцип добровольности при вступлении в члены колхозов, объявлялась сплошная коллективизация путем обобществления всего имущества и скота вплоть до личной собственности граждан, создавались коммуны, в которых действовал принцип — «каждому по потребностям» вместо принципа «каждому — по труду». При исправлении левацких перегибов была допущена другая крайность: распущены вполне жизнеспособные колхозы, тем самым подрывалось желание трудовых масс объединить свои силы для коллективного ведения хозяйства. Потребовалось несколько лет, чтобы вновь развернулось движение за коллективизацию.

После конфискации скота у феодалов и распределения его среди бедноты наметился процесс осердечения аратских хозяйств. Этому способствовала политика, при которой исходили из того, что первичные формы коллективизации — тозы и тужи, оставляя значительную часть орудий и средств производства в руках своих членов, не в состоянии были дать такой объем производства, который бы мог обеспечить потребности государства в сельхозпродуктах; что интересы укрепления экономической мощи страны и постепенного подведения основной массы аратства к коллективному ведению хозяйства требовали использования возможностей индивидуальных хозяйств путем регулирования процесса их развития налогово-кредитной политикой и планом госпоставок.

Такая политика приносила свои плоды. Так, например, семье беднячки Кол Кагый (Тоджа) в 1931 г. из конфискованного скота было выделено более трех десятков голов овец, лошадь и корова. Через девять лет в ее отаре насчитывалось одних овец более 150. Кол Кагый была награждена орденом Республики за то, что она ежегодно добивалась устойчивого прироста поголовья овец и аккуратно выполняла план продажи мяса и шерсти государству. Женщины Тоджи видели свой патриотический долг и в умножении оленевых стад и добычи пушнины. Так, председатель женотдела Улуг-Дагского сумона Ак Кушкаштаар лично возглавляла бригаду, состоящую из обученных ею охотничью мастерству 29 девушек. Ее примеру последовали и другие активистки. О значении этого почина говорит тот факт, что в 1937—1938 гг. 8 тоджинских женщин-охотников получили Почетные грамоты Президиума Малого Хурала ТНР, 42 женщины были признаны лучшими охотницами и премированы.

Типична для новой Тувы судьба аратки из Чыргаланды сумона Тес-Хемского хошуна О. Д. Сиилинмаа, которая, как

и тысячи ее сверстниц, сполна испытала всю тяжесть феодального и колониального гнета, унижения и издевательства в семье и обществе при феодальном строе, в числе первых поняла всем сердцем и душой сущность народной власти и революционной партии, стала активным бойцом за новую Туву, являлась в разное время депутатом всех звеньев Хуралов трудящихся, членом ЦК ТНРП.

После революции, когда стали создаваться первые тувинские населенные пункты, сумонные и хошуинные центры, строиться столица республики, начался процесс оседания населения в основном за счет бедноты: здесь люди находили работу в качестве курьеров, сторожей, складских рабочих, уборщиц, истопников, плотников, кучеров в уртелях и др. В начале 30-х годов на приисках, где работали старательские артели, возникают рабочие поселки. По призыву партии со всех концов Тувы сюда идут люди в одиночку или с семьями, чтобы пополнить ряды рабочих. С целью формирования новых очагов промышленности в республике организуется ряд кустарно-промышленных артелей. Впервые выдвигается вопрос о рациональном использовании трудовых ресурсов, ставится задача решения социальных проблем труда. Это настоятельное требование жизни еще более усилилось в связи с тем, что в 30-е годы организуется акционерное общество «Совтутранс», создаются кожевенно-пимокатный и лесопильный заводы. В новых населенных пунктах открываются магазины, школы, медицинские пункты и детские ясли.

Тувинскому арату и аратке предстояло освоить не только новые для них профессии, но и элементарные навыки оседлого быта, для чего повсеместно организовывались кружки кройки и шитья, учеба плотничью, малярному, столярному делу и т. п. Молодые тувинки не отставали от своих мужей и братьев в овладении профессиями. Так, О. Чанга стала первой женщиной-шофером, Лопсан-Сюрюн — первой из тувинок автослесарем.

Массовая подготовка кадров швейного дела позволила объединить труд многих тувинок в пяти швейных артелях. Кроме того, к 1940 г. в республике насчитывалось 480 тувинок-пекарей, 300 женщин-охотников и много лиц других профессий.

Внедрение навыков личной гигиены в повседневный быт араток, борьба за культурный, здоровый быт в семье получили большое распространение в работе с тувинскими женщинами. Высокую инициативу и активность в этом деле про-

являли медсестры О. Серенмаа, О. Кок, женорганизаторы Саксалбаа, Бартына, учительница Ч. Куурланмай и др.⁴

С большим трудом, настойчиво, шаг за шагом преодолевались такие вредные обычаи, как курение табака из одной трубки, еда пищи из одной, немытой чашки, запрет женщине купаться, рабское следование отжившим обычаям, пассивность и т. д.

Могучим орудием политического просвещения масс, приобщения аратства к достижениям науки и культуры, привлечения трудовых аратов к управлению делами государства и производством стала введенная 28 июня 1930 г. национальная письменность. Партийные организации своей политико-массовой и организаторской работой вызвали горячий интерес к ней со стороны широких масс, особенно трудящихся женщин. Невзирая на угрозы лам, запугивания шаманов, передовые тувинки активно взялись за овладение письменностью, а после этого — за обучение грамоте других. Можно привести немало свидетельств. «В начале ноября 1930 г., — вспоминал С. К. Тока, — мы прибыли в сумон Бай-Даг. Подходим к одной из юрт и видим — взад и вперед, прихрамывая, прохаживается... средних лет женщина, заглядывает в книжку и что-то заучивает. Это была Иргит Дынгыжсаа — герой культпохода. Замечательная женщина рассказала нам о том, как она ездит верхом по аалам сумона и организует кружки грамоты, какие помехи ей в этой работе чинят феодально-байские элементы, ламы и шаманы»⁵.

Необычайному энтузиазму и всеобщему движению народа за грамотность не помешала даже нехватка бумаги и карандашей (писали заостренной палочкой на дощечках, густо намазанных жиром и золой). Уже в 1940 г. более 60% тувинцев овладели письменностью. Вслед за овладением грамотой развернулось движение за политграмоту, учебу в партийных и общеобразовательных школах. Показательно, что в 1937—1938 учебном году всеми формами учебы были охвачены около 16 тыс. женщин. Среди первых учителей Тувы, работавших в открытом в 1936 г. учебном комбинате г. Кызыла, были такие учительницы, как О. Сержинмаа, О. С. Апый, З. Д. Сапогова, Т. С. Спирина, А. К. Конгарова и др. Свыше 300 тувинок являлись пропагандистами кружков политпросвещения. Они проводили занятия по изучению с членами партии и беспартийными активистами истории ВКП(б), изданной на тувинском языке в 1938 г. Женщины широко участвовали

⁴ См. ПАТО, ф. 1, оп. 1, д. 867, л. 148.

⁵ С. К. Тока. Знаменательная дата в культурной революции (к 30-летию тувинской национальной письменности). УЗ ТНИЯЛИ, вып. VIII, Кызыл, 1960, с. 22.

в работе выборных органов народной власти и других общественных организациях. О новой жизни тувинки ярко и убедительно говорила аратка из Дзун-Хемчика Чодуун, заявив: «Невольно я сравниваю дореволюционное и настоящее время. Даже мечтать не могла, что возможна такая жизнь для нас, бедных аратов и араток. Мы имеем равные права с мужчинами, на нас такие халаты, которые раньше носили только богачи. Я, простая неграмотная старуха, могу присутствовать на собраниях, голосовать, выступать, говорить вслух свои мысли и думы. Могу учиться. Исключительно хорошее время у нас сейчас. Но я немного удивляюсь пассивности некоторых молодых женщин. Даже я, старуха, стараюсь освоить грамоту. А среди вас, молодых, некоторые еще находятся под властью мужа, не посещают собрания. Я, старая женщина, даю слова клятвы, если какой-нибудь уцелевший феодал будет посягать на нашу народную власть, на нашу свободу, то не пожалею своей жизни, борясь с ними»⁶. Из сказанного видно, что перемены в жизни ТНР, связанные с процессом ее некапиталистического развития, пробудили трудающиеся массы тувинских женщин и вовлекли их в активную общественно-политическую деятельность, что и явилось одним из важнейших факторов успешного продвижения Тувы по пути к социализму.

Женщины Тувы в 1941 г. с большим энтузиазмом обсуждали проект новой Конституции ТНР, приняли активное участие в отчетно-выборной кампании местных Хуралов трудящихся. Каждым четвертым избранником народа в арбанные, сумонные, хошунные Хуралы и Великий Хурал ТНР была женщина.

На новом этапе некапиталистического развития ТНР социальная структура населения республики выглядела уже по-иному: в связи с ликвидацией феодализма основным классом общества стали трудовые араты (крестьяне), с возникновением очагов промышленности и ростом города Кызыла, хошунных центров и поселков выросла численность оседлого населения, появились кадры рабочих и трудовой интеллигенции. Это сказалось и на общественном положении женщины-тувинки. В 1940 г. в руководящих органах ТНРП и ТРСМ трудились около 400 женщин, в общественном производстве были заняты 6112 женщин, из них 451 были работницы-переводчики. Из рядов тувинок были выдвинуты на пост Председателя Президиума Малого Хурала ТНР Х. А. Тока (Анчима), заведующей отделом ЦК партии по работе среди женщин Т. Тыртык, председателями хошкомов ТНРП О. Дирчинмаа,

⁶ TAR-нын арат хөрөнгөнүүн 2 тугаар сөбүлөл хуралынын ишкелинин тезизи. «Революция арат», 1938, № 5, с. 19—21.

М. Часкым, председателем хошунного управления М. Севил и др.

Таким образом, из изложенного видим, что социально-экономические перемены в жизни Тувы, совершенные под руководством ТНРП с помощью СССР, изменили духовный облик и положение аратки, сделали тувинку активной участницей строительства нового общества. Такой вывод подтверждается массовыми примерами высокого патриотизма араток в годы Великой Отечественной войны, той ролью тувинок в послевоенное время, когда весь народ сделал решительный шаг к социализму.

С. И. Вайнштейн

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ТУВИНЦЕВ (К 200-летию этнографических исследований в Туве)

Первые свидетельства непосредственных наблюдателей быта племен, населявших Туву, относятся к началу XVII в.,¹ однако начало этнографическому изучению тувинцев было положено лишь в 70-х годах XVIII в. работами знаменитой Академической экспедиции и исследованиями геодезиста Егора Пестерева.

Организованная Российской Академией наук экспедиция (1768—1774 гг.) охватила своими исследованиями огромную территорию России, включая Сибирь, явилась реализацией идей великого русского ученого М. В. Ломоносова². Во главе экспедиции стоял П. С. Паллас — исследователь весьма широких научных интересов. Он внес значительный вклад не только в естественные науки, но и в этнографическое изучение народов России³. В частности, в трудах П. С. Палласа и И. Г. Георги содержатся чрезвычайно ценные сведения о многих сибирских народах⁴.

Один из отрядов экспедиции, возглавляемый Палласом, осуществлявший в 1771—1772 гг. исследования в Южной и Восточной Сибири, не смог собрать сведения о тувинцах и их языке вследствие того, что Тува была оккупирована Цинским

¹ См. С. И. Вайнштейн. Краткая история этнографического изучения тувинцев.— В кн.: Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии, М., 1968, с. 240.

² Д. М. Лебедев. Очерки по истории географии в России XVIII в., М., 1957, с. 34.

³ С. А. Токарев. История русской этнографии, М., 1966, с. 94—96.

⁴ П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. III, СПб., 1788; И. Г. Георги. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопримечательностей, ч. I—III, СПб., 1799.

Китаю. Лишь из бесед с представителями живущих по соседству с Тувой племен маторов и койбалов П. С. Паллас пришел к выводу, что таежные тувинцы-тоджинцы (он их называл сойотами) говорили на одном из самодийских наречий⁵. В какой мере это заключение было справедливым, сказать трудно, и оно до сих пор вызывает научные споры. Значение экспедиции заключалось не только в собранных ею материалах. Ее работы вызвали среди отечественных ученых глубокий интерес к истории коренных сибирских народов, к их культуре и быту.

Именно в это время в Южной Сибири работал чиновник и геодезист Егор Пестерев. Составляя в 1772—1781 гг. пограничную карту, он неоднократно встречался с представителями местных племен. В 1773 г. он впервые получил возможность познакомиться с тувинцами из родов Маады и Бай-Кара, кочевавшими по Улуг-Хему и Бий-Хему. В 1774 г. им были сделаны очень существенные этнографические наблюдения в Тодже. В частности, он первым обратил внимание на то, что восточные таежные тувинцы-тоджинцы состоят из двух отличающихся друг от друга по своему хозяйственному профилю групп — оленеводов-охотников и скотоводов. Его наблюдения, которые он назвал «Примечаниями», были опубликованы в Петербурге в конце XVIII столетия⁶. В. И. Дулов справедливо подчеркивал, что они представляют собой первое самостоятельное произведение о тувинцах в русской и мировой литературе⁷. Таким образом, мы вправе говорить, что ныне исполнилось два столетия с начала этнографического изучения тувинского народа. За двести лет, прошедших после русской Академической экспедиции и первых «Примечаний» замечательного энтузиаста Егора Пестерева, в этнографическом изучении тувинцев, особенно за советский период, имеются значительные достижения: тувинцы ныне один из наиболее изученных в этнографическом отношении народов Сибири. Историография тувинской этнографии насчитывает много имен ученых, путешественников, краеведов, деятельность которых отражена в специально посвященных этому вопросу работах⁸.

Кратко остановимся на основных вехах этих исследований и задачах дальнейшего этнографического изучения Тузы. В XIX в. этнография тувинцев привлекала внимание Г. Спасского, М. Кастрена, В. Радлова, Н. Ф. Катанова, Д. А. Кле-

⁵ П. С. Паллас. Указ. соч., с. 524.

⁶ Журнал «Новые ежемесячные сочинения», т. 79—82, СПб., 1873.

⁷ В. И. Дулов. Сочинения Егора Пестерева о Тузе. УЗ ТНИЯЛИ. Вып. III, Кызыл, 1955, с. 72.

⁸ См. С. И. Вайнштейн. Указ. соч., с. 240—255.

менца, Г. Н. Потанина, А. В. Адрианова, П. Е. Островских и других исследователей. Но большинство из них обращалось к тувинской этнографии лишь попутно. Впрочем, в неопубликованных дневниках экспедиционной поездки Н. Ф. Катанова в Туву в 1899 г. имеется ряд весьма ценных этнографических наблюдений, касающихся разных сторон быта и культуры тувинцев⁹. Важные сведения по этнографии Тувы содержатся в трудах Г. Н. Потанина¹⁰ и Г. Е. Грумм-Гржимайло¹¹.

Первая специальная этнографическая экспедиция в Туву была предпринята в 1902—1903 гг. известным революционером и этнографом Феликсом Коном, находившимся в то время в ссылке в Сибири. Им были описаны по широкой программе многие стороны культуры и быта тувинцев¹².

Материалы, собранные в процессе изучения тувинцев в дореволюционное время, были в определенной мере обобщены лишь после Октябрьской революции. Здесь следует отметить капитальное исследование Г. Е. Грумм-Гржимайло «Западная Монголия и Урянхайский край» и работы Р. Кабо и В. И. Дулова о социально-экономической истории дореволюционной Тувы¹³.

В 1926 г. была проведена первая комплексная этнографическая экспедиция советских ученых во главе с крупным антропологом В. В. Бунаком и при участии этнографа М. Г. Левина, посетившая несколько районов Тувы. Собранные ею этнографические материалы остаются пока, к сожалению, неопубликованными¹⁴.

Во второй половине 20-х и в 30-е годы из Советского Союза в ТНР направлялись научные экспедиции, связанные преимущественно с неотложными практическими нуждами рес-

⁹ Н. Ф. Катанов. Очерки Урянхайской земли. 1899. Рукопись. Архив Ин-та этнографии АН СССР (Ленинград), ф. V, оп. 1, № 526. См. также: С. И. Вайнштейн. Этнографические исследования Н. Ф. Катанова у тувинцев и других тюркоязычных народов.—В кн.: Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии, М., 1968.

¹⁰ Г. Н. Потанин. Очерки Северо-Западной Монголии, вып. IV, СПб., 1883.

¹¹ Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край, т. III, вып. II, Л., 1930.

¹² Ф. Я. Кон. За пятьдесят лет, т. 3. Экспедиция в Сойотию. М., 1934. См. также: С. И. Вайнштейн. Феликс Яковлевич Кон как этнограф.—Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии, вып. III, М., 1965.

¹³ Р. Кабо. Очерки истории и экономики Тувы, М.—Л., 1934; В. И. Дулов. Социально-экономическая история Тувы. XIX—начало XX в., М., 1956.

¹⁴ Материалы экспедиции хранятся в архиве Ин-та этнографии АН СССР. Этнографические записи М. Г. Левина: ИЭ АН СССР. Москва, ф. 41; рисунки, выполненные О. Амосовой: колл. МАЭ, № 1602. Краткое изложение результатов экспедиции см. V. Boulik. Un pays de l'Asia peu connu: Le Tappa-Touva.—«Internat. Arch. Ethnographie», Bd. 29, Leiden, 1928.

публики. Они вели исследования в области сельского хозяйства, демографии, экономики, геологии, медицины, зоологии. Особую ценность для этнографии представила сельскохозяйственная и демографическая перепись 1931 г., проведенная при участии советских ученых¹⁵.

После вступления Тувы в состав СССР здесь начались планомерные систематические и многолетние этнографические исследования, в организации которых главная роль принадлежала Институту этнографии АН СССР и Тувинскому научно-исследовательскому институту языка, литературы и истории. Особенно продуктивными были экспедиционные этнографические исследования, проведенные в Туве в 50—60 гг. Здесь прежде всего следует отметить экспедицию Института этнографии АН СССР (1957—1966 гг.), которую возглавлял крупный советский историк и этнограф Л. П. Потапов. Помимо руководителя экспедиции, этнографические исследования вели В. П. Дьяконова, П. И. Карабалык и автор данной статьи¹⁶.

Начиная с 1950 по 1957 г. этнографические исследования проводились нами также в составе экспедиций Тувинского музея и Тувинского НИИЯЛИ, а позднее посредством научных командировок от Института этнографии АН СССР в различные районы Тувы. Материалы наших исследований были опубликованы в ряде работ, в том числе монографий¹⁷.

Характеризуя некоторые итоги этнографического изучения Тувы, нужно отметить необходимость дальнейшей разработки его историографии. Думается, что первостепенное значение имеет подготовка полной истории этнографического изучения тувинцев и опубликование ряда ценных трудов предшествующих исследователей, в частности, рукописных дневников Н. Ф. Катанова, содержащих собранные им этнографические материалы, дневников экспедиции Ф. Я. Кона и материалов Советской комплексной этнографо-антропологической экспедиции в ТНР (1926 г.).

¹⁵ Тувинская сельскохозяйственная и демографическая перепись 1931 года, М., 1933.

¹⁶ В кн.: Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР, т. I—III. М.—Л., 1960—1970; см. статьи с материалами по этнографии тувинцев, выполненные в этой экспедиции Л. П. Потаповым, В. П. Дьяконовой и П. И. Карабалыком; Л. П. Потапов. Очерки народного быта тувинцев, М., 1969.

¹⁷ См. С. И. Вайнштейн. Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки, М., 1961; его же. Происхождение и историческая этнография тувинского народа (автореф. докт. дисс.), М., 1969; его же. Историческая этнография тувинского народа. Проблемы кочевого хозяйства. М., 1972; его же. История народного искусства Тувы. М., 1974. Различные вопросы этнического состава и традиционно-бытовой культуры тувинцев рассматривались также в ряде отдельных публикаций Л. П. Потапова, Е. Д. Прокофьевой, Л. В. Гребнева, В. П. Дьяконовой, М. Х. Маннай-оола, С. М. Биче-оол, Г. Н. Курбатского, И. У. Самбу и др.

Несмотря на то, что по этнографии тувинцев опубликовано значительное число работ, в том числе монографий, а в ряде капитальных трудов широко использованы этнографические источники, остаются еще недостаточно исследованными проблемы как в области исторической, так и современной этнографии Тувы, в том числе связанные с вопросами этногенеза и этнической истории тувинского народа, его традиционно-бытовой материальной и духовной культурой, социальной организацией, а также изучением этнографии старожильческого русского населения. При этом нужно иметь в виду, что важнейшим источником для данной проблематики служат свидетельства живых людей, память которых сохранила многие факты этнической истории тувинского народа. Необходимо приложить максимум усилий, чтобы зафиксировать для этнографической науки все стороны уходящих форм традиционно-бытовой культуры прошлого. Образно говоря, история предоставляет нам последнюю возможность, опираясь на живых свидетелей прошлого, собрать то, что не смогли в этой области этнографии выявить и зафиксировать наши предшественники.

К числу важнейших проблем, изучаемых исторической этнографией, как было сказано, относятся вопросы этногенеза. Происхождение тувинского народа уже привлекало внимание ряда исследователей¹⁸, но многие вопросы этой очень сложной темы нуждаются в дальнейшем изучении. Глубокое исследование этногенеза требует привлечения широкого круга источников, причем источников не только этнографических, но и антропологических, исторических (письменных), языковых, топонимических и ряда других.

Необходимо проводить специальные исследования во всех районах республики, чтобы собрать исчерпывающие данные о родо-племенном составе тувинцев в конце XIX—начале XX в., расселении отдельных родо-племенных групп в это и более раннее время, их этногенетических и этнокультурных связях и т. п. Важнейшим элементом такой работы должно явиться картографирование расселения отдельных родо-племенных групп как на основании данных, полученных от информаторов, так и путем учета преданий, исторических свидетельств и т. п.

Как известно, тувинский народ складывался из различных этнических групп, многие из них имели свои особенности в

¹⁸ Н. А. Сердобов. История формирования тувинской нации. Кызыл, 1971; см. также: С. И. Вайнштейн. Очерки этногенеза тувинцев. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. V, Кызыл, 1957, с. 178—214; М. Х. Маннай-оол. Об этническом составе населения Тувы (I тысячелетие до н. э.—I тысячелетие н. э.). УЗ ТНИИЯЛИ, вып. XIV, Кызыл, 1970, с. 108—126.

культуре. Выявить эти особенности, сохранившиеся еще в конце XIX—начале XX в. и ареалы их распространения, осуществить картографирование отдельных элементов культуры — все это очень важно для правильного понимания процесса формирования тувинской народности. Одна из очень важных задач этнографических исследований — изучение культуры, быта, особенностей этнической истории и происхождения тех групп тувинцев, которые ныне живут в МНР, а также близкородственных тувинцам народностей — прежде всего тофаларов.

Среди современных методов изучения традиционно-бытовой культуры большое место занимает составление атласов территориального распространения её основных элементов. Пока еще нет карт распространения отдельных форм жилища, одежды, утвари, лиши, основных орудий труда, украшений, принадлежностей культа в конце XIX—начале XX в. Необходимо выделение типов и комплексов культурных явлений, установление их связей с аналогичными атрибутами культур предшествующих исторических эпох. Материалы картографирования целесообразно сопоставить с аналогичными данными по другим сибирским регионам — в особенности с материалами по отдельным этническим группам алтайцев, хакасов, бурят, монголов и тофаларов. Это очень важно не только для углубленной разработки вопросов происхождения тувинского народа, но и ряда других народов Сибири и Центральной Азии, чьи исторические судьбы были связаны на разных этапах этнического развития с населением бассейна Верхнего Енисея. Этот материал смог бы заполнить лакуны, имеющиеся в историко-этнографическом атласе Сибири, подготовленном около пятнадцати лет назад Институтом этнографии АН СССР¹⁹.

Очень существенную роль в изучении традиционных форм культуры призван сыграть Тувинский краеведческий музей. Неоценимую помощь в этом важном деле могут оказать также школьные этнографические музеи, созданные в ряде районов Тувы. В них собраны ценнейшие образцы народной культуры, которые в подавляющем большинстве случаев остаются научно неописанными.

В Тувинском музее накоплено значительное количество образцов традиционной материальной культуры, однако далеко не все из них имеют научные описания, включая территорию распространения. Представляется необходимым составить общереспубликанский каталог собранных в музеях образцов традиционной культуры и дать их научное описание.

¹⁹ Историко-этнографический атлас Сибири, М., 1961.

Значительный интерес представляют вопросы социальных отношений в Туве в конце XIX — начале XX в. Специфика этих отношений остается недостаточно изученной именно из-за неполноты источников, фактического отсутствия в то время переписей, хозяйственной документации и т. п. Этнографические материалы, основанные на свидетельствах старейших информаторов, являются исключительно ценными. Особенно важными представляются нам вопросы о формах собственности на землю, скот, формах эксплуатации в кочевом хозяйстве, структуре кочевой общины, способах ведения кочевого хозяйства до революции и др. Очень актуально, в частности, исследование маршрутов кочевок отдельных аалов, зависимость числа, характера перекочевок и осваиваемых пастбищ от имущественного положения отдельных хозяйств, состава стад, выявление связей скотоводческих хозяйств с земледелием и охотой и т. п. От максимально полного исследования этих вопросов в значительной мере зависит не только детальная разработка этой очень важной проблемы у кочевников дореволюционной Тувы, но и у кочевых скотоводов вообще.

Хотелось бы также отметить, что, несмотря на наличие ряда работ, представляются еще недостаточно исследованными проблемы общины, в частности, взаимодействие кочевых общин и входивших в них семейно-родственных групп. Во всем этом важнейшее значение должны иметь непосредственные экспедиционные исследования во всех районах Тувы, опрос большого числа информаторов, статистическая обработка и картографирование полученных данных.

Представляет большой интерес вопрос об особенностях земледелия в различных районах Тувы, характера запашек, организации полива, строительства ирригационных сооружений. В связи с тем, что после сооружения Саяно-Шушенской ГЭС значительная часть древних оросительных каналов, использовавшихся тувинцами для ирригации, в районе затопления не сохранился, необходимо организовать их исследование и картографирование.

Среди недостаточно изученных вопросов традиционных форм духовной культуры тувинцев интерес представляет шаманство — одна из наиболее ранних форм религии, зародившаяся в глубокой древности и длительное время господствовавшая в Туве²⁰. Несмотря на то, что в последнее время изучение шаманства активизировалось (отметим работы Л. П. Потапова, В. П. Дьяконовой и венгерского исследователя В. Диосеги, а также материалы, собранные М. Б. Кенин-Лопсаном), многие вопросы остаются недостаточно исследованы-

²⁰ См. С. И. Вайнштейн. Тувинское шаманство. М., 1964.

ми. Среди них — особенности ритуальных действий (камланий), связь шаманства с промысловыми и семейно-родовыми культурами, взаимовлияние шаманизма и буддизма, шаманский фольклор и, наконец, специфические особенности шаманства в разных районах Тувы, в различных родо-племенных группах в XIX — начале XX в. Для исследований по этногенезу тувинского народа весьма существенно выявление сходства и различия шаманства тувинцев с другими народами Сибири и Центральной Азии. Так, например, в шаманстве тоджинцев удалось выявить связи с шаманством тунгусских и самодийских групп, участвовавших в древности в этногенезе тувинцев, что уже почти не удается проследить в других формах традиционно-бытовой культуры. Территориальное распространение особенностей шаманства также необходимо картировать. Эта работа должна быть проделана в самое ближайшее время, так как осталось уже сравнительно немногого людей, которые были свидетелями шаманских камланий и могут дать по этому вопросу необходимую информацию исследователю.

Основное внимание этнографы-тувиноведы призваны обратить на исследование проблем этнографической современности, тесно связанных с практикой коммунистического строительства. Широкий круг научных направлений этого плана, в том числе применительно к этнографии отсталых народов, миновавших в своем историческом развитии капитализм, рассмотрен Ю. В. Бромлеем, Ю. В. Арутюняном, С. М. Абрамзоном, Л. П. Потаповым, И. С. Гурвичем, Т. А. Жданко, В. И. Козловым и др.²¹

Особого внимания заслуживает имеющее не только теоретическое, но и большое практическое значение этнографическое изучение социалистического быта и культуры тувинцев, исследование процессов, связанных с преобразованиями в быту и культуре, вызванными коллективизацией и переходом на оседлость, сложением нового жизненного уклада. Наиболее перспективны здесь исследования на стыке этнографии и конкретной социологии, где сформировалась особая отрасль науки — этническая социология с особыми присущими ей методами исследования, успешно апробированными в нашей стране в последние годы, в частности, на материалах изучения социально-культурного развития населения в Татарской АССР, семейно-брачных отношений, этнолингвистических контактов двуязычия, социально-этнической структуры, психологических аспектов национальных отношений и

²¹ С. М. Абрамзон, Л. П. Потапов. Значение идеально-теоретического наследия В. И. Ленина для советской этнографии. СЭ, 1970, № 2, с. 3—20; Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография. М., 1973.

др.²² Опыт таких исследований может быть с успехом использован и в Советской Туве.

Победа социалистических производственных отношений, коллективизация и переход на оседлость аратов вызвали коренные изменения в социальной структуре сельского населения Тувы, радикально изменили весь его бытовой уклад и культуру. Этнографические исследования в этом направлении были начаты еще в 50-е годы²³. Теперь они расширяются и углубляются путем применения новых методов, разработанных советскими учеными в последние годы.

Выступая на совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР 21 декабря 1972 г., Л. И. Брежнев говорил: «За полвека существования СССР у нас сложилась и расцвела единая по духу и по своему принципиальному содержанию советская социалистическая культура. Эта культура включает в себя наиболее ценные черты и традиции культуры и быта каждого из народов нашей Родины. В то же время любая из советских национальных культурпитается не только из собственных родников, но и черпает из духовного богатства других братских народов и, со своей стороны, оказывает на них благотворное влияние, обогащает их»²⁴.

Процесс интернационализации культуры тувинцев при сохранении и развитии наиболее ценных черт национальных традиций в культуре и быте охватывает в той или иной степени все ее виды и уровни. Он сложен, и для его изучения, прогнозирования нужны специальные этнографические исследования²⁵.

²² Социальное и национальное. М., 1973.

²³ История Тувы, т. II, М., 1964; Л. В. Гребнев. Переход тувинских аратов-кочевников на оседлость. Кызыл, 1955. См. также ряд работ на эту тему в Ученых записках Тувинского НИИЯЛИ.

²⁴ Л. И. Брежнев. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. М., 1972, с. 21.

²⁵ См. Ю. В. Бромлей. Этнография на современном этапе. «Коммунист», 1974, № 16, с. 69—71.

А. Д. Бегзи-

ФОРМИРОВАНИЕ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ТУВИНСКОЙ АССР И ИЗМЕНЕНИЕ ЕГО СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ И НАЦИОНАЛЬНОГО СОСТАВА

Вовлечение в хозяйственный оборот все более значительных объемов природных ресурсов Тувинской АССР и ускоряющийся процесс ее индустриального развития обуславливают систематическое увеличение удельного веса городского населения, рост существующих и возникновение новых городских поселений.

На 15 января 1970 г. городское население Тувинской АССР составило 87 тыс. человек (по оценке на 1 января 1974 г.—98,6 тыс., с 1945 г. оно возросло в 15,4 раза). Численность городского населения Тувы возрастает значительно быстрее, чем население в целом по республике и в ряде соседних регионов Сибири. Так, за период между переписями (1959—1970 гг.) численность населения в городах Тувы увеличилась на 74%, а в Красноярском крае—на 41,3%, Хакасской АО—20%, Иркутской обл.—36,4%, Бурятской АССР—31%¹.

Удельный вес городского населения также быстро растет: в 1945 г. он составлял 6,7%, в 1959 г.—29,2%, а в 1970 г.—37,7%² (в 1974 г.—39,7%). Однако по этому показателю Тува заметно отстает от РСФСР (63%), Красноярского края (63%), Иркутской области (73%), Бурятской АССР (45%)³. Такое положение связано в основном с еще недостаточным уровнем развития промышленности и других несельскохозяйственных отраслей материального производства и непроиз-

¹ По данным переписи населения 1970 г.

² Народное хозяйство Тувинской АССР. Стат. сборник, Кызыл, 1971, с. 15.

³ По данным переписи населения 1970 г.

водственной сферы, поскольку развитие именно этих отраслей является определяющим фактором формирования сети городских поселений и роста численности населения городов. Так, удельный вес продукции промышленности Тувы в 1970 г. составлял 55,9% валовой продукции народного хозяйства, а в Иркутской области — 88,8%, Красноярском крае — 92,4%⁴.

В процессе социально-экономического развития республики параметры населенных пунктов меняются. Расширяются и усложняются функции городских поселений. В период ТНР статус города имел только Кызыл. В 1945 г. в города были преобразованы Чадан, Турин, Шагонар, а с 1964 г. статус города получил промышленный центр Ак-Довурак. Кроме того, в состав городских поселений входят 2 поселка городского типа — Кызыл-Мажалык и Хову-Аксы.

Совокупность функций городского поселения можно рассматривать в качестве своего рода основы, градообразующего базиса, который оказывает определяющее влияние на перспективное изменение количественных и качественных показателей, характеризующих население и трудовые ресурсы городов. Поэтому рассмотрение функций отдельного города и определение его типа имеет существенное практическое значение для перспективного планирования развития экономики и формирования системы расселения. Ниже дается краткая характеристика городских поселений республики.

Кызыл (на 1 января 1974 г. — 59,5 тыс. жителей) — административный, экономический и культурный центр республики. Здесь сосредоточены органы регионального управления, основные учреждения науки и культуры, педагогический институт, филиал Красноярского политехнического института, подавляющая часть средних специальных учебных заведений республики. На долю предприятий Кызыла приходится почти 70% валовой продукции промышленности, более 45% промышленно-производственного персонала.

Ак-Довурак (на 1 января 1974 г. — 11 тыс. жителей) — центр асбестодобывающей промышленности — производит около 15% валовой промышленной продукции Тувы. В промышленности и строительстве занято около 45% экономически активного населения города, из них более 80% — на комбинате «Тываасбест», который является основным градообразующим ядром Ак-Довурака. Дальнейшее развитие города базируется на увеличении производства асбеста (создание II очереди комбината) и формировании новых предприятий

⁴ При расчетах учитывалась валовая сельскохозяйственная продукция только общественного сектора. В Туве с учетом продукции личного подсобного хозяйства населения удельный вес продукции сельского хозяйства в 1970 г. составил примерно 54%, промышленности — 46%.

промышленности строительных материалов и других отраслей, связанных с использованием продукции и отходов комбината «Тываасбест». В Ак-Довураке самый высокий по сравнению с остальными городами республики уровень занятости трудоспособного населения—более 90% (1970 г.).

Хову-Аксы — поселок городского типа, промышленный центр, возникший в связи с созданием комбината «Тувакобальт». Численность населения на 1 января 1974 г.—5,6 тыс. человек. На комбинате и связанных с ним предприятиях и строительных организациях работает основная часть занятого населения.

При рассмотрении типов городских поселений в одну группу можно объединить Чадан (8,1 тыс.), Шагонар (4,6 тыс.), Туран (4,9 тыс.) и рабочий поселок Кызыл-Мажалык (4,9 тыс. жителей). В основном они функционируют как административные центры районов. Промышленность здесь развита слабо (кроме Чадана) и представлена предприятиями пищевой и легкой промышленности, промышленности строительных материалов и др. В этих городах преобладает одноэтажная деревянная застройка. Довольно низок уровень обеспеченности жилищного фонда основными современными удобствами.

Недостаточный уровень развития промышленности и социально-бытовой инфраструктуры, маломощность и низкая техническая оснащенность предприятий определяют невысокие темпы роста населения в этих городах. Так, за 1966—1970 гг. общая численность населения Чадана, Шагонара и Турана увеличилась лишь на 1,5 тыс. человек (9,8%), тогда как Кызыла и Ак-Довурака — на 7,1 тыс. (13,1%).

Важнейшими характеристиками как всего, так и городского населения являются его возрастная структура и показатели естественного и механического движения. По данным переписи 1970 г., удельный вес городского и сельского населения в возрасте до 30 лет в Туве составил 65,1% (в РСФСР—48,8%, Восточной Сибири—55,6%, Красноярском крае—53,6%, Иркутской обл.—55,2%, Хакасии—53,0%)⁵. Доля же лиц старше 50 лет в республике почти вдвое ниже соответствующего показателя РСФСР и в 1,5 раза ниже, чем во всех районах Восточной Сибири. В связи с высокой долей молодежи в возрастной структуре удельный вес населения в трудоспособном возрасте Тувинской АССР самый низкий в экономическом районе — всего 51,7%.

⁵ Удельный вес возрастных групп вычислен на основе данных сборника «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года» (т. II. Пол., возраст и состояние в браке населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. М., 1972).

Городское население Тувы также выделяется среди регионов Восточной Сибири более высоким удельным весом населения в возрасте до 30 лет (59,2%) и более низкой долей населения старше 50 лет (11,2%). Удельный вес населения в трудоспособном возрасте в городах Тувинской АССР примерно равен соответствующему показателю районов Восточной Сибири. Эти особенности возрастной структуры обусловлены прежде всего высоким уровнем естественного прироста населения. Следует отметить, что коэффициент рождаемости в Тувинской АССР значительно превышает показатели Восточной Сибири, что обеспечивает значительный естественный прирост. В отличие от других районов Сибири в Туве велика разница в показателях естественного движения городского и сельского населения. Если во всех районах эти показатели почти одинаковы, то в Туве рождаемость и, соответственно, естественный прирост сельского населения существенно (примерно в 1,5 раза) превышает соответствующие параметры городов.

Таблица 1

Рождаемость и естественный прирост городского населения в 1970 г.

	На 1000 человек населения:	
	рождаемость	естественный прирост
Восточная Сибирь	17,3	10,1
Красноярский край	17,1	9,9
Иркутская область	17,4	10,3
Читинская область	16,4	9,1
Бурятская АССР	17,9	10,5
Тувинская АССР	21,7	13,5

С другой стороны, на численность и возрастную структуру городского населения Тувы существенное влияние оказывает его механическое движение. Численность населения городов постоянно увеличивается за счет притока населения как из-за пределов республики, так и из сельских районов Тувы. Ежегодно из сельских районов Тувы в городские поселения прибывает до 6 тыс. человек. В этом потоке довольно высок удельный вес прибывающих на учебу (в городах сосредоточены все высшие и средние специальные учебные заведения). В то же время значительная часть заканчивающих обучение оседает в городах.

Миграция, как правило, благоприятно влияет на половозрастную структуру городского населения, так как прибывает население в трудоспособном возрасте. Это компенсирует бо-

лее низкий, чем в сельской местности, естественный прирост и в целом способствует существенному росту трудовых ресурсов городов.

Большая часть внешнего миграционного обмена приходится на районы юга Красноярского края, в силу его территориальной близости к Туве. В перспективе, в связи с формированием в Хакасско-Минусинском районе крупнейшего в стране Саянского территориально-производственного комплекса, приток населения и трудовых ресурсов в Туву из этих районов, возможно, уменьшится.

Процесс количественного и качественного роста городского населения является составной частью процесса общего социально-экономического развития Советской Тувы. В результате коренных сдвигов в развитии производительных сил и утверждения в Туве социалистических производственных отношений существенные изменения претерпела социальная структура населения. Если в 1945 г. более 70% работающих составляли крестьяне-единоличники и только 24,1% — рабочие и служащие, то в 1959 г. доля рабочих и служащих достигла 55,8%, колхозного крестьянства — 44,2%. Довольно заметные изменения в социальной структуре произошли и между переписями 1959 и 1970 г. (табл. 2).

Таблица 2

Изменение социальной структуры населения Тувы за 1959—1970 гг.⁶

	Рабочие		Служащие		Колхозники	
	1959	1970	1959	1970	1959	1970
Городское и сельское население	37,3	63,3	16,9	20,8	45,8	15,9
Городское население	64,8	65,6	29,4	32,6	5,8	1,8
Сельское население	25,9	61,8	11,7	13,8	62,4	24,4

Данные таблицы показывают, что за период между двумя переписями в целом по Туве более чем в 1,5 раза увеличился удельный вес рабочих, а колхозного крестьянства — уменьшился почти втрое. Однако при рассмотрении этих изменений в разрезе города и села видно, что общее изменение соотношения между общественными группами произошло в основном за счет села, где в связи с преобразованием колхозов в совхозы происходил быстрый рост численности рабочего класса.

⁶ Таблица составлена по данным переписи населения 1970 г. Ее состав городского населения включено население колхоза «Гере-Холь», подчиненного до 1975 г. Кызыльскому горсовету.

Таким образом, современная социально-классовая структура населения Тувы мало отличается от структуры населения СССР (в 1970 г. в СССР рабочие составляли 55 %, служащие — 25, колхозники — 20%)⁷. В распределении рабочих и служащих по отраслям народного хозяйства существенных изменений не произошло. Так, доля занятых в промышленности с 1960 по 1970 г. увеличилась с 11,8 до 14,1 %, в строительстве сократилась с 12,8 до 10,2 %, на транспорте — с 10,2 до 8,7 %. В то же время абсолютная численность занятых в сельскохозяйственных отраслях возросла: в промышленности — с 4,8 до 11,2 тыс., строительстве — с 5,2 до 8,1 тыс., на транспорте — с 4,1 до 6,9 тыс. человек. В связи с развитием непроизводственной сферы несколько увеличилась доля служащих (с 16,9 до 20,8 %, а в городах — с 29,4 до 32,6 %)⁸.

В целом за 1946—1973 гг. прирост численности рабочих и служащих в народном хозяйстве составил более 80 тыс. человек, в том числе за 1961—1970 гг. — почти 40 тыс. человек. Среднегодовая численность женщин — рабочих и служащих в народном хозяйстве увеличилась за 1950—1973 гг. с 7,2 до 43,9 тыс. человек, а их удельный вес — с 43,8 до 49 %. Существенно сократилось число занятых в домашнем и личном подсобном хозяйстве.

«Чем интенсивнее экономическое и социальное развитие каждой из национальных республик, тем более явственно проявляется там процесс интернационализации всей нашей жизни», — отметил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в докладе «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик»⁹. Эти слова можно с полным основанием отнести и к Тувинской АССР.

Одной из сторон процесса интернационализации является изменение национального состава населения республики. Если в 1944 г. доля тувинцев превышала 85 %, то в 1959 г. она составляла уже 57 %, а удельный вес русских и лиц других национальностей за это время увеличился с 15 до 43 %. Этот процесс был тесно связан с развитием промышленности, других отраслей материального производства, непроизводственной сферы, что требовало притока из-за пределов республики значительного количества кадров специалистов и квалифицированных рабочих. Преобладающая часть приезжих концентрируется в городах республики.

⁷ Народное хозяйство СССР в 1970 г. Стат. ежегодник, М., 1971, с. 33.

⁸ По данным Управления по использованию трудовых ресурсов при Совете Министров Тувинской АССР и Статистического управления.

⁹ Л. И. Брежнев. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик, М., 1972, с. 21.

За 1959—1970 гг. соотношение между основными национальностями практически не изменилось. При общем увеличении абсолютной численности населения всех национальностей несколько возрос удельный вес тувинцев (с 57 до 58,6%)¹⁰. Следует отметить, что приблизительно одинаковые темпы роста численности коренного населения и других национальностей были обусловлены различными факторами. В силу высокой этнической компактности тувинцев (по переписи 1970 г. 97,1%) естественный прирост является практически единственным источником увеличения их численности. Рост же численности русских и других национальностей в значительной степени зависит от миграционного (механического) прироста. Это подтверждается данными о естественном движении и половозрастной структуре населения различных национальностей. Естественный прирост у населения некоренных национальностей значительно (в 1,5—2 раза) ниже¹¹.

Быстро растет тувинское городское население. Только за 1959—1970 гг. оно увеличилось на 68% при увеличении общей численности тувинцев на 38%. В настоящее время в городах проживает только 15% тувинцев (около 25% общей численности городского населения). Процесс роста тувинского городского населения обусловлен развитием в республике сельскохозяйственных отраслей производства и непроизводственной сферы, формированием тувинского рабочего класса и интеллигенции.

За 1959—1970 гг. численность тувинских рабочих увеличилась с 7,3 до 31,9 тыс. и служащих с 3,1 до 8,1 тыс. человек, а их удельный вес — с 25 до 77% занятого населения. Рабочий класс является самым крупным в социальной структуре Тувы (более 60% населения)¹². Сейчас в численности индустриального рабочего класса тувинцы составляют около 30%, работников строительства — около 60, транспорта — 28%.

Быстро увеличивается удельный вес тувинцев в численности работников непроизводственной сферы. По данным переписи 1970 г., доля тувинцев среди работников просвещения составляет 49,3%, здравоохранения — 26,4, агрономов, зоотехников и других специалистов сельского хозяйства — более 50%, культурно-просветительных работников — 52%.

¹⁰ По данным переписи населения 1970 г.

¹¹ Среднегодовой естественный прирост у тувинцев составил в 1959—1969 гг. 31,9 человек на 1000 человек населения против прироста всего населения республики 24,7.

¹² Т. И. Байкара. К итогам переписи 1970 г. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. XVI, Кызыл, 1973, с. 31.

Перспективы индустриального развития республики неразрывно связаны с ростом потребности в квалифицированной рабочей силе различного профессионального состава, инженерно-технических и научных кадрах.

В связи с расширением ряда существующих и строительством новых промышленных предприятий быстрыми темпами будет возрастать численность занятых в промышленном производстве Тувинской АССР. Существенно увеличится численность занятых в строительстве, транспорте, связи. Одновременно будет возрастать занятость в непроизводственной сфере. Увеличение численности рабочих и служащих в несельскохозяйственных отраслях будет связано с ростом существующих городских поселений и созданием ряда новых (в частности, на базе освоения месторождений полезных ископаемых). Важной задачей станет обеспечение стабильности кадров (эта задача актуальна и сейчас, но в перспективе ее значение усилится).

В связи с этим возникает целый комплекс проблем повышения уровня жизни как в целом по республике, так и, в частности, в ее городских поселениях. Повышение уровня жизни по всем показателям, особенно развитие социально-бытовой инфраструктуры, позволит обеспечить приток в Туву контингентов квалифицированной рабочей силы и приживаемость новоселов.

* * *

Формирование городского населения и развитие сети городских поселений в Туве происходило в условиях коренных социально-экономических преобразований, в первую очередь, социалистической индустриализации. Города играют важную роль в развитии производительных сил республики, культуры, науки, образования.

По мере развития несельскохозяйственных отраслей материального производства и непроизводственной сферы возрастает концентрация населения в городах. Систематический рост городского населения и повышение его удельного веса неразрывно связаны с социальным развитием и прежде всего с увеличением численности отрядов рабочего класса, интеллигенции и служащих. Одновременно происходят изменения в национальном составе населения городов. В частности, непрерывно увеличивается доля тувинцев, что является одним из показателей развития тувинской социалистической нации.

Роль городов возрастает на современном этапе социально-экономического развития Тувы в связи с ускорением промышленного освоения и началом формирования в Тувинской

АССР единого территориально-производственного комплекса. В процессе развития промышленности, производственной и социально-бытовой инфраструктуры, непроизводственной сферы крупные изменения произойдут в системе расселения. Очевидно, на базе Кызыльского и, возможно, Ак-Довуракского промышленных узлов будут складываться городские агломерации.

Решение задачи оптимального размещения населения республики является важнейшей частью проблемы формирования единой территориальной системы производительных сил. Необходимо провести глубокие научные исследования с целью разработки перспективных схем расселения, планов подготовки кадров как составной части долгосрочного комплексного плана развития экономики Тувинской АССР.

Н. М. Конгар

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ТУВЫ

Одним из наглядных примеров огромных прогрессивных изменений в развитии народного хозяйства, культуры и повышения благосостояния тувинского народа является неуклонный подъем сельского хозяйства в Советской Туве на основе социалистического расширенного воспроизводства.

За 1944—1973 гг. посевные площади в Туве расширились в 6,2 раза, повысилась урожайность сельскохозяйственных культур, поголовье скота увеличилось в два с лишним раза, молочная продуктивность скота — в 3,4, средний настринг шерсти с одной овцы — в 5 раз. За 1953—1973 гг. производство зерна возросло в 4,8 раза, мяса — 5,1, молока — 3,2, шерсти — 5,7 раза. Значительно повысились темпы развития сельского хозяйства в Туве в результате претворения в жизнь мероприятий, разработанных мартовским (1965 г.) и июльским (1970 г.) Пленумами ЦК КПСС, XXIV съездом партии.

Валовое производство мяса (в живом весе) возросло со 100,4 тыс. т в 1956—1960 гг. почти до 200 тыс. т в 1966—1970 гг., молока соответственно со 176 тыс. т до 283,3 тыс. т, шерсти с 5390 т до 10177 т и яиц — с 34,5 млн. до 71,1 млн. шт. Увеличилось среднегодовое производство по сравнению с соответствующими показателями 7-й пятилетки: зерна — на 24,2%, мяса — 10, шерсти — 13,5, яиц — 35,9. Стоимость валовой продукции также возросла и составила 84,8 млн. руб. против 8,5 млн. руб. в 1945 г. Рост валового производства сопровождался увеличением его товарности. Государственные закупки зерна в 1973 г. превысили показатели 1950 г. в 6 раз, скота — 8,4, шерсти — 9,7 и молока в 263 раза. Среднегодовая выручка от реализации продукции сельского хозяй-

ства в 1971—1973 гг. составила 68858 тыс. руб. Это является наглядным доказательством того, что Тыва из потребляющей превратилась в производящую и принимает посильное участие в укреплении экономики страны и удовлетворении потребностей населения продуктами питания и промышленности сырьем.

Главным социально-экономическим фактором подъема сельского хозяйства в Туве явилось создание высокотоварного колхозно-совхозного производства, развивающегося по пути социалистического расширенного воспроизводства. После завершения реконструкции сельского хозяйства в Туве, окончательного утверждения социалистических производственных отношений общественный сектор стал безраздельно господствующим в производстве основных продуктов земледелия и животноводства. На 1 января 1974 г. в республике имелось 40 совхозов и 22 колхоза, удельный вес которых в производстве и реализации зерна составил 100%, шерсти — 88%, в заготовках молока — 100%, мяса — 75%, в поголовье крупного рогатого скота — 80%, а овец и коз — 93,9%. В государственно-колхозном секторе ведущее положение занимают совхозы. В 1973 г. их удельный вес в объеме продуктов, произведенных в общественном секторе, составлял: зерна — 80%, молока — 73,0%, шерсти — 65,4%, мяса — 70,0%, яиц — 100,0%. В совхозах сосредоточено 71,2% крупного рогатого скота, 66,7% — овец и коз, 81,1% — свиней, 100% — птицы.

Коллективным и государственным хозяйствам передано на бессрочное пользование более 3660 тыс. га плодородных земель. За годы Советской власти под пашни освоено около 500 тыс. га сельскохозяйственных угодий. Это явилось одним из факторов, определяющих успешное развитие колхозного и совхозного производства. В среднем на каждое хозяйство в 1973 г. приходится почти 58,1 тыс. га земель сельскохозяйственного назначения, из них 7,79 тыс. га пашни.

За 1944—1970 гг. численность сельского населения возросла на 60%¹. В результате колхозы и совхозы республики в настоящее время располагают достаточными трудовыми ресурсами. По данным Всесоюзной переписи населения, в 1970 г., в сельской местности проживало 143,9 тыс. человек. Численность сельского населения Тувы с высшим и средним образованием в расчете на 1000 человек за период между переписями 1959 и 1970 гг. возросла в 2,1 раза, в том числе рабочих — 2,6, колхозников — 4,2 раза. На 1000 служащих 748 человек имеют высшее и среднее (полное и неполное) образование.

¹ Народное хозяйство Тувинской АССР. Стат. сборник. Кызыл, 1971, с. 15.

В 1974 г. во всех отраслях колхозно-совхозного производства было занято 30,5 тыс. человек, или в среднем на каждое хозяйство приходился 491 человек.

Продолжается дальнейшее укрепление колхозов и совхозов кадрами механизаторов. Только за 8-ю пятилетку их численность увеличилась на 43,8%. Возросло число агрономов, зооветеринарных, инженерно-технических, счетных работников. В 1974 г. все директора совхозов и председатели колхозов имели высшее, среднее специальное, среднее общее образование и три четверти руководителей возглавляли хозяйства выше пяти лет.

В результате осуществления принципа социализма «от каждого по способности, каждому по труду», являющегося одним из важнейших факторов роста общественного производства, выросли тысячи передовиков сельского хозяйства. Высокого звания Героя Социалистического Труда удостоено 9 человек, орденами, медалями Советского Союза награждены более тысячи человек.

Сельскохозяйственное производство обеспечено современной материально-технической базой. Колхозы и совхозы Тувы в начале 1974 г. располагали, помимо земли, основными средствами сельскохозяйственного назначения и оборотными средствами со стоимостью на общую сумму 169,7 млн. руб. Непрерывно повышается энергоооруженность отрасли. Суммарная мощность электромеханических двигателей и других средств превышает 528 тыс. л. с., т. е. энергоооруженность каждого среднегодового работника составляет 17 л. с. Быстрыми темпами растет техническая оснащенность колхозов и совхозов более мощными и скоростными машинами. Тракторы марки ДТ-75, ДТ-74, Т-75, Т-74 и их модификации составляют 96% гусеничной техники. Механические и электрические двигатели составляют более 98% энергомощности колхозов и совхозов Тувы. Почти полностью механизирована уборка зерновых и кормовых культур.

Неуклонно повышается уровень механизации трудоемких процессов на животноводческих фермах. В стрижке овец он достиг 84%, в доении коров — 61,4%. Растет удельный вес механизации в водопое скота, раздаче кормов и уборке помещений.

Улучшается породный состав общественного поголовья скота. В 1974 г. в республике 85,5% крупного рогатого скота составляли симментальская порода и ее помеси, 77,9% овец улучшено тонкорунными породами; на свиноводческих фермах разводятся крупная белая и кемеровская породы. О повышении уровня интенсификации сельского хозяйства

свидетельствует увеличение объема и качества основных фондов сельскохозяйственного назначения и оборотных средств (табл. 1).

Таблица 1

Рост основных и оборотных средств колхозов и совхозов Тувинской АССР

	Единица измерения	1960	1965	1970	1973
Основные средства сельскохозяйственного назначения	тыс. руб.	41558	67038	88585	113724
Оборотные средства	»	16560	30264	52533	55973
Основные средства сельскохозяйственного назначения в расчете на:					
одно хозяйство	руб.	639,3	1241,4	1501,4	1832,0
100 га сельхозугодий	»	1598	1899	2454	3120
100 га пашни	»	11786	14733	18848	23188
100 га условной пашни одного среднегодового работника	»	5268	6012	7909	9548
Совокупные вложения в колхозно-совхозное производство	тыс. руб.	69630	106366	144267	183529
То же на:					
100 га сельхозугодий	руб.	2677	3010	3995	5094
100 га пашни	тыс. руб.	19,7	23,4	30,8	38,0
100 га условной пашни	»	8,8	9,5	12,8	16,1
одно хозяйство	»	1071,2	1968	2445	2992

Данные таблицы 1 показывают, что размеры основных средств сельскохозяйственного назначения и совокупных вложений с 1960 по 1973 г. увеличились в 2,7 раза. В результате фондобеспеченность госхозов и колхозов в расчете на одно хозяйство поднялась почти в 2 раза и общие вложения средств в производство — в 2,8 раза. В 1973 г. вложено основных средств сельскохозяйственного назначения в расчете на 1 га земельных угодий в 1,9 раза, пашни — в 2 раза и на одного среднегодового работника — в 3,7 раза больше, чем в 1960 г.

«Повышение производительности труда заключается именно в том,— писал Ф. Энгельс,— что доля живого труда уменьшается, а доля прошлого увеличивается, но увеличивается так, что общая сумма труда, заключающаяся в товаре, уменьшается...»². Это подтверждается тем, что непрерыв-

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, с. 286.

ное повышение уровня технической оснащенности и энерговооруженности колхозов и совхозов республики привели к неуклонному абсолютному и относительному росту совокупных затрат, воплощенных в средствах производства, при сокращении живого труда (табл. 2).

Таблица 2

Уровень и динамика производительности труда в колхозах и совхозах Тувы в зависимости от их энерговооруженности и фондообеспеченности

Годы	Факторы повышения производительности труда		Среднегодовое количество работников — человек	Валовая продукция в расчете на:			
	основные средства сельскохозяйственного назначения — тыс. руб.	энергетическая мощность — тыс. л. с.		100 га сельскохозяйственных угодий — тыс. руб.	100 га пашни — тыс. руб.	среднегодового работника — руб.	1 человека-день — руб.
1960	41558	142,0	40572	12,2	89,9	781	4,0
1965	67038	256,8	36300	14,8	115,1	1500	6,0
1970	88585	403,0	32900	16,8	131,0	1851	7,6
1973	113624	528,0	30596	15,6	116,3	1854	6,9

Из таблицы 2 видно, что в колхозах и совхозах Тувы с повышением фондообеспеченности (в 2,7 раза) и энерговооруженности (в 3,7 раза) сократилась (на 25%) численность работников. В то же время выработка продукции возросла как на один человеко-день (в 2,4 раза), так и на среднегодового работника (в 1,7 раза). Это показывает наличие прямой зависимости уровня производительности труда в колхозах и совхозах от степени вооруженности производства средствами интенсификации.

Социалистическая система ведения хозяйства обеспечивает не только неуклонный подъем производства, но и повышение материального благосостояния тружеников села.

Рост продуктивности затрат живого труда, эффективности совокупных вложений привел за последние годы к резкому повышению оплаты труда в колхозах и совхозах. Значительно возросла доля личного потребления колхозников и работников совхозов из общественного фонда (табл. 3).

Таблица 3

Фонд заработной платы и оплаты труда в колхозах и совхозах (в %)

	1960	1965	1970	1973
Общая сумма оплаты труда колхозников и зарплаты работников совхозов	100,0	209,2	303,1	313,2
Среднемесячная оплата труда колхозников	100,0	235,0	390	435
Месячная зарплата работников совхозов	100,0	154,0	192,0	246,0

Из таблицы 3 видно, что доля личного потребления из общественного фонда с 1960 по 1973 г. увеличилась в 3,1 раза, месячная оплата труда колхозников — в 4,3 раза, зарплата работников совхозов — 2,5 раза. Это позволило повысить материальную заинтересованность тружеников села, ставшую одним из основных факторов повышения производительности труда и дальнейшего подъема производства. «Партия,— говорится в Программе КПСС,— исходит из ленинского положения о том, что строительство коммунизма должно опираться на принцип материальной заинтересованности. Оплата по труду в течение предстоящего двадцатилетия останется основным источником удовлетворения материальных и культурных потребностей трудящихся»³. Крупное многоотраслевое сельское хозяйство в Туве, созданное за годы Советской власти, находится на пути подъема. Однако достигнутый уровень в этой области еще не отвечает потенциальным возможностям, имеющимся в каждом совхозе и колхозе для наращивания темпов производства.

Ускоренное развитие сельского хозяйства может быть достигнуто в Туве только на основе перехода к более интенсивным методам хозяйствования и широкому использованию достижений науки и передового опыта, обеспечивающих резкое повышение отдачи от использования земли, техники и других средств производства, рабочей силы и в конечном итоге рост эффективности колхозного и совхозного производства. «Речь идет о том,— говорил Л. И. Брежнев,— чтобы экономический рост все в большей степени происходил путем повышения производительности труда и ускорения науч-

³ Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961, с. 388.

ио-технического прогресса, путем более полного использования действующих производственных мощностей, путем повышения отдачи от каждого вложенного в хозяйство рубля, каждой тонны используемого металла, топлива, цемента, удобрений»⁴.

Рост политической и трудовой активности тружеников колхозов и совхозов, улучшение организации труда, повышение их агротехнических знаний, широкое внедрение в производство достижений научно-технического прогресса, комплексная механизация, химизация и мелиорация земель — все это позволит резко увеличить производство высококачественной продукции земледелия и животноводства при меньших затратах труда и средств.

Главным направлением в развитии животноводства является перевод этой отрасли на промышленную основу, создание крупных специализированных комплексов по производству мяса, молока и других продуктов. Однако дальнейшая концентрация производства продуктов животноводства в Туве должна идти лишь по мере создания стабильной кормовой базы прежде всего в центральной зоне.

Важнейшими задачами тружеников села являются ликвидация потерь и повышение качества продукции, экономное использование материально-денежных средств, решительная борьба с бесхозяйственностью, снижение себестоимости производимой продукции и повышение эффективности производства.

⁴ Л. И. Брежнев. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. М., 1972, с. 51.

Н. Н. Ооржак

МОЛОЧНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ТУВЫ

Одной из ведущих отраслей в пищевой промышленности Тувы является молочная. К началу 9-й пятилетки на ее долю приходилось 13,1% валовой продукции, 12,2% промышленно-производственного персонала и 30,6% основных производственных фондов этой отрасли.

В настоящее время в республике действует 4 молокоперерабатывающих предприятия: Кызыльский, Шагонарский, Чаданский и Кызыл-Мажалыкский—суммарной мощностью переработки 55 т молока в смену. В качестве сырья на заводы поступает в основном молоко, а из отдаленных хозяйств—топленое масло и сливки (около 9% общего объема заготовок в пересчете на молоко). До 70% молока сосредоточивается на Кызыльском молокозаводе, на долю Шагонарского приходится 14,2, Чаданского—10,3 и Кызыл-Мажалыкского—5,5%.

По расчетам Гипромолпрома, молоко без ухудшения качества может перевозиться в автоцистернах по хорошим дорогам на расстояние 100 км, по удовлетворительным—на 50 км и по плохим—на 25 км. Средний радиус доставки молока для Кызыл-Мажалыкского молокозавода составляет 40 км, Чаданского—50 км, Шагонарского—70 км, Кызыльского—90 км.

Колхозы, совхозы республики доставляют молоко на заводы своим транспортом. Дороги в зонах сырьевой базы Кызыл-Мажалыкского, Чаданского, Шагонарского молокозаводов проселочные, в неудовлетворительном состоянии, что затрудняет и замедляет перевозки молока и ухудшает его качество, Кызыльскому молокозаводу поставляют молоко хозяйства Тандинского, Пий-Хемского, Каа-Хемского районов и Кызыльского горсовета, Чаданскому—колхозы и совхозы Дзун-

Хемчикского района, Кызыл-Мажалыкекому — хозяйства Бай-Тайгинского, Барун-Хемчикского районов. Шагонарский молокозавод перерабатывает молоко хозяйств Улуг-Хемского района.

Молочные фермы колхозов, совхозов республики довольно слабо обеспечены необходимым оборудованием для очистки, охлаждения и кратковременного хранения молока. Это обстоятельство, наряду со сложными дорожными условиями и относительно большой удаленностью от молокозаводов, приводит к тому, что значительная часть поступающего на переработку молока, особенно в летний период, имеет повышенную кислотность (табл. 1).

Таблица 1

Данные о качестве заготовленного молока за 1970—1973 гг. (т)¹

Годы	По кислотности в градусах Тернера					По степени чистоты		
	17	18	19	20	21 и выше	I группа	II	III
1970	1687	7943	5099	2973	718	146	16896	1378
1971	2387	7308	5919	3166	1138	163	18375	1379
1972	4787	7740	5412	2310	522	1410	15438	3923
1973	8831	6908	4088	2731	1069	3207	18711	1709

По степени чистоты отнесено ко II и III группам в 1971 г.—99,2%, в 1972 г.—93,2%, в 1973 г.—86,4% заготовленного молока. Кроме того, хозяйствам республики за эти годы возвращено некондиционного молока соответственно 315 т, 249 т и 147 т. Среднегодовая температура принятого молока значительно выше предельно допустимой нормы 10°C. В результате хозяйства, сдающие молоко низкого качества, несут убытки, а предприятия молочной промышленности лишены возможности вырабатывать из такого сырья высококачественную продукцию, что отрицательно сказывается на их рентабельности.

Качество молока, кроме указанных свойств, зависит от строгого соблюдения санитарно-гигиенических правил доения и надлежащей первичной обработки на молочных фермах. Поэтому для получения высококачественного молока целесообразно ускорить оснащение молочных ферм необходимым оборудованием для очистки, охлаждения и кратковременного хранения молока, а также установками для получения горячей воды, чтобы обеспечить систематическую мойку цистерн и фляг.

¹ Здесь и далее показатели по молокозаводам республики взяты или рассчитаны автором на основе данных годовых отчетов этих предприятий за соответствующие годы.

Одним из факторов, стимулирующих дальнейшее улучшение качества поставляемого молока, а стало быть, и молочной продукции, явился принятый с марта 1974 г. новый ГОСТ (13264-70), устанавливающий сортность молока в зависимости не только от кислотности, как было ранее, но и от других физико-химических и микробиологических показателей (табл. 2), и в соответствии с этим — дифференцированную оплату поставщикам.

Таблица 2

Показатели качества молока, требуемые по новому ГОСТу для отнесения к соответствующему сорту

	Нормы для	
	первого сорта	второго сорта
Кислотность в градусах Тернера	16—18	16—20
Степень чистоты по эталону не ниже группы	I	II
Бактериальная обсемененность по ректазной пробе не ниже класса	I	II

Прием молока по новому ГОСТу вызвал необходимость осуществления на фермах республики ряда организационно-технических мероприятий. Коренным образом улучшено санитарное состояние многих молочных ферм, обеспечение их фильтрующими, моющими и дезинфицирующими средствами, молочной посудой, реактивами для определения качества молока. И все же еще имеется немало молочных ферм, где механическая загрязненность и бактериальная обсемененность молока остается высокой. Довольно низка обеспеченность специализированным транспортом, емкостями для хранения молока, современным холодильным оборудованием, не везде должным образом поставлена работа лабораторий. Все это ведет к большим потерям.

Заготовленное молоко перерабатывается главным образом на цельномолочные продукты (около 70%), остальное используется для получения масла. Заводы выпускают довольно широкий ассортимент продукции: молоко во флягах и в бутылках; масло животное, кефир, простоквашу, ряженку; сливки 20 и 10% жирности, сметану 30 и 25% жирности; творог 18 и 9% жирности; сырковую и творожную массы с изюмом; мороженое. Объем валовой продукции молочных заво-

дов за три года текущей пятилетки возрос на 24,5% и составил к 1973 г. 4772 тыс. руб. (табл. 3).

Таблица 3

Выпуск валовой и товарной продукции молокозаводами
Тувинского молочного комбината (тыс. руб.)

Молокозаводы	Виды продукции	1971	1972	1973
Кызыльский	валовая	2931	3226	3452
	товарная	2849	3255	3479
Чаданский	валовая	416	406	461
	товарная	435	414	448
Шагонерский	валовая	521	543	592
	товарная	476	514	623
Кызыл-Мажалыкский	валовая	228	257	268
	товарная	219	254	258
Всего по комбинату:	валовая	4096	4432	4772
	товарная	3979	4437	4808

Как видно из таблицы 3, на долю Кызыльского молокозавода приходится свыше 72% всей выпускаемой валовой продукции молокозаводов республики. Введенный в эксплуатацию в 1968 г., он оснащен современным оборудованием и рассчитан на переработку 30 т молока в смену. Фактически же за счет эффективного использования оборудования он перерабатывает 45 т молока, в том числе 30 т — на цельномолочные продукты, 15 т — на масло. За смену завод выпускает 13 т цельного молока, 1,5 т сметаны, 1 т молочнокислой продукции, 6,8 т творога, 0,5 т сливок и около 0,6 т масла. Продукцией завода обеспечивается население г. Кызыла и поселков — Хову-Аксы, Усть-Элегест, Бай-Хаак, Черби, Кара-Хаак.

Хотя заводы из года в год дают прирост в выпуске продукции, но в ассортименте план не обеспечивается. Так, на Кызыльском молокозаводе из общего количества цельномолочной продукции в пересчете на молоко в 1972 г. выпущено 1058 т (49,3%) продукции в расфасованном виде вместо 2145 т, в 1973 г. соответственно — 1700 (76,1%) и 2231 т. Это было связано в первую очередь с физическим износом оборудования, действовавшего на розливо-укупорочной линии в 1972—1973 гг. Впоследствии была установлена новая линия по розливу молока. Из-за недостатка квалифицированных кадров велики простой автомата по расфасовке творожных сырков. Завод не имеет оборудования по расфасовке мороженого.

В молочной промышленности затраты на производство характеризуются высоким удельным весом сырья и основных материалов. Поэтому комплексное использование сырья, борьба с потерями в производстве имеют первостепенное значение.

В настоящее время при переработке молока почти полностью используется только молочный жир, составляющий 50% калорийной ценности молока. Наиболее ценная составная часть молока — молочный белок — используется недостаточно. В этой связи следует отметить, что в отечественной промышленности разработан непрерывно-поточный способ производства сухого молочного белка из обезжиренного молока для использования в хлебопекарной и макаронной промышленности. Проведенные исследования и опыт предприятий Латвийской и Эстонской ССР показывают, что молочная сыворотка, являющаяся отходом молочной промышленности и используемая в хлебопечении, повышает пищевую ценность хлеба и хлебобулочных изделий.

В 1973 г. в молочной промышленности Тувы получено обработка и пахты 12629 т, из них использовано на выработку и нормализацию молочных изделий только 1883 т (14,9%), из 878 т молочной сыворотки на пищевые цели не использовано ни одной тонны.

В 1972 г. в среднем по молокозаводам республики выработка на одного работающего составила 25618 руб., в 1973 г. — 28404 руб., а на Шагонарском соответственно — 33894 руб. и 37000 руб., на Кызыльском — 26016 руб. и 28528 руб. Эти предприятия добиваются прироста объема продукции в основном за счет повышения производительности труда. В целом по заводам в 1973 г. по сравнению с 1972 г. рост валовой продукции составил 7,8%, при этом производительность труда выросла на 10,8%, численность промышленно-производственного персонала сократилась на 2,9%. За 1970—1973 гг. средний темп прироста выработки продукции на 1 человека составил 8,3%, при росте среднегодовой заработной платы на 5,3%.

Молочная промышленность республики имеет местное значение, продукция ее не вывозится за пределы республики. Ей принадлежит большая роль в улучшении структуры потребляемых населением продуктов. Молоко и молочные продукты по научно обоснованным нормам питания покрывают 27,5% потребности в белках, 53,8% — в жирах, 6,4% — в углеводах, 68,6% — в кальции, 34% — в фосфоре. Потребление молока и молочных продуктов на душу населения в Туве несколько отстает от среднего уровня потребления этих продуктов в РСФСР и районах Восточной Сибири (табл. 4).

Таблица 4

Потребление молока и молочных продуктов на душу населения в 1972 г.³

	Валовое производство молока (в хозяйствах всех категорий) на душу всего населения—кг	Государственные закупки молока и молочных продуктов (в пересчете на молоко) на душу городского населения—кг
РСФСР	335	305
Восточно-Сибирский район	294	251
Красноярский край	354	313
Иркутская область	243	192
Читинская область	280	201
Бурятская АССР	267	300
Тувинская АССР	263	247

Потребление молока на душу всего населения в Туве составляет 78,5%, городского—80,9% от уровня РСФСР и соответственно 89,4% и 98,4% от уровня Восточной Сибири. Производство молока и молочных продуктов в Туве на местной сырьевой базе в настоящее время не полностью обеспечивает потребности населения, поэтому республика вынуждена завозить значительное количество этих изделий из Красноярского края: сухое молоко, молочные консервы, сыры твердый и плавленый (табл. 5).

Таблица 5

Поставка молочных продуктов за счет дотации по республике за 1971—1975 гг.⁴

	1971	1972	1973	9 месяцев 1974 г.	План 1975 г.
Сухое молоко—т	305	359	421	388	500
Молочные консервы—тыс. условных банок	979	1104	1057	838	1280
Сыр натуральный—т	89	84	97	89	122
Сыр плавленый—т	89	77	80	77	110

Развитие молочной промышленности Тувы в перспективе будет идти как в направлении расширения ее сырьевой базы, так и за счет увеличения производственных мощностей предприятий. Валовое производство и государственные закупки

³ Цифры таблицы рассчитаны автором на основе данных стат. ежегодника «Народное хозяйство РСФСР в 1972 г.», М., 1973, с. 14, 267, 280.

⁴ Отчетные данные Министерства торговли Тувинской АССР за 1971—1973 гг.

молока в перспективе, по данным Госплана Тувинской АССР, будут возрастать довольно быстрыми темпами: валовое производство к 1975 г. по сравнению с 1970 г. увеличится на 20,7%, к 1980 г. по сравнению с 1975 г.—на 25,4%, государственные закупки соответственно — на 16,6% и 26,9%.

Следует иметь в виду, что ресурсы сырьевой базы молочной промышленности и в перспективе не могут обеспечить потребности населения во всех молочных продуктах. Поэтому местное производство масла и сыра будет ограничиваться в целях более полного удовлетворения потребностей населения в цельномолочной продукции. В связи с этим особенно большой рост должен быть обеспечен в производстве свежемолочной продукции. Если использование молока на производство масла по отношению к общему объему его переработки составляет в целом по стране 64,2%, цельномолочной продукции—29,6%, то в Туве в структуре промышленного использования молока удельный вес цельномолочной продукции будет составлять до 70%, животного масла—30%. Одновременно будет продолжаться ввоз определенного количества молочных продуктов (сухое молоко, молочные консервы, сыры натуральный и плавленый) из-за предела республики.

Важнейшей задачей является реконструкция молокозаводов в Кызыл-Мажалыке, Чадане и Шагонаре, которые в настоящее время работают в основном на устаревшем оборудовании. Внедрение новой техники будет осуществляться как за счет комплексной механизации процессов производства (молока, творога, кисломолочной продукции), так и путем замены устаревшего оборудования более производительным. Большое внимание будет уделяться расширению ассортимента, улучшению качества и увеличению выпуска фасованной продукции молокозаводами республики.

Ч. Т. Кызыл-оол

ОВЦЕВОДСТВО В СОВХОЗЕ им. С. К. ТОКА

Главной отраслью животноводства Тувинской АССР является овцеводство, развитое во всех ее районах и представленное тонкорунной, полутонкорунной, полугрубошерстной и грубошерстной породами овец. Тонкорунное овцеводство развито в Тандинском, Пий-Хемском, Каа-Хемском районах (58% общественного поголовья овец районов), полутонкорунное — в Улуг-Хемском, Дзун-Хемчикском, Тоджинском и совхозе «Кара-Хаак» Кызыльского горсовета (50%), полугрубошерстное — в Тес-Хемском, Овюрском, Эрзинском, Бай-Тайгинском, Барун-Хемчикском и колхозе «Тере-Холь» Кызыльского горсовета (52%), грубошерстное — Монгун-Тайгинском (100%). В среднем в 1971—1973 гг. на овцеводство приходилось 37% валовой и 42% товарной продукции колхозов и совхозов¹.

Одним из ведущих хозяйств республики является овцеводческий совхоз им. С. К. Тока, который специализируется на разведении тонкорунной породы овец. Совхоз дает 4,4% валовой и 3,4% товарной продукции овцеводства Тувы и соответственно 7,9 и 9,5% среди совхозов республики. По поголовью овец хозяйство занимает пятое место как по республике (3%), так и среди совхозов (5%).

Сельскохозяйственные угодья совхоза им. С. К. Тока расположены в южной части Центрально-Тувинской котловины в пределах нижнего течения реки Элегест. Большая часть поверхности территории хозяйства представляет собой холмисто-грядовую равнину с преобладанием мелкосопочника в северной и средней частях и низкогорных гряд на юге. Равнин-

¹ Н. М. Конгар. Актуальные проблемы развития сельского хозяйства в Туве. Кызыл, 1974, с. 40.

ные участки приурочены к долине Элегеста и межгорным понижениям. Такой рельеф в соответствии с характером почвообразующих пород определил преобладание каштановых и горных каштановых почв (в основном с легким механическим составом) на возвышенных участках. В межгорных понижениях, долине Элегеста и у подножья северных отрогов Восточного Танну-Ола распространены темно-каштановые и аллювиальные почвы.

Особенности распределения почвенного покрова в сочетании с избытком тепловых ресурсов (более 2000°), недостатком и неравномерным выпадением осадков (около 210—290 мм в год), маломощностью снежного покрова (в пределах 15—20 см) обусловили развитие различного вида степей: мелкоцлаковых в межгорных понижениях, каменисто-щебенистых и разнотравно-злаковых — на склонах низкогорья и холмов, луговых — в пойме реки Элегест и под пологом лесов северных склонов.

Луговые степи и лесные поляны характеризуются высокой производительностью, хорошей сомкнутостью, разнообразным и богатым видовым составом растительного покрова. Для растительных ассоциаций сухих степей характерна низкая урожайность, бедный видовой состав, слабое покрытие, низкорослость. В соответствии с особенностями рельефа и почвенно-растительного покрова долина Элегеста, межгорные понижения, пологие склоны низкогорья используются под пашни и сенокосы, а горные участки — как пастбища для овец и крупного рогатого скота.

Основными источниками водоснабжения хозяйства служат река Элегест, родники Кара-Суг, Кулузун, Онгача и два родника в урочище Как-Холь, а также буровые скважины на фермах и полевых станах.

Благоприятные для развития овцеводства природные условия, исторически сложившиеся трудовые навыки местного населения, обеспеченность трудовыми ресурсами определили овцеводство как главную отрасль совхоза им. С. К. Тока. Оно дает 72% валового производства мяса (в живом весе) и 50% его заготовок. В среднем за 8-е пятилетие на овцеводство приходилось 55,2% товарной и 71,2% реализуемой части продукции животноводства совхоза, а за 1971—1973 гг. соответственно 45,2 и 55,5%².

За 1966—1973 гг. поголовье овец в хозяйстве увеличилось с 25,1 тыс. до 30,8 тыс. при среднегодовом приросте 3,2%, количество овцематок соответственно — с 12,4 тыс. до 14,5 тыс.

² Некоторое снижение этих показателей за 3 года 9-й пятилетки вызвано увеличением товарной продукции свиноводства.

голов, или на 17%. Этот рост во многом обусловлен улучшением условий содержания и кормления животных, широким применением искусственного осеменения (свыше 90% овцематок), снижением падежа молодняка. Рост поголовья овец отражают данные таблицы 1.

Таблица 1
Динамика роста поголовья овец в совхозе им. С. К. Тока
за 1960—1973 гг. (тыс. голов на конец года)

	1960	В среднем за		1971	1972	1973
		1961—1965	1966—1970			
Овцематки	10,2	9,8	12,3	13,6	13,9	14,5
Бараны-производители и валухи	6,5	3,9	3,4	5,2	5,3	3,2
Молодняк рождения прошлых лет	—	—	0,7	1,2	1,5	1,5
Молодняк рождения текущего года	5,0	7,2	10,0	9,2	8,9	11,5
Всего:	21,7	21,0	26,5	29,2	29,5	30,8

Данные таблицы свидетельствуют, что на овцематок приходится 47% всего поголовья, на молодняк прошлых лет—5%, на баранов-производителей—15% (1973 г.).

Помимо роста поголовья овец, повышается продуктивность овцеводства и растет объем продажи его продукции государству. Так, за 1960—1973 гг. производство шерсти увеличилось с 776 ц до 1032 ц, баранины в живом весе—с 4328 ц до 5346 ц. Только в 1973 г. было реализовано 1032 ц шерсти (в 1960 г.—567 ц), 3896 ц баранины (1204 ц—в 1960 г.). Средний настриг шерсти на одну голову составил 3,2—3,5 кг (по республике—2 кг, Восточной Сибири—3,1, РСФСР—3,5 кг)³. Сравнительные данные делового выхода приплода на 100 овцематок и настрига шерсти на одну голову по ряду совхозов республики приводятся в таблице 2.

³ Народное хозяйство РСФСР в 1972 г. Стат. ежегодник. М., 1973, с. 275—276.

Таблица 2

**Продуктивность овцеводства в отдельных хозяйствах
и в среднем по совхозам Тувинской АССР**

Совхозы	Настрит шерсти с одной овцы — кг				Деловой выход приплод — голов			
	1970	1971	1972	1973	1970	1971	1972	1973
им. С. К. Тока	3,5	3,3	3,2	3,5	97	80	81	84
«25 лет РККА»	2,9	3,3	2,7	3,1	91	75	82	83
«Улуг-Хая»	2,7	2,7	2,3	2,4	89	66	70	56
«Уюк»	3,3	3,0	3,0	3,0	85	73	82	80
В среднем по совхозам	2,5	2,3	2,3	2,0	89	80	74	72

Из данных таблицы 2 видно, что показатели продуктивности овцеводства в совхозе им. С. К. Тока значительно выше, чем в сопоставимых хозяйствах и в среднем по совхозам республики. Это достигнуто прежде всего в результате планомерной, целенаправленной племенной работы. Улучшение местных овец тонкорунными баранами породы «советский меринос» начато еще с 1949 г. В начале 50-х годов в качестве исходной взяли хакасскую (ныне красноярская) породу. В эти же годы для увеличения живого веса овец завозились бараны-производители породы «ромни-марш». В результате проведенных мероприятий было сформировано племенное ядро и улучшился качественный состав стада. В 1971 г. по сравнению с 1960 г. поголовье овец тонкорунной породы возросло в 2,8 раза и составило 91,1% всего поголовья овец совхоза, о чём свидетельствуют данные таблицы 3.

Таблица 3

**Изменение породного состава овец в совхозе им. С. К. Тока
(тыс. голов на начало года)**

	1960	1965	1966	1970	1971
Общее поголовье овец	21,7	23,9	25,2	28,5	29,2
в том числе:					
тонкорунных	9,9	13,9	15,2	24,3	27,6
полутонкорунных	3,6	7,1	7,1	4,2	1,6
полугрубошерстных	4,5	2,0	2,8	—	—
грубошерстных	3,7	0,9	0,1	—	—

Увеличение удельного веса тонкорунных овец сделало возможным преобразовать этот совхоз (1969 г.) в племенной овцеводческий. От реализации племенных баранчиков хозяйство ежегодно получает прибыль 20—30 тыс. руб., что составляет от 2 до 10% общей прибыли от овцеводства.

Известно, что высокие результаты в селекционной работе достигаются при рациональном сочетании пастбищного содержания с дополнительным кормлением (подкормкой). В передовых хозяйствах нашей страны на одну условную голову скота расходуется более 40 ц кормовых единиц (к. е.)⁴, в среднем по СССР—24,8 ц к. е.⁵, РСФСР—24 ц к. е., по совхозам РСФСР—24,6 ц к. е.⁶, а в совхозе им. С. К. Тока в среднем за 1966—1973 гг. на условную голову скота было затрачено 21,8 ц к. е.

Основным источником кормов совхоза являются естественные пастбища, занимающие площадь 50,5 тыс. га, или 70% всех сельхозугодий хозяйства. В среднем за 1966—1973 гг. пастбищные корма (продуктивность—1,04 ц/га к. е.) составили 50—60% всех кормовых ресурсов овцеводства.

В настоящее время овцы совхоза полностью не обеспечены необходимым количеством кормов из-за низкой продуктивности пастбищ, недостатка сочных и концентрированных кормов. В целях увеличения поголовья животных, повышения их продуктивности и снижения затрат на продукцию овцеводства прежде всего необходимо наладить полевое кормопроизводство. Сейчас оно составляет 30—40% всех затраченных кормов в овцеводстве. В среднем в 1966—1973 гг. в совхозе им. С. К. Тока с 1 га естественных сенокосов получено 1,9 ц сена, урожайность однолетних трав—6 ц/га, многолетних—10,5 ц/га.

В 1971—1973 гг. на одну овцу было затрачено около 2,9—3,8 ц к. е., что несколько ниже зоотехнической нормы (5 ц к. е.). Для подкормки в период сухагности и стойлового содержания в совхозе им. С. К. Тока, по опыту читинских животноводов, на каждую отару выращивается 35—40 га зелени, что позволяет улучшить обеспечение овец полевыми кормами.

В совхозе им. С. К. Тока расход заготовленных кормов (118 кг к. е. на одну голову в год) находится примерно на уровне передовых хозяйств Читинской области (в Ононском

⁴ Н. Бурлаков. Эффективность производства продукции животноводства.—«Экономика сельского хозяйства», М., 1972, № 5, с. 36

⁵ Народное хозяйство СССР, 1922—1972 гг. Юбилейный стат. ежегодник. М., 1972, с. 262.

⁶ Народное хозяйство РСФСР в 1972 г. Стат. ежегодник. М., 1973, с. 264.

ОПХ — 108,1 кг, в племзаводе «Комсомолец» — 140,7 кг, в среднем по совхозам — 79,7 кг)⁷. Однако эффективность кормления овец ниже из-за несбалансированности рациона по белкам. Удельный вес сухосы в совхозе в 1969—1971 гг. составлял 15,7% всей подкормки (в переводе на к. е.), тогда как в передовых хозяйствах Читинской области он не превышал 6—7% всей подкормки⁸. Опыт передовых хозяйств Читинской области свидетельствует о высокой эффективности (высокий деловой выход приплода, увеличение настрига шерсти, сокращение падежа) подкормки овец концентрированными кормами.

Большое значение в эффективном ведении овцеводства имеет обеспечение животных теплыми помещениями. В 1973 г. в совхозе 4,1 тыс. голов овец содержались в капитальных постройках, 26,7 тыс.— во временно приспособленных. Это хозяйство одним из первых в Туве начало проводить зимнее ягнение в кошарах без тепляков. Освоение группового метода содержания новорожденных ягнят с обогревом и облучением 50-ваттными лампами ЗС-З позволило лучше использовать площадь кошар, ликвидировать простудные заболевания ягнят, значительно облегчить труд рабочих.

Из-за рассредоточенности отар и недостатка оборудования для механизации кормления животных, для приготовления кормов многие трудоемкие процессы в овцеводстве, за исключением электрострижки, механизированы крайне слабо.

Последовательное выполнение решений IX пленума Тувинского обкома КПСС о переводе чабанов на двухсменную работу, материальное и моральное стимулирование, улучшение жилищно-бытовых условий в совхозе им. С. К. Тока позволили закрепить кадры в овцеводстве, значительно омолодить состав чабанов и повысить их квалификацию. Так, в 1973 г. чабаны в возрасте 30—40 лет составили 38,6%, 41—50 лет — 36,3%, 51—60 лет — 20%. Из 150 чабанов 13 человек имеет I и II класс. Герой Социалистического Труда Уин-оол Бавун-оол, кавалеры ордена Трудового Красного Знамени Лодай-оол Тюлюш, Биче-Кыс Монгуш, старший чабан Торлаа Долаан добиваются высоких устойчивых показателей. С одной овцы они получают 3,9—4,3 кг шерсти, от 100 овцематок — 90—115 ягнят.

Совхоз им. С. К. Тока одним из первых в республике внедрил в животноводство хозяйственный расчет, способствующий повышению производительности труда чабанов и

⁷ Н. С. Болхоеv. В Забайкалье можно получать высокие выходы ягнят.—«Земля Сибирская, Дальневосточная», Омск, 1974, № 10, с. 33.

⁸ Там же.

росту общей эффективности овцеводства. Каждой чабанской бригаде доводится плац по производству продукции и лимит затрат.

В 1971—1973 гг. от реализации продукции овцеводства получено 880 тыс. руб., или 87,5% всей прибыли животноводства. При этом средний уровень рентабельности составил 43%, в том числе шерсти — 42,6%, баранины — 41%. Производство 1 ц шерсти в совхозе в 1973 г. обошлось на 32—138 руб. дешевле, чем в совхозах «25 лет РККА», «Улуг-Хая», «Үюк» (табл. 4).

Таблица 4
Себестоимость продукции овцеводства в хозяйствах
Тувинской АССР (руб. за 1 ц)

	Шерсть				Баранина			
	1970	1971	1972	1973	1970	1971	1972	1973
им. С. К. Тока	310	421	340	424	62	71	60	79
«25 лет РККА»	435	399	410	456	87	86	82	99
«Үюк»	345	460	377	529	69	82	73	86
«Улуг-Хая»	332	506	409	562	66	105	65	100
Совхозы	368	402	437	525	74	80	87	102
Колхозы	327	327	304	428	65	70	84	78

Как видно из таблицы, себестоимость 1 ц шерсти и баранины в совхозе им. С. К. Тока, хотя и колеблется, но относительно ниже, чем в среднем в колхозах и совхозах республики. Это обусловлено, прежде всего, большими затратами по заготовке кормов, удельный вес которых в структуре всех затрат на производство шерсти и баранины достигает 36%.

В связи с углублением специализации хозяйства и улучшением организации труда значительно снизились трудовые затраты на производство продукции овцеводства. Если в 1966 г. на производство шерсти и баранины затрачивалось соответственно 307 и 62 человеко-часа, то в 1973 г.—132 и 25 человеко-часов (табл. 5).

Таблица 5
Затраты труда на продукцию овцеводства в отдельных
хозяйствах и в среднем по совхозам Тувинской АССР
(в человеко-часах на 1 ц)

Совхозы	Шерсть			Баранина		
	1971	1972	1973	1971	1972	1973
Им. С. К. Тока	272	196	132	40	31	25
«25 лет РККА»	346	426	252	58	72	55
«Улуг-Хая»	424	272	458	65	60	81
«Үюк»	326	270	264	58	54	43
Совхозы республики в среднем	359	334	347	72	60	65

Трудовые затраты на производство шерсти и баанины в совхозе им. С. К. Тока почти в 1,7—3 раза меньше, чем в ряде хозяйств и в среднем по совхозам республики.

В перспективе овцеводство в совхозе им. С. К. Тока будет развиваться по пути создания механизированного комплекса, строительство которого уже начато в 1974 г. Формирование крупного овцеводческого комплекса порождает необходимость организации своего пункта искусственного осеменения и строительства кормохранилищ. Концентрация поголовья овец позволит повысить эффективность племенного дела, экономнее использовать технику и механизировать трудоемкие работы, улучшить жилищно-бытовые условия овцеводов.

Увеличение производства шерсти и баанины будет достигнуто в ближайший период, прежде всего путем повышения продуктивности животных. Исходя из решений X пленума Тувинского обкома КПСС по дальнейшему развитию овцеводства, в совхозе им. С. К. Тока намечено довести средний настриг шерсти до 4,1 кг, живой вес овец, реализуемых на мясо,— до 42—45 кг, поголовье овец — до 35 тыс. голов, племенных баранчиков — до 800 голов.

Решение этих задач связано с увеличением производства кормов в совхозе. Основным источником покрытия потребности в кормах остаются естественные кормовые угодья. Они не могут, однако, в полной мере обеспечить все возрастающие потребности овцеводства. Поэтому для улучшения кормления овец (особенно в зимний период) и создания прочных страховых запасов должна увеличиться продукция полевого кормопроизводства, в основном за счет повышения урожайности сеянных трав и других культур. Укрепление кормовой базы с учетом роста поголовья скота, в том числе овец, потребует некоторой трансформации земельных угодий совхоза.

Л. А. Саян

ТУВИНСКАЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ КООПЕРАЦИЯ

Большой вклад в дело подъема экономики и культуры Советской Тувы вносит потребительская кооперация, которая была и остается активным помощником партийных организаций в осуществлении социально-экономических преобразований на селе. Объединяя свыше 70 тыс. членов-пайщиков и обслуживающая 68% населения Тувы, потребкооперация является массовой самодеятельной общественной организацией трудащихся. Кооператоры республики осуществляют многосторонние экономические связи между городом и деревней, закупая и поставляя сельскохозяйственное сырье промышленности, продовольствие — городскому населению и снабжая сельских жителей промышленными товарами. Эта деятельность потребкооперации непрерывно расширяется, приобретает все большее значение в экономической и общественной жизни республики.

Роль и место потребительской кооперации в строительстве социализма были определены в трудах В. И. Ленина, который подчеркивал, что без сети кооперативных объединений невозможна организация социалистического хозяйства, что «строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией — это есть строй социализма»¹.

Полувековой путь становления и развития кооперации Тувы — это одно из ярких доказательств торжества ленинского кооперативного плана в республике. Тувинская национальная потребительская кооперация — Тувинценкооп (ТЦК) — была организована в 1924 г., а в 1926 г. утвержден ее устав.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 373.

Число членов-пайщиков в 1927 г. составило 457 человек, в 1930 г.— уже 14 тыс. человек. С 1931 г. Тувинценкооп, полностью вытеснив частный капитал из товарооборота, стал монопольной торгующей организацией, занимающей 97,6% всего товарооборота республики. «Торговля в ТНР,— как говорится в «Истории Тувы»,— действительно стала важнейшим рычагом, помогавшим развитию страны по социалистическому пути, подъему материального благосостояния всего трудового населения»².

В становлении и развитии ТЦК всестороннюю помощь оказали советские организации, находящиеся в Туве. Так, Русская самоуправляющаяся трудовая колония (РСТК) и Тувинское отделение госторга РСФСР помогли в организации внутренней и внешней торговли на новых началах. В 1932 г. при помощи бригады специалистов из ЦСУ СССР была проведена инвентаризация ценностей и введена упрощенная система бухгалтерского учета, применяемая в кооперативных организациях СССР. Они же оказали помощь в введении оперативного учета и отчетности и внедрении плановых начал, а также передавали опыт и знания кооперативного строительства в Советской стране.

В результате проведенной организационной работы в системе ТЦК за 1930—1933 гг. товарооборот его увеличился в 1,7 раза, число членов-пайщиков к 1933 г.— до 35 тыс. человек. К 1940 г. розничный кооперативный товарооборот возрос по сравнению с 1933 г. в 2,3 раза. В 1941 г. более 21% всего товарооборота республики покрывалось за счет местных ресурсов.

Наряду с ростом товарооборота, увеличением числа пайщиков и укреплением материально-технической базы кооперации, ТНРП и народно-демократическое правительство ТНР значительное внимание уделяли подготовке кооперативных кадров, особенно для работы в сельской местности. Бесспорные успехи имел ТЦК в подготовке и воспитании национальных кадров кооперативных работников. В системе ТЦК в 1944 г. работал 671 человек, из них тувинцы составляли 68,5%³. В подборе кадров основной упор делался на коренное население, а также на советских граждан, знающих тувинский язык и особенности экономики республики. ТЦК посыпал своих лучших представителей на хозяйственную работу в районы республики, где они распространяли среди населения идеи кооперации, организовывали работу лавочных и ревизионных комиссий, привлекая членов-пайщи-

² История Тувы, т. II, М., 1964, с. 164.

³ Там же, с. 16.

ков для участия в жизни потребительских обществ. К этому делу также широко привлекались женщины-аратки, которые составляли более 20% пайщиков. К 1944 г. членами-пайщиками Тувинценкоопа состояло 78,7% населения республики.

Кроме торговли, большое место в деятельности потребительской кооперации Тувы занимали заготовки сельхозпродуктов и пушно-мехового сырья. По данным Тувреспотребсоюза, только за 1941—1944 гг. кооперативными организациями было заготовлено шкурок белки — 1473 тыс. шт., горностая — 25522, колонка — 11539, хоря — 8311, соболя — 4764 и много другой ценной пушнины. В 1940—1944 гг. среднегодовой объем заготовок пушнины составил 212,9 тыс. руб., заготовки скота увеличились 2 раза.

В годы Великой Отечественной войны ТЦК активно со-действовал выполнению интернационального долга тувинского народа, мобилизую своих членов на оказание материальной помощи Красной Армии. В 1941—1944 гг. в системе потребкооперации заготавливалось до 80 видов продукции, в том числе было сдано более 400 тыс. голов скота, свыше 100 т жира, 123 т шерсти, 27 тыс. шт. кож и т. д.

Многогранная деятельность потребительской кооперации Тувы по торговле и заготовкам способствовала развитию сельскохозяйственного производства, укрепляла союз тувинского аратства с советским рабочим классом. Одним из многих проявлений этого союза была обширная помощь СССР и советской потребительской кооперации ТЦК. В условиях Тувы работа потребительской кооперации являлась важным элементом подготовки к коллективизации аратских хозяйств и организационно-хозяйственного укрепления первых колхозов.

После добровольного вхождения ТНР в состав СССР, паряду с коллективизацией сельского хозяйства, имело место значительное увеличение числа пайщиков, а также количества поступающей в колхозы и совхозы через кооперацию сельскохозяйственной техники и инвентаря.

Переход к единым ценам при общем их снижении, отмена карточной системы благоприятствовали развертыванию торговли излишками сельскохозяйственных продуктов, закупленных у колхозов и колхозников по розничным ценам; под руководством областной партийной организации проводилась работа по улучшению обслуживания пайщиков и развитию материально-технической базы торговли. Товарооборот кооперативной торговли за 1946—1950 гг. возрос в 3,7 раза, а количество розничных торговых предприятий увеличилось в 2,5 раза, предприятий общественного питания — в 1,7 раза.

В связи с повышением материального благосостояния и платежеспособного спроса трудящихся потребительская кооперация осуществляет большую работу по сближению жизненного уровня сельского и городского населения, систематически улучшая организацию торговли и наращивая объемы розничного товарооборота. Она не только удовлетворяет потребности людей в товарах первой необходимости, но и формирует спрос, новые вкусы, привычки, пропагандирует новые товары, через них приобщая широкие массы к новейшим достижениям современной культуры.

Товарооборот кооперативной торговли за 1950—1955 гг. в сельской местности увеличился в 1,5 раза. Особенно быстро росла продажа предметов длительного пользования, товаров производственного назначения и культтоваров. Так, в 1955 г. продано металлических кроватей в 11 раз, скриматериалов — 2,1, электротоваров — 33, радиотоваров — в 4,2 раза больше, чем в 1950 г. Из продовольственных товаров продажа мяса увеличилась в 1,4 раза, молока и молочных продуктов — 4, рыбы — 1,6 и яиц — в 12 раз.

В период завершения коллективизации и последующие годы значительная часть сельского населения стала жить в типовых домах. Только с 1949 по 1959 г. колхозы построили 12,5 тыс. жилых домов. Кооперация обеспечивала сельское население автомашинами, мотоциклами, строительными и горюче-смазочными материалами, хозяйственным инвентарем, мебелью. Тем самым она активно участвовала в колхозном строительстве, в утверждении нового, оседлого, социалистического быта араторов-колхозников.

Потребительская кооперация сыграла важную роль в осуществлении культурной революции, способствуя ликвидации неграмотности сельского населения. Работа потребкооперации в этом направлении заключалась в пропаганде и продаже книг, журналов и других печатных изданий через сельскую торговую сеть, в укреплении материальной базы школ, интернатов, медицинских, культурно-просветительных и дошкольных учреждений.

В начале 1974 г. в системе кооперативных организаций работало 29 специализированных книжных магазинов и 8 киосков. Товарооборот книжной торговли в 1973 г., по сравнению с 1965 г., возрос в 2 раза, а продажа книг на душу населения — 1,8 раза. По сравнению с 1945 г. продажа печатных изданий на душу населения увеличилась более чем в 10 раз.

За 1956—1965 гг. по сравнению с предыдущим десятилетием розничный товарооборот кооперативных организаций возрос в 2,4 раза, чему в значительной мере способствовал

рост денежных доходов колхозников и работников совхозов. Оборот предприятий общественного питания за это время увеличился в 1,6 раза, а доля собственной продукции в товарообороте составила 61,5%. В целом заготовительный оборот за 10 лет (1956—1965 гг.) возрос в 2,9 раза, в том числе закупка лука — в 8,9 раза, картофеля — 2,9, ореха — 3,3 и яиц — в 3,6 раза.

Товарооборот потребительской кооперации за годы Советской власти развивался высокими темпами. Если в 1945 г. он равнялся 5,3 млн. руб., то в 1973 г. — 87,9 млн. руб., или возрос в 16,6 раза. В настоящее время потребительская кооперация за 22 дня реализует товаров на сумму, равную всему товарообороту 1945 г.

В начале 1974 г. товарооборот потребительской кооперации занимал 51,8% общего товарооборота, тогда как в целом по стране — около 30%. Начиная с 1966 г., в связи с созданием в республике государственной торговли, несколько снизился удельный вес кооперативного товарооборота. Несмотря на это, ускоренно растет товарооборот на селе. За три года 9-й пятилетки, при росте товарооборота в целом по республике на 21,4%, оборот кооперативной торговли увеличился на 22%, в том числе по продовольственным товарам — на 27,5%, по непродовольственным — на 11,1%. В связи с денатурализацией потребления продовольственных товаров сельским населением их доля в общем обороте повысилась с 56,1% в 1970 г. до 59,2% в 1973 г.

Опережающий уровень спроса на продукты питания по сравнению с непродовольственными товарами сохраняется и в настоящее время. В связи с увеличением удельного веса таких продуктов, как рыба и рыбопродукты, сахар, кондитерские изделия, масло животное, яйца и другие, внутри продовольственных товаров произошли структурные изменения. Они обусловлены повышением доли рабочих и служащих в общей численности населения, обслуживаемого кооперативной торговлей; денатурализацией доходов колхозников; увеличением производства и рыночных фондов товаров, выделяемых для продажи через кооперативную торговую сеть; ростом товаров культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода, в частности, предметов длительного пользования. Так, за три года 9-й пятилетки продажа холодильников увеличилась в 4,5 раза, стиральных машин и мотоциклов — 3, электроутюгов — 6, легковых автомобилей и телевизоров — в 4 раза. Животноводы на отгонных пастбищах обслуживаются 76 автолавками.

Потребительская кооперация организовала в районных центрах хлебопечение, которое являлось ведущим в ее про-

изводственной деятельности. С 1947 по 1973 г. выпечка хлеба и хлебобулочных изделий возросла почти в 10 раз, что позволило увеличить их продажу населению, сократить продажу муки в розничной торговле. Разнообразнее стал ассортимент и улучшилось качество выпекаемого хлеба. Укрепилась материально-техническая база хлебопечения: в системе Тувреспотребсоюза 31 механизированное предприятие обеспечивает до 80% сельского населения хлебом и хлебобулочными изделиями. В ближайшие годы эта проблема будет решена полностью.

В потребительской кооперации 26 мелких цехов и участков, которые занимаются лесозаготовкой, лесопилением, обжигом кирпича, ловом рыбы, производством предметов ширпотреба и др. Промкомбинат Респотребсоюза вырабатывает безалкогольные напитки, консервы, швейные изделия и товары культурно-бытового назначения.

Значительные успехи достигнуты в развитии общественного питания. В. И. Ленин рассматривал общественные столовые, ясли и детские сады как ростки коммунизма, «которые на деле способны освободить женщину, на деле способны уменьшить и уничтожить ее неравенство с мужчиной, по ее роли в общественном производстве и в общественной жизни»⁴. В 1945 г. кооперация имела 22 предприятия общественного питания, в 1974 г.—85, или количество их возросло в 3,8 раза, а товароборот — в 10 раз. Доля продукции собственного производства в общем товарообороте общественного питания к концу 1973 г. составила по республике 69,4, в государственной торговле — 72,1, в кооперации — 64,7%, а в кооперативной торговле РСФСР она в 1972 г. была несколько меньше — 49,3%⁵.

За последние годы осуществлены меры по типизации торговой сети и сети общественного питания путем ввода новых, реконструкции ранее существовавших предприятий и расширения ассортимента товаров. В республике внедряется самообслуживание, на которое, однако, приходится лишь 14,9% общего объема кооперативного товарооборота. Это значительно ниже, чем уровень в государственной торговле, который, по данным Статистического управления Тувинской АССР, к концу 1974 г. составлял около 32%.

Осуществляя многогранную деятельность, кооператоры Тувы пришли к 30-летнему юбилею республики со значительными успехами. За этот период объем общего товарооборота увеличился в 16,6 раза, в том числе розничного — в 17

⁴ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 39, с. 24.

⁵ Торговля РСФСР. Стат. сборник за 1972 г., М., 1973, с. 51—57.

и общественного питания — в 10,9 раза. Заготовки сельхозпродуктов возросли в 12,6 раза, в том числе среднегодовая заготовка картофеля — 17,1, капусты — 10,8 и яиц — в 4 раза. Заготовка шерсти увеличилась с 302,7 т в 1944 г. до 2704 т в 1973 г., или в 8,9 раза. Численность работников возросла с 2871 человек в 1955 г. до 4959 человек в 1973 г., или в 1,7 раза, в том числе число работников, занятых в торговле, — в 3 раза.

Высокими темпами развивается потребительская кооперация в годы 9-й пятилетки. За 1971—1975 гг. товарооборот потребкооперации возрастет на 44,7%, в том числе розничной торговли — 45,6 и общественного питания — 26,6%, а удельный вес собственной продукции составит 70%. Дальнейшее развитие получит и материально-техническая база торговли; будут построены 57 магазинов с площадью 3417 кв. м, столовые — на 700 посадочных мест, товарные склады емкостью на 8000 кв. м. Мощность холодильников увеличится на 300 т, пекарен — на 30 т хлеба в сутки. Будет произведена реконструкция и модернизация существующих предприятий торговли и общественного питания. По сравнению с 1970 г. объем капиталовложений в 1975 г. возрастет почти в 5 раз (до 9,5 млн. руб.).

С целью совершенствования всей деятельности потребительской кооперации и улучшения снабжения сельского населения товарами народного потребления в ближайшее время необходимо решить ряд проблем. Для определения количественных и качественных параметров платежеспособного спроса на товары в первую очередь следует усилить работу по научному изучению этого вопроса. Особое внимание нужно обратить на увеличение удельного веса в общем товарообороте непродовольственных товаров.

Необходимо также осуществить рационализацию торговой сети потребкооперации, ее дальнейшую специализацию, особенно в районных центрах, с целью внедрения прогрессивных методов торговли и расширения сферы услуг, оказываемых населению потребкооперацией в области торговли, общественного питания и бытового обслуживания. На базе предприятий общественного питания целесообразно расширить производство и продажу полуфабрикатов, концентратов, кулинарных и других изделий для сокращения затрат времени населения на приготовление пищи.

В приветствии ЦК КПСС IX съезду уполномоченных потребительской кооперации СССР сформулированы ее основные задачи: значительно улучшить торговлю и общественное питание на селе; смелее внедрять прогрессивные формы и методы обслуживания покупателей; расширять сеть универ-

альных и специализированных магазинов; постоянно изучать спрос населения и настойчиво воздействовать на промышленность с целью увеличения производства нужных потребителям изделий, улучшения ассортимента и качества изделий; неуклонно повышать эффективность хозяйственной деятельности потребкооперации на основе дальнейшего совершенствования управления, планирования и экономического стимулирования, широкого внедрения хозрасчета.

Важным направлением развития потребкооперации является увеличение объема заготовок и переработки дикорастущих ягод, грибов и ряда сельскохозяйственных продуктов. Это будет способствовать увеличению товарных фондов и, в конечном счете, более полному удовлетворению потребностей сельского населения в продуктах питания.

Ускоренное развитие в условиях советского строя Тувинской потребительской кооперации является одним из ярких проявлений ленинской национальной политики КПСС, огромной помощи тувинскому народу со стороны государства и братских народов.

Л. А. Катушкова

ВОПРОСЫ РАЦИОНАЛЬНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ В ТУВИНСКОЙ АССР

Для гармонического сочетания общественного производства и народного потребления при развитом социализме открываются новые, все более благоприятные перспективы. Возросшие возможности экономики страны обусловливают изменение подхода к удовлетворению потребностей на продукты питания. «Задача состоит не только в том, чтобы суммарно покрыть покупательский спрос, главное, какие товары найдет покупатель в магазинах, насколько он будет удовлетворен их разнообразием и качеством»¹.

К концу 9-й пятилетки в целом по стране общая калорийность пищевых продуктов с учетом намеченного уровня потребления составит примерно 3150 кал. в сутки в среднем на человека. По калорийности потребляемых в СССР продуктов проблема обеспечения ими населения может считаться решенной². Однако в 1919 г. В. И. Ленин, запрашивая Центральное статистическое управление о состоянии питания различных слоев населения, подчеркивал: «Нормой считать, сколько надо человеку, по науке, хлеба, мяса, молока, яиц и т. под., т. е. норма не число калорий, а количество и качество пищи»³.

За годы социалистического развития структура потребления продовольственных товаров в нашей стране значительно улучшилась. Уменьшилась доля хлеба, картофеля, увеличился удельный вес мяса, яиц, молока, фруктов. В потреблении продуктов питания имеются территориальные различия, которые зависят от многих факторов. К ним относятся уровень производства, размеры дохода населения, природно-климати-

¹ Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, с. 179.

² М. Ф. Макарова. Общественное производство и народное потребление при социализме. М., 1974, с. 31.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, с. 342.

ческие условия, а также степень развития культуры, возрастные, национальные особенности и др.

Изучение территориальных различий в уровне и структуре потребления имеет важное значение для правильного планирования повышения материального благосостояния трудящихся. В частности, в Тувинской АССР данный вопрос до настоящего времени глубоко не исследован, хотя актуальность его несомненна. Статья представляет собой попытку в определенной степени восполнить этот пробел.

Объем и структура потребления продуктов питания зависят от развития сельскохозяйственного и промышленного производства, покупательной способности населения и увеличения рыночных фондов товаров. В 1960—1973 годы в сельском хозяйстве Тувинской АССР были достигнуты определенные успехи, позволившие улучшить снабжение населения республики продуктами питания. Так, производство мяса (в убойном весе) увеличилось на 80%, молока — на 61%, яиц — в 2,8 и овощей — в 1,6 раза.

Значительные успехи достигнуты в пищевой промышленности на основе роста сельскохозяйственного производства и высоких темпов развития индустрии. За 1960—1973 гг. объем продукции мясной промышленности возрос в 2,9 раза, производство колбасных и кондитерских изделий — в 2 раза и цельномолочной продукции — в 2,6 раза⁴.

Происходит сближение уровней потребления городским и сельским населением таких продуктов, как овощи, фрукты, сахар, рыбопродукты, кондитерские изделия, по которым ранее имелся наибольший разрыв. Эти изменения обусловлены ростом денежных доходов колхозников и рабочих совхозов, увеличением ресурсов продовольственных товаров, направляемых в сельскую торговлю. Одновременно возрастают абсолютные показатели потребления продуктов как в городе, так и в сельской местности. Остаются определенные различия в потреблении продуктов отдельными социальными группами населения (табл. I).

Как видно из таблицы, потребление хлеба городским и сельским населением сократилось на 24 кг. Одновременно увеличилась доля высших сортов хлеба, крупы, макаронных изделий, что явилось следствием развития промышленного хлебопечения. Потребление основных продуктов питания в целом по республике возросло: мяса и мясопродуктов — на 58%, молока и молочных продуктов — 21, яиц — 116, рыбы и рыбопродуктов — 29, овощей и бахчевых — 46, сахара — на 37%.

⁴ Народное хозяйство Тувинской АССР. Стат. сборник, Кызыл, 1971, с. 52; «Тувинская правда», 22 января 1974 г.

Таблица 1

**Потребление основных продуктов питания на душу населения
в Тувинской АССР (кг)⁵**

Наименование продуктов	Все население			Рабочие и служащие			Колхозники			Потребление работниками хо- зяйств и слу- жителями		
	1960		1973	1973		1960	1973		1960	1973	1960	1973
	к 1960	%	— %	к 1960	%	к 1960	%	к 1960	%	к 1960	%	
Мясо и сало	34,1	51	158	37,5	49	150	29,5	64	217	79	131	
Молоко и молоч- ные продукты	189	228	121	190	210	121	187	347	186	98	148	
Яйца (в шт.)	56	104	216	53	104	208	46	105	228	87	101	
Овощи и бахчевые	26	38	146	18	41	147	37	15	56	206	37	
Картофель	81	75	95	102	75	93	51	77	151	50	103	
Хлебопродукты	192	168	87,5	180	164	87,5	208	195	94	116	119	

При увеличении потребления в целом по республике мяса и сала на 16,9 кг, молока и молочных продуктов на 39 кг, объем потребления колхозниками увеличился соответственно на 34,5 и 160 кг. Такое опережение обусловлено наличием личных подсобных хозяйств колхозников, рабочих совхозов и сельской интеллигенции. Анализ формирования фондов потребления отдельных продуктов питания по социальным группам населения Тувинской АССР показывает, что нетоварное потребление имеет решающую роль у колхозников, довольно значительно — у рабочих и служащих и составляет соответственно по мясу 85 и 47%, молоку — 74 и 41, яйцу — 97 и 16, овощам и бахчевым — 80 и 14%.

В 1973 г. работниками лаборатории изучения спроса и конъюнктуры торговли Тувреспотребсоюза с участием автора был проведен выборочный опрос населения Тандинского, Улуг-Хемского, Бай-Тайгинского и Эрзинского районов, которые имеют различные уровни доходов на душу населения. Было распространено 1500 анкет, из них правильно заполнены 1100, которые и были подвергнуты дальнейшей обработке.

Данные опроса показывают, что более 80% семей имеют подсобное хозяйство, от которого получают от 300 до 1500 руб. дохода в год. Значительную часть подсобного хозяйства занимает молочное стадо, причем наличие скота находится в прямой зависимости от размеров семьи. Так, скот содержат 50% семей, состоящих из трех человек, и более 90% семей, имеющих в своем составе семью и более человек.

⁵ Рассчитано автором на основе данных Статистического управления Тувинской АССР.

Сохраняются некоторые национальные особенности в потреблении продуктов питания. Например, 50% опрошенных семей тувинцев предпочитает баранину и 40% — говядину, тогда как русские соответственно — 30% и 40%. По уровню потребления мяса и мясопродуктов на душу населения Тувинская АССР занимает одно из первых мест в Восточной Сибири. При этом повышается удельный вес переработанных продуктов, в частности, колбасных изделий.

Постепенно уменьшается потребление некоторых традиционных продуктов, например чая. Если в 1945 г. доля чая в товарообороте Тувы составляла 3%, то в 1973 г.— лишь 0,38%, и его потребление в 2 раза меньше, чем в Иркутской области, и в 4 раза меньше, чем в Бурятской АССР. По-видимому, это обусловлено изменением национального состава и социальной структуры населения, а также увеличением производства и потребления безалкогольных напитков, кофе, какао, компотов, молочно-кислых и других продуктов⁶.

Определенный интерес представляет анализ достигнутого уровня потребления некоторых продуктов питания населением Тувинской АССР в сопоставлении с данными по РСФСР (табл. 2).

Таблица 2

Потребление основных продуктов питания на душу населения в РСФСР и Тувинской АССР (1973 г.)⁷

Продукты питания	Нормы потребления РСФСР— кг	Фактическое потребление — кг		Потребление в % к нормам	
		РСФСР	Тувинская АССР	РСФСР	Тувинская АССР
Мясо и сало	78	54	51	69	65
Молоко и молочные продукты	472	325	228	69	48
Яйца (в шт.)	306	224	104	73	34
Рыба и рыбопродукты	21,5	20,8	9	96	42
Сахар	40	42,8	30	105	75
Овощи и бахчевые	138	82	38	59	26
Картофель	105	128	75	122	71
Хлебопродукты	115	139	168	121	146

⁶ Л. А. Толстова, Н. А. Зязина. Спрос сельского населения на чай. Сб. Вопросы изучения и прогнозирования спроса сельского населения. М., 1973, с. 51.

⁷ Рассчитано на основе данных Статистического управления Тувинской АССР и Краткого стат. сборника «РСФСР в цифрах». М., 1973, с. 82.

Данные таблицы показывают, что достигнутый в Тувинской АССР уровень потребления отстает от РСФСР и рациональных норм почти по всем основным показателям. В 1973 г. только потребление хлеба превышало норму, по остальным видам продуктов этот уровень был ниже: овощей — на 26%, яиц — 34, сахара — 75 и молока и молочных продуктов — на 48%.

Одной из серьезных проблем питания в Туве является устранение сезонных колебаний в потреблении молока и молочных продуктов, яиц, овощей, фруктов и картофеля. Сезонность потребления названных продуктов связана в первую очередь с незначительным объемом их производства в республике, низкой организацией заготовок и хранения. Потребность не покрывается местным производством по овощам примерно на 20—30%⁸. Кроме того, положение усугубляется тем, что завоз овощей, фруктов производится в республику из Средней Азии, Кавказа, центральных областей РСФСР, Молдавии, а картофеля — из Красноярского края со значительными затратами времени на транспортировку, что увеличивает их порчу.

Ежегодно закладывается на зимнее хранение около 20% заготовляемых овощей, фруктов и картофеля, а остальная часть реализуется населению ввиду отсутствия хранилищ. Продажа овощей через предприятия общественного питания возросла в 1973 г. по сравнению с 1970 г. в кооперативной торговле в 1,8 раза, в государственной — в 1,3 раза.

По темпам роста общего товарооборота на душу населения Тувинская АССР отстает от показателей соседних республик и краев (таб. 3.).

Таблица 3
Темпы роста общего товарооборота на душу населения
в Восточной Сибири⁹

	Продажа товаров на душу населения — руб.		1973 в % к 1970
	1970	1973	
РСФСР	628,8	794,0	116,4
Красноярский край	735	850,4	115,7
Иркутская область	658	761,4	115,7
Читинская область	579	670,5	115,8
Бурятская АССР	632	753,1	119,2
Тувинская АССР	598	681,9	114

⁸ Ч. Г. Кызыл-оол. Производство картофеля и овощей в совхозах «Кара-Хаак» и имени 50-летия СССР. УЗ ТНИИАЛИ, вып. XVI, Кызыл, 1973, с. 49.

⁹ Рассчитано по данным сборников «Народное хозяйство СССР 1922—1972 гг.» М., 1972; «Народное хозяйство РСФСР в 1972 г.» М., 1973; «Народное хозяйство РСФСР в 1973 г.» М., 1974.

Продажа товаров на душу населения в разрезе районов внутри республики имеет некоторые отклонения от среднего уровня. Например, в Таидинском, Тоджинском, Кна-Хемском, Пий-Хемском районах товарооборот на душу населения выше, а в Бай-Тайгинском, Овюрском, Барун-Хемчикском ниже, чем средний уровень по республике. Такие различия в распределении товарооборота на душу населения по отдельным районам в значительной степени могут быть объяснены недостатками в организации кооперативной торговли, а также неравномерным размещением предприятий пищевой промышленности, характером транспортной связи этих районов, национальным составом населения и, следовательно, структурой его питания.

Существующие территориальные и социальные различия в потреблении продуктов питания необходимо выравнивать путем проведения мер, направленных на правильное распределение трудовых ресурсов, рост доходов населения и увеличение производства и завоза продуктов питания. Для установления оптимальных пропорций между производством и потреблением основных продуктов питания, ввозом и вывозом их, определенное внимание должно быть обращено на полное использование местного сельскохозяйственного сырья и изыскание дополнительных товарных ресурсов на основе интенсификации сельскохозяйственного производства, а также расширение, модернизацию производственных мощностей в отраслях пищевой промышленности. В связи с этим необходимо, в первую очередь в районах с благоприятными почвенно-климатическими условиями, развитие овощеводства и картофелеводства, мясного и молочного скотоводства и птицеводства, создание пригородных хозяйств. Параллельно должна решаться задача совершенствования всей системы органов заготовок и торговли, участвующих в доведении продуктов питания от производства до непосредственных потребителей.

М. М. Шац

ИЗУЧЕНИЕ МНОГОЛЕТНЕМЕРЗЛЫХ ПОРОД — НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ УСПЕШНОГО ОСВОЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ АЛТАЕ-САЯНСКОЙ ГОРНОЙ СТРАНЫ

Алтае-Саянская горная страна¹ является частью орогенного пояса Южной Сибири. По своему горнопромышленному потенциалу и экономической освоенности — это один из важных районов нашей Родины. В ближайшее время здесь будут созданы новые крупные предприятия горнодобывающей и лесотехнической промышленности, цветной металлургии и т. д. Природные богатства этого горного края все более используются в народном хозяйстве. Их освоение тесно связано с рядом сложных и недостаточно изученных вопросов физической географии, к которым относится и геокриологическая (мерзлотная) обстановка.

Сведения о многолетнемерзлых породах Алтае-Саянской горной страны, отраженные на мелкомасштабных мерзлотных картах СССР и содержащиеся в научных статьях ряда ученых², не позволяют составить достаточно полного представления о геокриологических условиях региона в целом. Мерзлотные исследования, проведенные в отдельных районах Ту-

¹ Горная страна — одна из крупных единиц физико-географического районирования, характеризующаяся своеобразными, резко отличными от окружающих территорий условиями.

² И. И. Белостоцкий. Очерки по истории рельефа Тувы. В кн.: Материалы по региональной геологии и геоморфологии складчатых областей Сибири и Средней Азии. Труды ВАГТ, вып. 4. М., 1958, с. 149—187; Б. Н. Лиханов. Межгорные котловины Тувы. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. VI, Кызыл, 1958, с. 178—197; М. Г. Грасвальд. Развитие рельефа Саяно-Тувинского нагорья (оледенение, вулканализм, неотектоника). М., 1965;

вы, носили преимущественно геолого-геоморфологический характер³.

В 1970—1973 гг. Институтом мерзлотоведения СО АН СССР в пределах Алтае-Саянской горной страны были осуществлены региональные геокриологические исследования, результаты которых позволили выявить особенности распространения сезонно- и многолетнемерзлых пород, соответствующие закономерностям высотной поясности. Установлено, что с высотой сезонномерзлые породы сменяются многолетнемерзлыми, имеющими сначала островной, а затем прерывистый и сплошной характер распространения. Сезонное промерзание грунтов присуще большей части региона и, в зависимости от их литологии, изменяется в глинах от 0,5 до 2,4 м, в супесях — от 1,8 до 4 м, в галечниках — от 2,2 до 6 м.

Условия тепло- и влагообмена горных пород с внешней средой, вызывающие их промерзание, в значительной мере определяются высотными и орографическими особенностями рельефа. Так, наиболее редкие острова многолетнемерзлых пород отмечаются на хорошо увлажненных участках днищ межгорных депрессий и в привершинных частях склонов северной экспозиции. С высотой характер распространения многолетнемерзлых пород становится прерывистым; они целиком занимают склоны северной экспозиции, днища и борта депрессий. Отдельные острова мерзлых пород при достаточном увлажнении соединяются между собой и образуют массивы площадью несколько квадратных километров. Мерзлые породы, имеющие сплошной характер распространения, фиксируются в высокогорье уже и на склонах южной экспозиции.

В качестве примера рассмотрим особенности мерзлотной обстановки в пределах Тувинской АССР. Весьма суровые природные условия определяют формирование островов мерзлых пород во всех горных сооружениях республики, а также в хорошо увлажненных Тоджинской, Турено-Үюкской, Тере-Хольской и некоторых других котловинах. В сухостепенных котловинах Тулы фиксируются лишь редкие острова мерзлых пород (в приуставьих заболоченных частях долин рек Чая-Холь, Аянгаты и др.).

Многолетнемерзлые породы, имеющие прерывистый ха-

³ И. С. Гудилин, Н. И. Михайлова. Таежный «остров» в сухой степи южной Тулы.—Вестник Московского университета, серия геогр., 1969, № 3, с. 84—87; Б. П. Любимов, Ю. В. Мудров. Крупномасштабные карты мерзлотного рельефа.—«Проблемы криолитологии», вып. I, М., 1969, с. 114—127; Ю. В. Мудров, Н. В. Тумель. Мерзлотный рельеф нагорья Сангилен (Юго-Восточная Тува).—«Проблемы криолитологии», вып. I, М., 1969, с. 128—134; Г. С. Самойлова, Л. Н. Шербакова. Об островах мерзлоты в юго-восточных районах Тувинской АССР.—Вестник Московского университета, серия геогр., 1971, № 4, с. 93—94.

рактер распространения, формируются лишь выше 1800—2000 м и отмечаются на отдельных участках хребтов Западного и Восточного Танну-Ола, академика Обручева и более широко — в горах юго-западной Тувы, на горье Сангилей, Западном и Восточном Саянах. Сплошные же многолетнемерзлые породы развиты в наиболее приподнятых юго-западной и юго-восточной частях республики, а также на отдельных участках хребтов Западного и Восточного Саяна, академика Обручева, где абсолютная высота превышает 2200—2400 м.

Мощность многолетнемерзлых пород, имеющих островной, прерывистый и сплошной характер распространения, изменяется соответственно от 6—7 до 70 м, от 50 до 150 м и от 150 до 300 и более м в высокогорье хребта Ергак-Таргак-Тайга.

Температура многолетнемерзлых пород на подошве слоя годовых колебаний (на глубине 13—20 м) в пределах их островов составляет $-0,7$ — $1,0^{\circ}$, на участках прерывистого распространения $-1,0$ — $3,1^{\circ}$ и в районах их сплошного распространения $-4,0$ — $5,0^{\circ}$.

Разнообразные криогенные явления и образования на территории Тувы формируются в условиях как многолетнего, так и сезонного промерзания горных пород под действием процессов морозобойного трещинообразования, пучения, наледеобразования, термокарста, морозной сорттировки и солифлюкции. Наиболее примечательны реликтовые жильные льды в обнажении «Мерзлый Яр» (левая надпойменная терраса р. Бий-Хем), грунтовые жилы вблизи пос. Саглы, многолетние бугры пучения в межгорной впадине хребта Восточный Танну-Ола и т. д.

В силу значительной протяженности территории Тувинской АССР с запада на восток и усиления континентальности климата в том же направлении многолетнемерзлые породы в восточной части республики распространены гораздо шире, чем в западной.

Столь широкое развитие мерзлых пород при хозяйственном освоении неизбежно сопровождается нарушениями сложившегося характера их теплообмена с внешней средой. Это приводит к усилению мерзлотных процессов, возникающих при замерзании воды и оттаивании льда в грунтах как в области распространения многолетнемерзлых пород, так и в районах глубокого сезонного промерзания грунтов.

В целом все мерзлотные процессы можно разделить на две группы:

а) происходящие при замерзании и приводящие к пучению грунтов, разрушению ограждений конструкций зданий, наледеобразованию.

б) происходящие при оттаивании льда и вызывающие осадку грунтов, снижение их несущих способностей и т. д.

Нужно упомянуть о том, что отдельные геологические, строительные и некоторые другие производственные организации допускают недооценку отрицательного влияния много-летнемерзлых пород. Так, еще не изжито ошибочное представление о якобы только редкоостровном характере распространения мерзлых пород на юге Сибири. Однако многочисленные факты подтверждают, что и в Южной Сибири мерзлотные процессы вызывают различные деформации зданий и других сооружений, чем народному хозяйству наносится серьезный ущерб. Это диктует необходимость полнее учитывать опыт хозяйственного освоения северных районов нашей страны.

Учитывая сказанное, остановимся на последствиях нарушений мерзлотных условий в процессе хозяйственного освоения рассматриваемой территории. Влияние хозяйственной деятельности человека на естественные геокриологические условия чрезвычайно разнообразно и тем значительнее, чем выше степень освоения территории.

В горных районах часто неблагоприятное влияние мерзлых пород испытывают горняки и геологи. Незнание мерзлотных условий может привести к авариям как в процессе горных работ, так и после их окончания. Особую опасность при проходке штолен и шахт представляет пересечение участков тектонических нарушений. При вскрытии подобных участков возможно поступление грунтовых вод в горные выработки. Довольно частым препятствием при креплении мерзлых пород в подземных выработках является оплывание. В процессе неизбежной оттайки при эксплуатации горные породы теряют прочность, что приводит к серьезным осложнениям. Наиболее опасны в этом отношении блоки дробленых коренных пород.

Поиски и разведка, эксплуатация водозаборных сооружений в условиях низких температур воздуха и горных пород требуют разработки и проведения специальных мероприятий, что поможет не только избавиться от нежелательных явлений, но и значительно облегчит и удешевит горные работы. Так, при поисках на воду большую помощь может оказать знание закономерностей размещения наледей и многолетних гидролакколитов, указывающих на выходы подземных вод.

В целом все горные выработки: скважины, бурившиеся с промывкой, шахты, штолни, карьеры, котловины — обычно приводят к формированию зон протаивания различного размера. Особо следует отметить роль глубоких скважин, вскрывающих тектонические трещины и перераспределяющих на-

порные грунтовые воды, что может привести к оттаиванию значительных массивов многолетнемерзлых пород⁴.

На обводненность горных пород существенное воздействие оказывают водохранилища, а разработка соляных месторождений — на химический состав грунтовых вод. В обоих случаях происходит частичное или полное протаивание мерзлых толщ горных пород.

В связи с предстоящим образованием водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС, часть которого расположена в области распространения многолетнемерзлых пород (устье рек Чааты, Шагонар, Чая-Холь), возникает необходимость изучения особенностей переработки берегов в конкретных почвенно-климатических условиях Тувы. Исследования на водохранилище Вилюйской ГЭС в Якутии выявили резкое усиление процессов термокарста, термоабразии и морозобойного трещинообразования, приводящих к быстрому разрушению берегов. Вероятность подобного явления необходимо учитывать и для Саяно-Шушенской ГЭС, на отдельных участках зоны затопления которой имеются многолетнемерзлые породы.

Серьезные трудности порождают деформации, возникающие под действием мерзлотных процессов при возведении зданий различного назначения. Они могут быть частичными (в виде небольших трещин) или весьма значительными. Во втором случае необходимы серьезные восстановительные работы, иначе нарастающие деформации могут привести к разрушению объекта.

Предварительные мерзлотные исследования позволяют установить, какой из следующих методов строительства на мерзлых грунтах, обеспечивающих сохранность сооружений, является наиболее оптимальным в тех или иных конкретных условиях.

Метод сохранения мерзлого состояния грунтов применяется при строительстве на мощных низкотемпературных многолетнемерзлых породах и обеспечивает наилучшую сохранность сооружений.

Метод приспособления конструкции сооружения к неравномерным осадкам в процессе протаивания мерзлых грунтов используется при невозможности сохранения грунтов в мерзлом состоянии. Применяется в тех случаях, когда многолетнемерзлые породы имеют температуру, близкую к 0°, а ожидаемые осадки грунтов невелики.

⁴ Н. А. Вельмина. Роль хозяйственной деятельности человека в изменении мерзлотно-гидрогеологических условий. В кн.: Тезисы докладов Всесоюзного совещания по мерзлотоведению, 1970 г. М., 1970, с. 117—119.

Метод предпостроичного протаивания мерзлых грунтов применяется при их островном распространении и значительной льдистости. Наиболее рационален для оснований, сложенных малольдистыми грунтами галечного и песчаного состава.

Основная задача изучения особенностей строительства на мерзлых грунтах сводится не к разработке методов ликвидации деформаций, а к выявлению способов строительства и эксплуатации зданий, исключающих возможность возникновения самих деформаций⁵.

При прокладке водопроводов, отопительных систем и т. п. подземным способом большое значение приобретает знание температурного режима и особенностей промерзания — протаивания грунтов, позволяющее выбрать наиболее благоприятные глубины их заложения, сечение труб и подходящий изоляционный материал.

Достаточно часто с нежелательным влиянием мерзлых пород приходится сталкиваться при строительстве и эксплуатации дорог. Так, наиболее распространенными препятствиями нормальной эксплуатации шоссейных дорог в горных районах являются пучение и наледеобразование. Самый действенный способ предохранения от пучения — возвведение дорожного полотна из песчаных, щебеночных и гравийно-щебеночных грунтов, наименее подверженных этому процессу. Очевидно, изучение глубин сезонного промерзания — протаивания и криогенного строения горных пород, а также распространения криогенных явлений и образований (трещинных, пучинистых, солифлюкционных) может оказать значительную помощь при проектировании и эксплуатации дорог.

Рассмотрим также вопрос о наледях, роль которых при хозяйственном освоении двояка. Они служат источниками питания рек и подземных вод в засушливых районах, способствуют естественному увлажнению сухих степей не только летом, но и осенью. Наглядным примером служит район села Ак-Тал в Чуйской степи, где талые воды огромной наледи, пытающие грунты в течение большей части засушливого лета, обусловливают формирование своеобразного оазиса луговой растительности. То же самое происходит вблизи пос. Хандагайты и во многих межгорных котловинах Алтае-Саянской горной страны. В долине р. Терлиг-Хая (Тыва) засыпанные слоем грунта участки наледи круглогодично служат в качестве автодороги.

⁵ Конкретные рекомендации по строительству на мерзлых породах изложены в работе «Строительные нормы и правила...», ч. II, раздел Б, гл. 6. Основания и фундаменты зданий и сооружений на вечномерзлых грунтах. М., 1967.

Отрицательная роль наледей весьма значительна. Нарушение поверхностных условий в процессе строительства дорог часто приводит к образованию на них наледей. Это затрудняет движение транспорта, а в отдельных случаях и парализует его. Выходя на поверхность непосредственно под строениями, наледи могут привести к их деформациям или даже разрушению.

Известен ряд способов борьбы с наледями⁶. Однако большинство из них недостаточно опробованы и должны использоваться только с учетом конкретных местных условий. Эти способы подразделяются на предупредительные (активные), направленные на ликвидацию или ослабление причин, приводящих к формированию наледей, и защитные (пассивные), преследующие цель отгораживания, ухода от наледей, не ликвидируя и не ослабляя процесса их развития.

Хозяйственное освоение территории, как правило, сопровождается нарушением растительности, почвенного и мохового покрова. Исследования подобных нарушений, проведенные Д. Хегниботтом в Канаде, установили, что при небольшом нарушении поверхностных условий существенного влияния на мерзлотную обстановку не оказывается (незначительно возрастает мощность слоя сезонного протаивания и интенсивность склоновых процессов)⁷. В случае же полного удаления растительного, почвенного или мохового покрова мощность слоя сезонного протаивания, интенсивность процессов проседания и солифлюкции резко увеличиваются.

В зависимости от местных условий возможно и значительное увеличение мощности слоя сезонного промерзания грунтов. Об этом, в частности, свидетельствуют данные С. С. Вечерского: при снятии торфяного горизонта мощностью 18—25 см (с сохранением снежного покрова) глубина промерзания увеличивается на 30—50%, а при удалении торфяного горизонта в 50 см и очистке от снега — на 100% в первый год, а во второй — на глубину 2,4—3,2 м с последующим образованием перелетка⁸.

⁶ А. М. Чекотилло, А. А. Цвид, В. Н. Макаров. Наледи на территории ССР и борьба с ними. Благовещенск, 1960; А. М. Чекотилло, А. А. Цвид. Инструктивные указания по борьбе с наледями. Владивосток, 1961.

⁷ Heginbothom John Alan. Some Effects of Surface Disturbance on the Permafrost Active Layer at Inuvik, N. W. T., Canada. «Permafrost, 2nd Int. Conf., Yakutsk, 1973», Washington, D. C. 1973, 649—657.

⁸ С. С. Вечерский. Тенденция развития глубины промерзания грунтов на естественных и отсыпанных от снега площадках в зоне островной мерзлоты. В кн.: Теория и методы прогноза изменений географической среды (Тезисы V совещания географов Сибири и Дальнего Востока), вып. I, ч. 1, Иркутск, 1973, с. 166—167.

Из всего сказанного очевидно, что хозяйственному освоению всех районов Алтае-Саянской горной страны должно предшествовать изучение их мерзлотных условий, позволяющее получить конкретный прогноз изменений мерзлотной обстановки, в основе которого «лежит анализ изменений составляющих уравнения теплового баланса подстилающей поверхности, происходящих как при естественном ходе природных процессов, так и при освоении территории»⁹.

Геокриологический прогноз поможет полнее использовать положительные свойства мерзлых пород, избежать или уменьшить их отрицательное влияние и является важным условием дальнейшего успешного освоения территории Алтае-Саянской горной страны.

⁹ И. А. Некрасов. Основы геокриологического прогноза. В кн.: Теория и методы прогноза изменений географической среды (Тезисы V совещания географов Сибири и Дальнего Востока), вып. I, ч. 1, Иркутск, 1973, с. 163—164.

А. К. Қалзан

ТУВИНСКАЯ ПРОЗА НАЧАЛА 70-Х ГОДОВ

В современной тувинской литературе продолжается процесс активизации прозы, который начался в середине 60-х годов, когда впервые за сравнительно короткий срок появилась целая серия романов и повестей («Новая Тува» С. Тока, «Повесть об Ангыр-ооле» С. Сарыг-оола, «Стремнина великой реки» М. Кенин-Лопсаны, «Удаль молодецкая» А. Даржаа, «Тихий уголок» К. Кудажи, «Это любовь» С. Сюрюп-оола и др.).

Ведущую тенденцию развития сегодняшней тувинской прозы можно определить как дальнейшее углубление ее связей с современностью.

Внимание читательской общественности республики привлекли последние масштабные произведения ушедших от нас писателей — С. К. Тока и О. К. Саган-оола — романы «Хайыраканцы» (1971) и «Родные люди» (1970).

«Хайыраканцы» С. К. Тока — это документальный роман. Если свои предыдущие повести («Чего отец не видел — увидит сын», «Герой труда», «Сын народа») писатель создавал как художественные биографии отдельных героев, то роман «Хайыраканцы» посвящен отображению трудовых дел целого коллектива людей. Вместе с тем в нем имеются и образы переднего плана, прежде всего председатель колхоза Бичен-оол.

Когда по рекомендации райкома партии члены сельхозартели «Хайыракан» избрали бывшего фронтовика, коммуниста Бичен-оола своим новым вожаком, их хозяйство по вине прежних руководителей находилось на грани раз渲ла. Благодаря умелой воспитательной и организаторской работе нового председателя и других коммунистов, возросшей тру-

довой активности колхозников хозяйство за короткий срок стало передовым в районе.

В «Хайыраканцах» С. К. Тока еще раз показал свое мастерство в раскрытии возвышенного смысла обыкновенных, будничных трудовых дел советских людей. Писатель прослеживает, как коммунисты личным примером зажигают в коллективе, где недавно царила атмосфера неуверенности и равнодушия, огонь массового творческого энтузиазма.

Роман С. К. Тока имеет принципиальное значение для будущности тувинской документальной прозы. В художественном плане он выгодно отличается от ранних документальных повестей писателя, хотя местами все же не свободен от излишнего публицистизма и газетной очерковости.

В начале 70-х годов появились первые тувинские романы о рабочем классе. Это вполне закономерно. Рабочий класс в Советской Туве выступает ведущей социально-политической силой. В рабочей среде формируются новые черты национального характера тувинца. Художественное осмысление этого явления, как неоднократно подчеркивалось в документах областной партийной организации и на писательских собраниях, есть важнейшая задача литераторов Тулы. Нельзя сказать, что рабочая тематика раньше не привлекала внимания писателей республики. Однако тувинская проза объективно смогла воспроизвести образ современного рабочего в масштабных формах только в наше время.

Рабочая тематика сложна, специфична и многослойна. Поэтому в этой области пока идет более или менее успешная разведка «боем». Первым тувинским романом о рабочих является «Родные люди» О. К. Саган-оола. Писатель в нем задался несколько ограниченной целью художественно исследовать мир личных отношений молодого тувинского рабочего, его психологию в области быта. Думается, что вполне правомерен и такой ракурс при изображении рабочего характера. Конечно, если бы писатель при решении поставленной задачи чаще показывал своего героя и в сфере производства, то его облик вырисовался бы гораздо ярче и целостнее. Но нужно признать, что в рамках своего творческого замысла О. К. Саган-оол добился положительных результатов. Роман «Родные люди» с интересом воспринят читателями и сейчас издан в Москве в переводе на русский язык.

Заметим, что этот роман, как один из первых опытов масштабного художественного решения трудной, еще мало знакомой нашим писателям темы, не свободен и от некоторых художественных недостатков. В частности, диалоги в романе нередко надуманны, схематизированы, психологически неоправданы и не передают оттенков мыслей и чувств героев.

Одновременно с «Родными людьми» увидел свет и роман А. Даржая «Сын железа» (1970). Главным героем этого произведения выступает также молодой рабочий. В романе повествуется о профессиональном и гражданском росте рабочего парня Аяса Эрелчина в современном заводском коллективе, о его отношениях с товарищами по работе, родителями — представителями первого поколения тувинского рабочего класса и любимой девушкой, о его конфликте с начальником цеха Алексеем Бады.

Идейно-художественная ценность «Сына железа» состоит в том, что в нем поэтизируется рабочая профессия, утверждаются нравственные нормы: принципиальность, честность и достоинство рабочего человека, его высокое общественное призвание. Даржая значительное внимание уделяет воспроизведению родословия героя, что дает возможность читателю видеть рождение рабочего класса в древнем, кочевом тувинском крае на историческом фоне.

В романе Даржая отразились типичные явления современной тувинской действительности. И там, где писателю удалось проникнуть во внутренний мир героев и, преодолев схематизм, достигнуть художественной правды, его роман обогащает эстетические познания читателей о современности.

Вместе с тем в «Сыне железа» проявились характерные слабости творчества А. Даржая как прозаика. В ограниченных рамках статьи хочется остановиться лишь на художественном решении конфликтной основы произведения — вопросе, который ныне остро поставлен практикой тувинской прозы.

Даржая намеревался показать типичное жизненное явление — конфликт между зазнавшимся и переставшим чувствовать пульс жизни руководителем и здоровыми силами общества. Начальник моторного цеха завода Алексей Бады является человеком с солидным рабочим стажем. Он хорошо знает технологию производства, но привык властвовать над подчиненными, не терпит проявления в них самостоятельности. Против него смело восстал молодой рабочий Аяс Эрелчин. Конфликт завершается поражением Бады.

Все это в общих чертах верно и взято из действительности. Однако в художественном освоении этой острой жизненной проблемы автора постигла неудача. Сюжетная линия романа, отражающая противоборство Эрелчина и Бады, осталась лишь схематично намеченной и не нашла должной художественной разработки.

Изображая характеры в конфликтных ситуациях, Даржая исходит не из жизни, а из умозрительной схемы, передает

лишь общие контуры явления и не заботится о воспроизведении его в реальных, жизненных обстоятельствах.

Недостаточная разработка конфликта характерна и для недавно изданного романа А. Даржая «Великий перевал» (1974). Но при оценке этого произведения нужно подчеркнуть, что здесь Даржая как романист сделал заметный шаг вперед. По сравнению с предыдущими своими романами («Удаль молодецкая», «Сын железа») в новом романе он достиг значительного художественного прогресса и в основном отошел от схематизма в изображении характеров. Возросло мастерство писателя в творческом использовании образно-изобразительных ресурсов народного языка, в раскрытии духовного мира героев.

Проблема художественного конфликта становится камнем преткновения не только А. Даржая, но и других тувинских прозаиков. С этим фактом сталкиваемся, в частности, в повести молодого автора М. Кожелдея «Эремаа» (1974). Созданное не без влияния известной повести Ч. Айтматова «Тополек мой в красной косынке», это произведение встречено читателями с большим интересом и заслужило положительные отклики в печати. Сюжет повести воспроизводит историю любви девушки — доярки Эремаа и молодого, сельского шофера Дадар-оола. В ней нашло отражение немало реальных примет нынешней тувинской деревни.

Начинающий писатель, несомненно, обладает даром художнического видения, способностью постичь сложные движения внутреннего мира современников. Психологически верно и в задушевном лирическом ключе рассказывает он о рождении первой светлой любви у парня и девушки, что привело их к соединению своих судеб. Однако в дальнейшем чувство художественной правды начинает изменять молодому автору. В его изображении Дадар-оол и Эремаа не выдерживают первого же испытания действительности. Достаточно было незначительного по сути дела повода, чтобы они круто изменили свое отношение друг к другу и быстро разошлись. Такой неожиданный поворот событий в повести не мотивирован автором и не может не вызывать справедливые сомнения у читателя.

Как известно, творческая задача писателя состоит в том, чтобы убедить читателя в возможности данного, пусть даже исключительного и казалось бы невероятного явления, т. е. переплавить жизненную правду в правду художественную. Этого-то недостает повести «Эремаа», где образное решение конфликта не подкреплено внутренним, психологическим обоснованием поступков героев.

По поводу затронутого нами вопроса можно коснуться также повести «Первый год» (1973) Б. Л. Ондара — рано ушедшего от нас, талантливого прозаика, который обратился к «целинной» для тувинской прозы теме о школе. Б. Л. Ондар с хорошим знанием повседневных трудов и забот учителей, их духовного мира разработал избранную тему, создал запоминающийся образ молодой сельской учительницы.

Повесть «Первый год» в целом справедливо отмечена в печати и на читательских конференциях как творческая удача автора и как заметное явление в современной тувинской прозе¹. Однако при критической оценке данного произведения в печати осталась как-то незамеченной его слабость в решении важной сюжетной линии, отражающей реальную проблему «трудного» ученика.

Конечно, заслуга Б. Л. Ондара в том, что он в своем произведении обратил внимание тувинской читательской общественности на актуальное жизненное явление и по-своему изобразил его. Но в художественном освещении данного явления реалистические достоинства повести заметно ослабли. Хорошо известно, что перевоспитание «трудных учеников» на практике сопряжено, как правило, с большими сложностями и долгими усилиями педагогического коллектива. Этот типичный конфликт из школьной жизни в повести «Первый год» разрешен несколько облегченно, что должно быть учтено теми, кто будет обращаться в своей творческой практике к теме о школе.

Процесс освоения тувинскими прозаиками жанровых форм романа и повести весьма противоречив. С одной стороны, растет мастерство писателей в области большой прозы, что дает им возможность достичь в целом удачных творческих результатов. С другой же стороны, их творческий опыт еще недостаточно велик, чтобы можно было успешно решать все аспекты разрабатываемых ими тем на достаточно реалистическом, художественном уровне. На практике передко происходит так, что писателям не удается превратить явления жизни в явления искусства, где нужно не только описывать факты действительности, но и художнически осмыслить их.

Внутренние противоречия сегодняшней тувинской прозы можно проследить на примере творческой практики К. Кудажи, который в последние годы выступил с двумя большими романами — «Далекие облака» и «Улуг-Хем не дремлет».

В «Далеких облаках» (1971) Кудажи создает образы людей колхозного села, рассказывает о труде, дружбе и любви молодежи. Роман наполнен чистой, освежающей душу молодого читателя нравственной атмосферой. «Далекие облака»,

¹ «Шын», 3 января 1974 г.

как и другие прозаические произведения писателя, свидетельствуют о том, что он хорошо владеет художественно-изобразительными средствами родного языка, искусством сюжето-сложения и умеет захватить читателя своим повествованием.

К сожалению, мастерство писателя оказалось недостаточным в раскрытии главной темы романа о любви и дружбе. Эта тема требовала от автора тонкой художественной проработки в психологическом плане. Нужно было убедительно мотивировать, почему героиня романа Анай-кыс, которая любила Эреса, постоянно думала о нем и переписывалась с ним, так быстро и круто отвернулась от солдата незадолго до его возвращения из армии.

Может быть, она неожиданно для себя открыла настоящую любовь, которая оказалась выше ее чувств к Эресу? Если так, то как Анай-кыс не могла раньше осознать свою любовь к Лапчору, ведь они дружили с детства, учились в одной школе, жили в одном аале и поселке. Автор не дал ответов на эти естественные вопросы, и очень важный для идейного содержания романа сюжетный ход остался художественно не реализованным.

Дальнейшее развитие отношений Лапчора и Анай-кыс с Эресом показано писателем скорее в романтическом, нежели в реалистическом духе. В данном случае он больше исходит не от правды жизни, а от своего идеала. Неправдоподобно, что Эрес безболезненно отнесся к неожиданному повороту в своей судьбе. «У меня нет обиды на тебя», — говорит он Лапчору и остается верным своим словам. Писатель хотел сказать, что дружба молодых людей осталась непоколебленной. Но в сложившихся обстоятельствах эта дружба могла сохраниться, лишь пройдя через нелегкие нравственно-психологические испытания. Покажи их автор, его произведение произвело бы с большей реалистичностью.

Сильные и слабые стороны Кудажи-прозаика отчетливо проявились и в его новом романе «Улуг-Хем не дремлет» (1973, 1974). Этот роман является наиболее крупным событием в современной тувинской прозе, и поэтому нужно несколько подробнее остановиться на нем.

Кудажи поставил перед собой сложную творческую задачу — дать широкую картину жизни и быта разных социальных групп Тувы первых двух десятилетий нашего века, показать освободительную революционную борьбу трудящихся края против угнетателей.

Насколько удачно справился писатель с подобной задачей?

На такой вопрос невозможно ответить однозначно, ибо роман (особенно после выхода второй части) производит на нас

противоречивые впечатления: с одной стороны, это крупное полотно, несомненно, заслуживает положительную оценку правдивостью отражения многих типичных общественных явлений и характеров, образной выразительностью и народностью языка, продуманностью композиции, драматизмом сюжетных линий, но в то же время это произведение оставляет чувство неудовлетворенности беглостью в обрисовке отдельных героев, информационностью и незавершенностью некоторых сюжетных линий.

В романе «Улуг-Хем не дремлет» создана целая галерея типичных образов людей прежней Тувы — аратов, русских крестьян и красных партизан, а также баев, феодалов, лам и иноземных купцов. Многоплановым повествованием охватываются не только вымышленные герои, но и исторические личности (нойон Буян-Бадыргы, главари двух чаданских монастырей Чамзы-Хамбы и Дактан-Хамбы, царские чиновники Григорьев, Турчанинов, партизанские командиры Щетинкин и Кравченко).

Для панорамного изображения исторической действительности Кудажи нашел удачную композицию. В центр крупного полотна поставлена семья многодетного арата Сулдема, вокруг которой стягиваются основные сюжетные линии романа. Изображая по-разному сложившиеся судьбы членов этой семьи, писатель протягивает нити повествования к разным национальным и социальным слоям общества, к разным географическим районам и историческим событиям, в которых находят концентрированное выражение основные социальные противоречия времени.

Главное в романе «Улуг-Хем не дремлет» — это художественное исследование классовых противоречий дореволюционной действительности, показ борьбы аратских масс за национальное и социальное освобождение. Во второй части романа нашли отражение события Народной революции в Туве, развернувшейся под влиянием Великого Октября. В образе Буяна — младшего сына Сулдема прослеживается рост простого арата от стихийного бунтаря до сознательного борца за дело народа, что происходит благодаря его дружбе с русскими красными партизанами.

Правдивое раскрытие хищнической сущности эксплуататоров вне зависимости от их национальности является большим идеально-художественным достоинством романа «Улуг-Хем не дремлет».

Вместе с тем писатель с чувством глубокой симпатии к простым людям показывает их дружбу и взаимоподдержку в борьбе за существование, в борьбе против социальной несправедливости. В этом смысле весьма характерна сю-

жетная линия, отражающая отношения Сулдема и Хурбе, дети которых, Буян и Анай-Кара, вопреки всяким байским козням и испытаниям судьбы, остаются верными в любви.

Роман «Улуг-Хем не дремлет», как было уже сказано, наряду с очевидными идеально-художественными достоинствами, имеет и слабые стороны.

Прежде всего, он, подобно роману «Далекие облака», страдает многословием. Автор местами растягивает повествование, вводит в него лишние, развернутые эпизоды и главы. Такова, например, глава об отправлении Саванды — чудаковатого сына Сулдема на охоту, которая написана с подробностями и как-то выпадает из цельной композиции произведения. В то же время некоторые сюжетные линии не нашли достаточной художественной разработки. В частности, тяжелая, подневольная жизнь девушки Сузунмы у китайских купцов заслуживала более развернутого показа.

В романе значительное место отведено изображению скотокрадства, которое иногда выступало как одна из форм стихийного сопротивления тувинских аратов против гнета местных феодалов и китайского ростовщического капитала. Однако автор вместо объективного художественного раскрытия данного явления романтизирует групповое конокрадство — эту отсталую форму выражения аратами своего классового недовольства.

Вторая часть романа по своим художественным качествам значительно уступает его первой части.

Кудажи здесь сочетает общие сведения об основных социально-политических событиях времени с конкретной художественной разработкой ведущих образов и сюжетных линий. Но, используя подобный композиционный прием, он начинает терять чувство меры, перегружает роман беглым изложением почти всех основных исторических явлений революционных лет, и его произведение уподобляется научно-популярной книге на историческую тему. При этом все меньше уделяется внимания раскрытию внутреннего мира героев, автор свою задачу сводит главным образом к усилиению событийного начала в романе.

Все это привело к тому, что во второй части романа писателю не удалось глубоко раскрыть через положительные образы внутренние, побудительные причины народной революции. Даже образ Буяна, призванный по авторскому замыслу символизировать закономерность вступления рядового арата на путь революционной борьбы, потерял первоначальную свежесть и непосредственность и стал схематичным, иллюстративным.

Отмеченные и другие недостатки романа «Улуг-Хем» не

дремлет» обусловлены прежде всего сложностью творческого замысла автора, требующего для своего воплощения развернутой композиционной системы, лепки многих образов в динамике и взаимных связях, хорошего знания быта, характеров, обычаяев, нравов людей изображаемой эпохи. (Там, где писателю удалось решить эти проблемы, роман написан с большой реалистической силой). Но неудачи в романе вызваны также стремлением со стороны автора и издательства скорее издать недозревшее во многих отношениях произведение. Чувствуется, что огромный исторический материал во всем своем объеме еще не был «переварен» писателем, не были закончены поиски соответствующей жизненному содержанию романа формы.

Тувинские писатели проявляют неослабевающий интерес к историческому прошлому народа. В последние годы появился ряд новых произведений прозы о предреволюционной и послереволюционной действительности Тувы. Среди них роман М. Кенин-Лопсана «Гордость женщины» (1971, в переводе на русский язык найдено более удачное название — «Судьба женщины»), идеально-тематически родственный роману алтайского писателя Л. Кокышева «Арина». Роман посвящен разработке темы о духовном выпрямлении задавленной прежде бременем социального гнета тувинской женщины. Тема эта не нова для тувинской литературы, но Кенин-Лопсан первым из тувинских писателей разработал ее средствами большой прозы.

Образ героини романа Кулчи близок читателям тем, что в ее характере они увидели созвучные их идеалам черты — увлеченность работой и сознание ее значимости для общества.

Критик М. Хадаханэ в газете «Тувинская правда» дала высокую оценку «Судьбе женщины» и высказала мысль о том, что в этом произведении удачно освоена жанровая форма романа¹. На наш взгляд, именно недостаточное использование романной формы является художественной слабостью «Судьбы женщины».

В композиционном плане роман до конца не продуман автором: некоторые сюжетные линии и образы разработаны пунктиром, появляются и исчезают неожиданно. Так происходит, например, с образами китайца-купца, русского революционера и его тувинского друга. Читателю хочется видеть этих героев в новых ситуациях, в новых проявлениях их характеров, но они быстро покидают страницы романа. Бледен также образ девушки Аней-Хаак. Земляки радостно прово-

¹ «Тувинская правда», 12 декабря 1973 г.

жают ее на учебу в Кызыл. После этого о ней нет никаких вестей, и неожиданно она появляется как представитель народного правительства.

В «Судьбе женщины», как и в первом романе Кенин-Лопсана «Стремнина великой реки», обнаруживается нехватка мастерства писателя в использовании романной композиции. Одна или две сюжетные линии, связанные с главными героями, вырисовываются четко, а другие намечены лишь схематично. Это не позволяет читателю вынести из указанных произведений цельные художественные представления об объектах изображения.

В начале 70-х годов наблюдается подъем также тувинского рассказа. На страницах республиканских газет и альманаха «Улуг-Хем» чаще печатаются новые рассказы местных авторов. Вышел ряд новых сборников рассказов. Все это свидетельствует о возросшем интересе тувинских писателей к малой прозе. Сегодня тувинский рассказ обогатился новыми сюжетами, образами, идеями, раздвинул свои тематические границы и углубил художественные познания читателей о современности и прошлом.

Обращает на себя внимание, в частности, лирический рассказ Б. Ондара «Девичья тайна»³. Б. Ондар справедливо был признан у нас как рассказчик со своеобразной творческой манерой. Его рассказам свойственны свежесть сюжетныхвязок и развязок, красочность языка и сжатый объем. Все это обнаруживается и в рассказе «Девичья тайна».

В рассказе писатель сумел передать светлые душевые качества тувинской молодежи. За незамысловатым сюжетом о любви парня и девушки встают овеянные нежным лиризмом образы наших молодых современников. В отдельных деталях рассказа внимательный читатель может обнаружить мелкие шероховатости, но по своему общему настрою «Девичья тайна» является по-настоящему современным произведением. Читатель увидит в нем не только внешние приметы тувинской деревни 70-х годов, но и то новое, что утвердилось в отношениях ее людей.

Проблематичен по идейному содержанию рассказ «Табунщик» К. Чамыяна⁴. Героем этого произведения является рядовой колхозник, который выступает с ценным предложением об организации на ферме производства кумыса и настойчиво добивается практического осуществления своего начинания, поддержанного товарищами по работе. К сожалению,

³ Альм. «Улуг-Хем», № 33, 1973.

⁴ Көк-өол Чамыян. Чанғыс аалдың кишилери. (Люди одной семьи). Рассказы). Кызыл, 1974.

художественная сила рассказа несколько снижается от недоработанности его конфликтной линии. Но этот и другие лучшие рассказы молодого (по творческому стажу) автора позволяют сказать, что у него есть свой взгляд на мир и внутренняя потребность поделиться с людьми своими мыслями и чувствами.

Актуальные по идеино-художественным качествам рассказы созданы и другими авторами. Так, в ряде рассказов С. Тамба и К. Аракчаа поднимается вопрос о бережном отношении к природе.

Сегодня тувинские прозаики прилагают большие усилия к созданию рассказов, адресованных юному читателю. Здесь наибольшую творческую активность проявили М. Эргеп, М. Кенин-Лопсан, Х. Ойдан-оол, выпустившие первые сборники детских рассказов. Эти авторы открыли детям немало интересных и поучительных явлений из современной и прошлой действительности.

Заслуживает хорошего отзыва сборник рассказов М. Эргепа: «Резвый гнедой» (1974). Эргеп много лет работает в школе, знает характеры и склонности детей. Он хорошо чувствует те эстетические идеи современности, которые нужно донести до сознания детей, чтобы воздействовать на формирование их нравственно-эстетических качеств.

Сюжеты Эргеп черпает в основном из жизни детворы. Образ настоящего юного пионера создан в его рассказе «Помощь пионера».

Особый интерес представляет серия героико-патриотических рассказов о тувинском добровольце, сражавшемся с фашистами в годы Великой Отечественной войны. Собственно, они в совокупности являются повестью, так как объединены в одну сюжетную линию. Автор в доступной маленьkim читателям форме повествует о боевом пути молодого тувинского солдата Кудера. Эргеп, несомненно, внимательно изучил фактический материал, что позволило ему правдиво передать даже некоторые детали фронтовой обстановки.

Известно, что рассказ имеет свои специфические жанровые трудности, свои выразительные возможности для реалистического, художественного воспроизведения действительности и утверждения эстетических идей. Он требует от художника большой творческой ответственности и требовательности к себе.

Практика современного тувинского рассказа показывает, что эти старые истины недостаточно освоены нашими прозаиками. Это является одной из причин того, что сейчас «легко» создается, а также легко печатается немало слабых рас-

сказов, а количество хороших рассказов сравнительно невелико.

Новеллисты не всегда вдумчиво относятся к идейному содержанию своих рассказов. Это можно видеть на примере сборников рассказов «Маленький беглец» (1974) С. Тамба, «Небесное зеркало» (1974) М. Кенин-Лопсана, составленных из произведений, неравнозначных по своим идейно-художественным качествам.

Так, сборник С. Тамба, наряду с удачными произведениями («Старатель», «Поездка к оленеводам»), содержит незначительные по содержанию, не имеющие особой художественной ценности рассказы. Среди них — «Маленький беглец», давший название сборнику.

По прочтении этого рассказа о мальчике, который убежал из монастыря, сразу бросается в глаза его незавершенность. Рассказ обрывается именно там, где наступает самая драматическая стадия сюжета. Вместо того, чтобы наполнить свое произведение историко-познавательным, жизненным содержанием, автор ограничивается кратким эпилогом, где герой предстает через много лет в совершенно новом облике.

Чувство неудовлетворенности вызывает также названный выше сборник Кенин-Лопсана. Сборник солиден по объему, в нем более тридцати коротких рассказов, среди которых есть и ценные по своим литературным качествам повеллы «Турбант-сирота», «Тальник с дуплом» и др.

К сожалению, в сборник вошло и немало рассказов, не представляющих идейно-художественной ценности. Непонятно, какими соображениями руководствовались автор и редактор, предлагая детям такие малосодержательные или вовсе непонятные по смыслу рассказы, как «Докладчик» или «Переродившийся богатырь» и др.

Анализируя рассказы последних лет, мы приходим к выводу о том, что их авторы недостаточно владеют художественным мастерством в реализации конкретных творческих замыслов. Характерен рассказ «В отпуске» К. Чамызна. Автор задался целью поведать читателю о рождении светлого чувства любви у молодых, но у него явно не хватило художественных средств для правдивой передачи духовного облика влюбленных. Их отношения в рассказе изображены огрубленно и примитивно. Одним словом, доброе намерение автора не получило соответствующего образного воплощения.

Известно, что в рассказе огромную роль играет художественная деталь. В любой части своей композиции за счет удачного или неудачного использования детали малая проза может во многом выигрывать или проигрывать. Примером этого

может служить рассказ Л. Чадамба «Сквозь бурю»⁵, где показан образ тувинца-фронтовика, испытавшего ужасы фашистского пленя, но выжившего и успешно выполняющего сейчас свой гражданский долг в мирном труде.

Герой рассказа попадает в плен к немцам без сопротивления, по подсказке находившегося с ним рядом труса. Это существенная деталь сюжета, от которой прямо зависит восприятие нами дальнейших событий. Автор хотел показать в лице своего героя нашего передового современника. Однако указанный выше факт, как соринка в глазу, мешает читателю увидеть события в том плане, в каком подает их писатель.

Таковы некоторые наблюдения над современным состоянием тувинской прозы. На фоне недавнего прошлого ее успехи в начале 70-х годов заметны. Сегодня довольно быстро зреют предпосылки для нового подъема прозы и новых идеино-эстетических сдвигов в ней. Прозаики проявляют все большую творческую активность, прилагают усилия к совершенствованию своего искусства в области повествовательных жанров и добиваются хороших результатов. Выдигаются по дающие надежду молодые писатели. Среди них можно отметить, например, Х. Ойдан-оола, который выступил с двумя сборниками рассказов и повестей для детей. Его повести «Красные зори», «Вороной рысак», «Пес Эзир»⁶ принадлежат к лучшим произведениям тувинской детской литературы, появившимся за последние годы.

Все эти факты радуют нас. Но следует подчеркнуть, что в свете высоких требований современности к литературе успехи прозы выглядят весьма скромными. Необходимо всемерно стимулировать развитие тувинской прозы, для чего сейчас особое значение приобретает коллективное обсуждение ее актуальных проблем.

⁵ Л. Чадамба. Ивтажилер. (Оленеводы. Рассказы и очерки). Кызыл, 1972.

⁶ Хөөвөнчийн Ойдан-оол. Кызыл хаяа (Красные зори. Рассказы и повести для детей). Кызыл, 1974.

М. П. Татаринцева

СОВРЕМЕННАЯ ТУВИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ОЦЕНКЕ ОБЩЕСОЮЗНОЙ КРИТИКИ (1965—1974 гг.)

Изучение развития литератур народов СССР, их взаимодействия и взаимообогащения в период социалистического строительства — один из центральных вопросов советского литературоведения. Он был поставлен еще на Первом съезде советских писателей, на его значимость указывалось на XXIV съезде партии, в постановлении ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» (январь 1972 г.).

В последние годы все большее число исследователей обращаются к изучению опыта многонациональной советской литературы. Большим достижением советского литературоведения было создание шеститомной «Истории советской многонациональной литературы», в которой есть разделы, посвященные тувинской литературе¹.

Литературная критика и литературоведение, анализируя главные закономерности многонационального литературного процесса, изучая взаимоотношения между литературой и действительностью, давая идеально-эстетическую оценку произведениям, способствует дальнейшему развитию социалистического искусства, выступает одним из главных орудий идеально-художественного воспитания масс. Это высокое назначение критики было подчеркнуто в постановлении ЦК КПСС «О литературно-художественной критике». «Долг критики,— говорится в нем,— глубоко анализировать явления, тенденции и закономерности современного художественного процесса, всемерно содействовать укреплению ленинских принципов партийности и народности, бороться за высокий идеально-эстетический уровень советского искусства, последовательно вы-

¹ История советской многонациональной литературы, т. 4, М., 1973, с. 575—579, 591—597, 600—602.

ступать против буржуазной идеологии. Литературная критика призвана способствовать расширению идейного кругозора художника и совершенствованию его мастерства»².

Ряд монографий³, появившихся за последние годы, исследует проблемы развития и взаимодействия национальных литературу, в том числе младописьменных, к которым принадлежит тувинская литература. Авторы этих и некоторых других трудов рассматривают ряд закономерностей, присущих молодым литературам, и выделяют наиболее характерные из них:

зарождение этих литератур у ранее отсталых, бесписьменных народов, которые с помощью русского и других народов СССР в условиях советского строя включились в социалистическое строительство и в сжатые исторические сроки достигли большого прогресса в экономике и культуре;

молодые национальные литературы развивались под влиянием двух могучих факторов: опыта высокоразвитых литератур, особенно русской, которая явилась для них школой идейного и художественного мастерства, и традиционного фольклора — богатейшего духовного наследия каждого народа;

большинство младописьменных литератур переживает знаменательный этап в своем развитии: от фольклора, песни, стиха, очерка они шагнули к крупномасштабной прозе — повести, роману;

завершается выравнивание уровня национальных литературу; их произведения становятся культурным достоянием всех народов нашей страны, что, в конечном итоге, приводит к обогащению всей советской литературы в целом.

Ставя своей целью быть в курсе всех процессов, происходящих в братских литературах, общесоюзная критика за прошедшее десятилетие не раз обращалась к произведениям тувинских писателей. Особенностью этих выступлений является то, что в них, как правило, тувинская литература рассматривается на фоне литературного процесса всей многонациональной советской литературы, конкретные произведения анализируются во всесоюзном контексте.

² Постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике». — «Правда», 25 января 1972 г.

³ К. Зелинский. Октябрь и национальные литературы. М., 1967; Г. Лозидзе. Интернациональный пафос советской литературы. М., 1970; Б. Кононовский. Самые молодые литературы. М., 1973; С. Гармаева. Развитие повествовательных жанров в литературах народов Сибири (сочет сравнительно-типологического изучения литератур Бурятии, Алтая, Тувы, Хакасии). Автореф. канд. дисс. М., 1973; Д. Романенко. Рождение романа. М., 1970 и др.

В большинстве своем такие критические анализы отличаются теоретической обоснованностью и убедительностью аргументации, и поэтому они не могут не оказать благоприятного воздействия на национальную литературу и критику, не способствовать их развитию.

Каждый из авторов указанных трудов избирает свой аспект исследования. Работа К. Зелинского «Октябрь и национальные литературы» представляет собой попытку дать характеристику процессов развития всех братских литератур за 50 лет. Книга включает в себя ряд статей как теоретического характера (проблемы развития национальных литератур, влияние их на русскую литературу, значение переводов для развития сравнительно-исторического литературоведения и критики и др.), так и посвященных творчеству отдельных национальных писателей.

Рассматривая влияние М. Горького на национальные литературы нашей страны, К. Зелинский останавливается на «Слове арата» С. Тока. Хотя по своему сюжету, по материалу, по внешним признакам художественной композиции это произведение ничем не напоминает какое-либо произведение М. Горького, однако атмосфера в нем горьковская, считает он. И создается эта атмосфера всем драматическим колоритом повести, которая наполнена картинами жесточайшей, уродливой нищеты, детских страданий, борьбой за существование, возложенной на плечи одной женщины.

Изображение С. Тока Тас-Баштыг — маленькой, лысоголовой, оборванной, но величественной в своих материнских чувствах женщины глубоко перекликается с горьковским отношением в женщине-матери, как к началу добра и жизни на земле. Горьковским, по мнению К. Зелинского, является у С. Тока удивительное чувство веры в человека, оптимизм, несмотря на обилие драматических и даже страшных картин в повести⁴.

К. Зелинский одним из первых обратился к анализу произведения С. Тока⁵. Им была дана оценка этого произведения, определены его основные достоинства, выявлено своеобразие и охарактеризована писательская манера автора. Наблюдения критика, его оценки этого произведения нашли отражение и дальнейшее развитие у других исследователей, обращавшихся к творчеству С. Тока.

В монографии «Интернациональный пафос советской литературы», отличающейся глубиной теоретических обобщений, обширностью привлеченного для исследования материа-

⁴ К. Зелинский. Указ. соч., с. 194—195.

⁵ См. также: К. Зелинский. Слово арата.—«Дружба народов», 1951, № 3; его же. Литература народов СССР. М., 1957, с. 214—215.

ла; Г. Ломидзе рассматривает взаимодействие многонациональной советской литературы с мировой литературой, выявляет новое историческое содержание интернациональных связей литератур народов СССР.

Говоря о тувинской литературе, Г. Ломидзе также обращается к «Слову арата» С. Тока как к характерному для национальных литератур произведению, «изобразившему «портрет» революционного времени и народа», повествующему о том, «из каких исторических глубин родился день сегодняшний». Критик отмечает в «Слове арата» горьковское понимание сущности жизни, ее движения и развития.

Б. Комановский в книге «Самые молодые литературы» стремится изобразить общую панораму литературного движения у народов, ранее бесписьменных. Давая чрезвычайно широкую картину литературного развития малых народов нашей страны, называя множество имен, автор не останавливается на рассмотрении каких-либо отдельных литератур. В книге отсутствуют глубокие, развернутые анализы творчества писателей, так как, по словам автора, он смог лишь «этюдно рассказать об отдельных писательских индивидуальностях». Среди них — С. Тока. Критик очень точно, на наш взгляд, определяет пафос трилогии «Слово арата»: «Агитация художественным словом являлась по сути продолжением политической деятельности Тока... Поведать подрастающему поколению о проклятом прошлом, о том, что пережили ветераны тувинской революции, поведать так, чтобы вызвать в сердцах молодежи волнующий отклик,— вот какую задачу стремился решить в своей книге С. Тока»⁶.

Из других произведений тувинских авторов Б. Комановский отмечает книгу А. Даржаа, «Удаль молодецкая», выделяет основное зерно сюжета повести — столкновение людей, проявляющих подлинно государственный подход к делу, с демагогами-индивидуалистами, отмечает живые характеры (старик Чорбаа, Дандар).

Актуальной, на наш взгляд, является работа бурятского литературоведа С. Гармаевой о развитии повествовательных жанров в литературах Бурятии, Тувы, Алтая, Хакасии. Исследование ведется в двух направлениях: выявляется роль народных традиций в складывании реалистического метода познания и отражения действительности и взаимодействие молодых литератур с развитыми.

Автор отмечает в исследуемых литературах ряд общих черт, связанных с усвоением фольклорно-эпических традиций: возрождение национального идеала в новом качестве, устой-

⁶ Б. Комановский. Указ. соч., с. 130—131.

чивые черты нового героя — стремление к справедливости, постоянному духовному совершенствованию, готовность бороться за торжество светлого в жизни, способность к противоборству.

С. Гармаева подробно останавливается на документально-описательном виде прозы как начальном этапе развития повествовательного жанра в молодых литературах. Отсутствие развитых художественных традиций, психологического анализа восполняется в подобной прозе исторической значимостью изображаемых явлений новой действительности.

Документально-описательный вид прозы исследователь рассматривает на примере трилогии С. Тока. Проза его не только документальна и публицистична, она несет в себе большое историческое содержание. В трилогии есть художественное обобщение действительности, элементы лиризма, психологизма. Это дает возможность говорить о новом качестве документализма трилогии и считать его закономерным этапом становления реализма в литературах Сибири. С. Гармаева прослеживает дальнейшее развитие этих тенденций в романах бурятских писателей. Вопрос об единстве и своеобразии литератур Тувы, Хакасии и Горного Алтая поднимает исследователь из Хакасии К. Ф. Антошин⁷.

Автор подчеркивает внутренние связи между литературами трех тюркоязычных народов Южной Сибири, их общие черты (идейно-тематическое родство, общность художественных средств в отображении жизни и др.), называет примеры влияния художественной культуры этих народов на творчество русских писателей. К сожалению, вопросы своеобразия национальной специфики каждой из названных литератур в статье лишь поставлены, но не раскрыты.

Д. Романенко не впервые обращается к тувинской литературе⁸, причем привлекает к анализу более обширный материал, по сравнению с другими исследователями. У него больше писательских имен, названы (хотя и не все достаточно глубоко проанализированы) их важнейшие произведения. Его последняя книга «Рождение романа» — попытка рассмотреть возникновение и развитие сложных жанров в некоторых литературах народов Российской Федерации. Рождение повести, романа у молодых литератур связано, как правило, с развитием автобиографического жанра. Лучшие произведения этого жанра вырастают в летопись жизни всего народа.

⁷ К. Ф. Антошин. Вместе, в одном строю... (О единстве и своеобразии литератур Тувы, Хакасии и Горного Алтая). — В кн.: Торжество ленинской национальной политики. Абакан, 1973, с. 224—236.

⁸ См. Д. Романенко. У могучих истоков. М., 1963.

Именно такой книгой, по мнению Д. Романенко, является «Слово арата» С. Тока.

Д. Романенко отмечает художественные достоинства трилогии: народную разговорную интонацию повествования, добродушный юмор, живописные колоритные характеры. Народная основа повести, нашедшая свое воплощение в обрисовке характеров и в языке, делает ее привлекательной для чтения.

Критик сравнивает трилогию с другим автобиографическим произведением в тувинской литературе — «Повестью о светлом мальчике» С. Сарыг-оола⁹. Если «Слово арата» овеяно пламенем борьбы и в нем настойчиво звучит гражданский пафос, то произведение Сарыг-оола отличается лиризмом, поэтичностью, душевностью. В образах любознательного, непосредственного светлоголового мальчика, его матери, бабушки воплотился тувинский народ, его сознание, его душа. Отмечается связь этих героев с фольклорными образами. Достоинством произведения критик считает насыщенность народными мифами, афоризмами, из недостатков отмечает увлечение автора этнографизмом, который замедляет действие, некоторый натурализм. Высоко оценены также рассказы С. Сарыг-оола «Огненные телеги» и «Песни старой пастушки» за поэтичность, острую наблюдательность.

Отмечая становление в тувинской литературе темы рабочего класса, Д. Романенко останавливается на трех произведениях: повести «Подгрок» и рассказах «Тот же Маска-жик» С. Сарыг-оола и «Парень из сумона» О. Саган-оола. Писатели стремятся отразить процесс приобщения к рабочему классу бывшего кочевника, показать формирование новых качеств у своих героев, пробуждение в них чувства хозяина всей земли, преодоление собственнической психологии («Парень из сумона»). Однако, считает критик, не все удается писателям в освоении этой темы: не всегда художественно обосновано поведение главных героев, слабо мотивированы их поступки, нечетко выявлены характеры второстепенных персонажей.

Д. Романенко называет проблемы, стоящие перед тувинской литературой: расширение тематики произведений, повышение писательского мастерства. В произведениях мало обобщений, эпизоды господствуют над характерами, писатели еще робко заглядывают в души людей¹⁰.

В. Чукреев¹¹ в книге, жанр которой он определяет как

⁹ Д. Романенко. Рождение романа. М., 1970, с. 94—97.

¹⁰ Там же, с. 108—109.

¹¹ В. Чукреев. Разговор с другом. М., 1970, с. 27—37.

разговор с молодым читателем о прочитанном, посвятил главу «Родниковая свежесть» повести А. Даржаа «Удаль моло-децкая». Положительно оценивая это произведение, критик сравнивает творческую манеру писателя с пастозной живописью: крупный мазок, резкость штрихов, линий. Рассматривая повесть в ряду других произведений молодых литератур. В. Чукреев говорит о влиянии этих литератур на русскую литературу своей самобытностью, густотой колорита, выразительной яркостью образов.

Интересно сопоставить эту оценку книги А. Даржаа с мнением В. Швейцера¹². Он выделяет в ней два конфликта: между старым и новым сознанием, во-первых, и конфликт между равнодушием, безынициативностью руководителя и энтузиазмом рядовых молодых колхозников. Самая живая и убедительная фигура в книге, считает критик,— старик Чорбаа С одной стороны, это замечательный хозяин, всеми уважаемый человек, общественник, с другой — он собственнически приязан к своему хозяйству, скоту. Остальное в книге пока несовершенно. Например, образ Даннара побывал уже на страницах многих произведений. Безлики и другие герои Главные недостатки романа, по мнению В. Швейцера: слабость художественного анализа и наивное стремление восполнить этот пробел описательностью. «Расставаясь с героями,— говорит критик,— мы узнаем не о их росте и возмужании, а о их достижениях по службе». Итак, по В. Чукрееву, мир повести Даржаа — «родниковая свежесть», по В. Швейцеру, в ней, кроме образа Чорбаа, «все несовершенно», герой «безлики». Оценки, как видим, полярные. Нам представляются более убедительными аргументы второго критика. Роман А. Даржаа действительно во многом схематичен. В. Чукреев же, руководствуясь желанием поддержать молодого автора, явно завышает оценки, его разбор произведения неконкретен, в основном это пересказ содержания.

В той же рецензии В. Швейцер пишет еще об одной книге А. Даржаа — повести для детей «Веселые медведи». Критик отмечает веселый, увлекательный сюжет, весь пронизанный этнографией, столкновение в повести старого и нового в жизни тувинцев. Положительную оценку дает этой же повести и другой критик — М. Баранова¹³, которая отмечает также интересные, самобытные характеры бабушки и деда, двух «живых и настоящих» тувинских мальчиков — главных героев повести. Но как недостаток рецензент отмечает почти полное

¹² В. Швейцер. Двойной дебют Даржаа.—«Дружба народов», 1972, № 12, с. 279—280.

¹³ М. Баранова. Рецензия на книгу А. Даржаа «Веселые медведи».—«Детская литература», 1972, № 11, с. 79—80.

отсутствие изображения национальных особенностей и обычаяев тувинского народа.

Следовательно, по мнению одного рецензента, этнографии в повести много, по мнению другого,— мало. Сказались, видимо, разница критериев критиков, субъективный подход в оценках, но у писателя и читателей этот критический разнобой может вызвать только недоумение.

В последние годы в центральной печати появилось несколько отзывов на книги М. Кенин-Лопсана, вышедшие на русском языке, среди них две рецензии на поэтический сборник «Киноварь»¹⁴. Н. Шевелев и Р. Гузаиров делают тематический обзор сборника, дают ему положительную оценку: стихи М. Кенин-Лопсана «искрены и правдивы», образы в них «сильные и неожиданные» (Р. Гузаиров), в поэмах «переплавляется лирика и эпика, образуя сплав, свидетельствующий о поэтической и философской зрелости автора», «за плечами автора большая многогранная жизнь, таков и его лирический герой» (Н. Шевелев) и т. д. Обе рецензии очень доброжелательны, в них ощущимо стремление привлечь внимание к малоизвестному широкому читателю одаренному поэту. Однако из-за расплывчатости суждений, неопределенности эпитетов, критических штампов такие анализы мало что могут дать читателю и писателю.

Читатель не видит за такими критическими работами лица поэта, своеобразия его таланта — ведь все эти слова можно отнести и к другому поэту. Писатель же не может удовлетвориться подобными рецензиями, поскольку критика не сумела ему сказать ничего нового. А ведь еще Н. А. Некрасов указывал в письме к И. С. Тургеневу на важное назначение критики — открыть автору такое в его творчестве, что он и сам о себе не знал: «...Мне надо написать статью о твоих повестях — тогда я буду свободнее, я буду писать не для тебя, а для публики и может быть, скажу что-нибудь, что тебе раскроет самого себя как писателя: это самое важное дело критики»¹⁵.

В. Иващенко¹⁶ в рецензии на книгу М. Кенин-Лопсана «Судьба женщины», отмечая, что во второй половине 60-х годов проза Тувы зазвучала в большой, зрелой и трудной форме — в романе, выделяет одну, любопытную, по его словам, особенность этого произведения. Не внешние изменения

¹⁴ См. Рецензии на книгу М. Кенин-Лопсана «Киноварь»: Н. Шевелев — «Октябрь», 1973, № 7, с. 217; Р. Гузаиров — «Молодая гвардия», 1973, № 11, с. 308—309.

¹⁵ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч., т. 10, М., 1952, с. 328.

¹⁶ В. Иващенко. Кулча остается дояркой.—«Дружба народов», 1974, № 6, с. 262—270.

в биографии героев интересуют писателя в первую очередь, но становление личности в процессе революционного изменения жизни, сфера духовная. Критик считает, что автору удалось показать национальный характер в развитии (а не продвижение геройки по службе). Кулча осталась простой дояркой, но она далеко не та, что была вначале. По нашему мнению, критик несколько завысил общую оценку романа. Он считает, что, несмотря на некоторые недостатки (бледные образы, окружающие главную героиню), в целом книга удалась. Нам же кажется, что роману недостает художественной убедительности в раскрытии духовной эволюции образа героини.

Как видно из сказанного, молодая тувинская литература находится в поле зрения общесоюзной критики. Неоднократно за последнее десятилетие на всесоюзную арену выходила и тувинская критика.

Наиболее активно выступала с обзорами, статьями и рецензиями М. А. Хадаханэ. В 60-е годы в журнале «Сибирские огни» регулярно помещались ее материалы¹⁷ о тувинской литературе — обзоры альманаха «Улуг-Хем» на русском языке за 1965 и 1966 гг., статьи о становлении тувинской прозы (о рассказах, о книге С. Сарыг-оола «Повесть о светлом мальчике»), литературные портреты тувинских писателей. Эти выступления критика, хотя часто они носили скорее информационно-описательный, нежели аналитический характер, сыграли свою роль в ознакомлении всесоюзного читателя с молодой тувинской литературой. Одно из последних выступлений в центральной печати М. А. Хадаханэ — статья о горьковских традициях в тувинской литературе¹⁸.

М. А. Хадаханэ, как и Зелинский, видит горьковские традиции в творчестве С. Тока в общем гуманистическом отношении к жизни, в умении связать жизнь отдельного человека с масштабами века, в революционном характере простого арата. Образ Тас-Баштыг, по мнению критика, глубоко родствен горьковской Ниловне.

Критик отмечает горьковское влияние на творчество другого тувинского писателя — С. Сарыг-оола. В его «Повести о светлом мальчике» другие пластины жизненного материала, не-

¹⁷ См. статьи в ж. «Сибирские огни»: М. Хадаханэ. Тувинские рассказы. 1965, № 11; ее же. «Улуг-Хем» — великая река. 1965, № 12; ее же. Весна тувинской литературы. 1967, № 7; ее же. Сын тувинского народа (о С. Сарыг-ооле). 1968, № 11; ее же. Песни не похожи друг на друга (о Ю. Кюнзегеше). 1969, № 10; а также М. Хадаханэ. Детство Айгыроола. —«Дружба народов», 1966, № 5.

¹⁸ М. Хадаханэ. Горький и тувинская литература. — В кн.: Горький и литература народов Советского Союза. Ереван, 1970, с. 547—555.

жели у С. Тока, по влияние великого пролетарского писателя сказалось в выборе темы и героя из самых аратских низов, в позиции писателя как свидетеля и участника важнейших исторических событий, в его подлинном гуманизме.

А. К. Калзан¹⁹, анализируя положение дел в тувинской литературе, отмечает подъем во всех жанрах. Молодая литература вышла на всесоюзную арену, обрела интернациональное звучание. Партийность, народность, современность, возрастание художественного уровня — важнейшие свойства тувинской литературы.

Как достижение молодой литературы рассматривает А. К. Калзан трилогию С. Тока — крупное эпическое полотно о судьбах родного народа в дореволюционный и послереволюционный период. Тематически близка ей, но художественно оригинальна дилогия С. Сарыг-оола «Повесть о светлом мальчике», которая отличается глубокой национально-исторической, бытовой и психологической достоверностью.

Критик выделяет актуальную тему в творчестве О. Саган-оола — изображение современного тувинского рабочего и колхозника, называет новые для всесоюзного читателя имена прозаиков среднего поколения тувинских писателей: К.-Э. Кудажи, С. Сюрон-оола, М. Кенин-Лопсана, А. Даржаа. Однако ведущее место, по мнению А. К. Калзана, в тувинской литературе занимает поэзия, а поэма С. Пюрбю «О времени и своих сверстниках» имеет значение не только для тувинской литературы. Некоторые успехи имеются и в драматургии. У молодой литературы есть и трудности, которые связаны с ее ростом. Для их преодоления, считает критик, писателям нужно глубже изучать жизнь и неустанно повышать мастерство, требовательность к своему творчеству.

Завершая наше обозрение, можно подвести некоторые итоги. Тувинская литература постоянно привлекает к себе внимание критиков и литературоведов страны. Выявляются общие закономерности развития молодых литератур, в том числе и тувинской. Отмечены успехи тувинской литературы в прозе.

Но наряду с общими закономерностями, существуют еще и специфические особенности в развитии каждой литературы, обусловленные языком, особенностями истории народа, ее создавшего, своеобразием национального характера, специ-

¹⁹ А. Калзан. На пути к зрелости.—«Октябрь», 1971, № 8, с. 196—198; его же: Тувинская художественная литература. В кн.: Тезисы докладов и сообщений ученых СССР (Международная конференция ЮНЕСКО по социальному и культурному развитию стран Центральной Азии). М., 1972, с. 186—188.

фикой бытия и т. д. По отношению к тувинской литературе этот вопрос по существу не исследовался.

Как правило, общесоюзной критикой пути развития тувинской литературы, ее достижения рассматриваются на узком литературном материале. Почти совсем не привлекается поэзия и драматургия, а из произведений прозы исследователи обычно обращаются к «Слову арата» С. Тока. Произведения же С. Сарыг-оола анализируются реже, совсем редко — книги О. Саган-оола. Вышли на русском языке произведения С. Сюрюн-оола, К. Кудажи, но о них критика не сказала еще своего слова.

Как нами уже отмечалось по отношению к книгам А. Даржая и М. Кенин-Лопсана, общесоюзная критика не всегда оказывается на высоте. А ведь она должна быть примером и ориентиром для критики местной.

Иногда критическим выступлениям недостает собственно критики, идеально-художественной оценки и истолкования произведений. Рецензии больше похожи на аннотации, а ведь даже аннотация предполагает критический элемент. Преобладание в статьях информационно-описательного метода (когда критик не помогает узнать больше, чем читатель, ознакомившись с произведением, узнает сам), завышение оценок, снисходительность — не на пользу развивающейся литературе. «Настало время воспитывать повзрослевшую литературу, и прежние предосторожности, как бы не обидеть кого, стали неуместными», — говорил старейший тувинский поэт С. Пюрбю²⁰. Где бы ни издавалась книга, где бы ни создавалась, критерии ее оценок должны быть едиными — общесоюзовыми.

Восполнили ли местные критики, выходя на страницы центральной печати, пробелы общесоюзной критики? По нашему мнению, пока еще нет. Правда, в их выступлениях шире круг имен, на которые они опираются, но им все еще не хватает глубины анализа, умения выйти за рамки национальной литературы и взглянуть на свой литературный процесс с точки зрения общих проблем. Критики не соотносят явления тувинской литературы с самой действительностью. А ведь на необходимость преодоления как раз этих недостатков указывалось в постановлении ЦК КПСС. Большую научную ценность имели бы исследования о национальном своеобразии тувинской литературы, тенденциях ее дальнейшего развития.

²⁰ «Тувинская правда», 11 марта 1972, с. 2.

Как известно, критика обращается в два адреса: к писателю и читателю. Писатели и читатели ждут от критики убедительных суждений о сильных и слабых сторонах художественного произведения, глубокого анализа сложных явлений, происходящих сегодня в жизни и литературе.

З. К. Кыргыс

ТУВИНСКАЯ МУЗЫКА НАШИХ ДНЕЙ

Преобразующую силу советского строя, ленинской национальной политики КПСС и дружбы братских народов нашей Родины убедительно и ярко раскрывают достижения Советской Тувы и в такой специфической области искусства, как музыкальное творчество. Его развитие обусловлено общественными потребностями, органически связано с освоением музыкального фольклора, достижений музыкальной культуры русского и других народов.

Народное песенное творчество, как предшественник профессионального музыкального искусства, не исчезает, а существует и развивается в новых социальных условиях, в обстановке подлинного расцвета художественной самодеятельности масс и творчества местных композиторов.

Традиционное музыкальное творчество тувинцев характеризуется многокрасочностью ритмического строя, ладово-мелодической основы интонации и разнообразием жанров. Оно включает в себя лирические, обрядовые песни, частушки, горловое пение (сыгыт, хоомей, каргыраа, эзенгилээр, борбакнадыр), сказочно-эпические мелодии, инструментальные наигрыши. В музыкальном фольклоре тувинцев, как и других народов, получили свое отображение общественный строй, семейно-бытовой уклад, рост классового самосознания аратства, богатство духовного мира человека труда и его отношение к тем или иным историческим событиям, другим народам и к окружающей природной среде, особенности художественного восприятия и образного отражения действительности. Именно поэтому творческое освоение музыкального наследия народа, наряду с интернациональными заимствованиями прогрессивных черт искусства братских народов, явилось первоосновой тувинской профессиональной музыки.

Настоящее и прошлое народа, осмысленное людьми, стремившимися отчетливо представить себе светлое будущее и участвовать в борьбе за его приближение — так можно сформулировать то главное, что определило идеино-образное содержание творчества первых тувинских авторов. Национальная определенность и интернациональное звучание — вот одна из типических черт, которая со временем получала все большее и гармоничное развитие и стала главным детерминантом музыки наших дней.

К числу зачинателей профессионального музыкального искусства мы относим артиста В. Ш. Кок-оола, композиторов А. Н. Аксенова, И. Л. Израйлевича, режиссера И. Я. Исполнева, дирижера Р. Г. Мироновича. Свою любовь к фольклору и его проникновенное понимание они передали как дорогую эстафету новому поколению композиторов. И ныне, кажется, каждый автор проверяет себя в жанрах песни и хоровой музыки.

Обращает на себя внимание тематическое многообразие этих видов творчества. Всюду звучат произведения о Ленине, партии, Родине, о новостройках и колхозном селе. Мы также слышим песни лирические, юмористические, сатирические, предназначенные для большого ансамблевого и хорового исполнения.

Нет нужды говорить о том, как сложна для художественного воплощения, но в то же время и благородна; значительна тема о Ленине, о партии, о дружбе народов. К наиболее характерным чертам произведений на ленинскую тему следует отнести лирическую проникновенность, теплоту выражаемых чувств, торжественно-величавое звучание. Таковы хоры о Ленине и партии А. Чыргал-оола, о партии и «О великом Ленине» Р. Кепденбилия, написанные на слова местных поэтов. Этот первый опыт композиторов в вокальном жанре в целом удачен.

Хоровой репертуар органически связан с музыкой русских советских композиторов. Вместе с тем почти каждое произведение в большей или меньшей мере несет в себе национальную окраску, индивидуальные черты авторов. Иногда едва уловимые, трудно поддающиеся словесной характеристике, они тем не менее придают песням своеобразный колорит.

Говоря о музыке наших дней, нельзя не упомянуть об удачном опыте создания первых тувинских романсов и оперетт. Это «Песня сердца» С. Бюрбе, музыкальная комедия А. Чыргал-оола «Певцы дня», музыкальная сказка Р. Кепденбилия «Чечен и Белекмаа». К сожалению, местные композиторы еще редко обращаются к жанру романса и детских хоров.

Следует особо остановиться на обработке народных песен, особенно для хора а капелла. Этот жанр составляет важную часть художественного творчества, способствует сохранению устойчивого интереса к фольклору, его творческому освоению. Он также помогает тувинским авторам наиболее органично осваивать принципы полифонии, выработанные музыкальной классикой, прежде всего русской.

В ряду произведений, получивших единодушное признание слушателей, следует назвать «Хандагайты» А. Чыргал-оола, «Ореховая тайга», «Богатый мой Хемчик» Р. Лесникова (слова народные). Они созданы на основе мелодий, записанных композитором А. Н. Аксеновым (1948 г.)¹ от М. Музука и Н. Олзей-оола. Обогатив первоисточник своей фантазией, расширив грани его образного строя, авторы, в сущности, дали вторую жизнь старинным мелодиям, открыли в них нечто новое и свежее, чем и объясняется живой, непосредственный отклик у сегодняшнего слушателя.

Возросшая творческая активность композиторов Тувы скрывается, в частности, в расширении жанровых границ их искусства, притом, что особенно важно,— в области крупной формы. Они в полном смысле этого слова «штурмуют» такие жанры, как канцата, симфония, концерт с оркестром, симфоническая поэма, увертюра, камерные пьесы. Подчеркнем, что песенное начало проникает в инструментальную мелодику, «приближая» ее к слушателю, в известной мере способствуя выработке естественно развивающейся интонации.

Из симфонических произведений хотелось бы выделить симфоническую поэму «Алдан-Маадыр» (1958 г.) А. Чыргал-оола, посвященную прошлому, преемственно связанному с настоящим,— борьбе аратов против колонизаторов и социального гнета. Поэма утверждает бессмертие их подвига, написана в сонатной форме. Вступление основано на народной тувинской песне «Я сирота». Динамичное развитие народной темы приводит к переходу отдержанно суровой интонации вначале к гневно протестующей в последующем, что контрастно оттеняет общий геройский тон поэмы. В «Алдан-Маадыр» впервые в истории тувинской музыки глубокое содержание одной из славных страниц тувинской истории передано через сложнейшее формообразование художественными средствами фольклора и нового музыкально-выразительного языка.

В 1967 г. А. Чыргал-оол в честь 50-летия Советской власти создал «Поэму радости». Она явилась первым в тувинской музыке торжественно-праздничным симфоническим

¹ А. Н. Аксенов. Тувинская народная музыка. М., 1964, с. 80, 86, 90.

произведением, воспевающим союз братских народов, новую, социалистическую Советскую Туву. Воплощение этого программного замысла наглядно показало тяготение композитора к эпико-повествовательной драматургии. В поэме масштабно и волнующе раскрыт образ родины, мастерски выписаны картины нового народного быта (тема танца «Хуреш», шествие) и линкующей природы, символизирующие радостную жизнь тувинцев в семье братских народов и созвучные ей.

В 1970 г. А. Чыргал-оолом была написана поэма «Моя Тыва». Она повествует о тяжелом прошлом и о светлом настоящем, где открыт безграничный простор для созидающего труда, социального и духовного прогресса ранее обездоленного народа. Впервые в истории тувинской музыки в художественное полотно включены отрицательные образы, тема шаманских камланий, связанная с самыми мрачными сторонами прошлого Тувы.

Одним из ярких произведений является «Концерт для скрипки с оркестром» — первое сочинение А. Чыргал-оола в этом жанре. Оно представляет собой 3-частный цикл, объединенный лейттемой, основанной на подлинной народной мелодии («Песне бедности»).

Такая нежная, глубокая по своему содержанию и красочная по мелодии тема² — еще одно свидетельство разносторонности дарования композитора как симфониста. В концерте впервые использован принцип монотематизма. Характерные черты эпической народной песни композитор стремится передать не только через интонационный склад напева, но и через скрипичное соло.

² Здесь и далее примеры взяты из рукописей композиторов.

Самой песне предшествует аккордовое вступление, исполняемое в замедленном темпе и как бы под аккомпанемент чаагана — одного из наиболее распространенных в старой Туве народных инструментов. На фоне этих аккордов в верхнем регистре вступает мелодия, напоминающая пение лимбы. Сама песня идет в шуточном ритме. Мелодия начинается и развивается в трехчастной форме.

Разумеется, этими произведениями не исчерпывается творчество А. Чыргал-оола. Оркестровая картина «Челер-Оюм» («Мой иноходец»), музыка к драматическим спектаклям, музыкальной комедии «Певцы дня», хоровые обработки, музыка к танцам («Скачки», «Бубенчики», «Хуреш», «Будда, или проделки влюбленных», «Колокольчики») и, наконец, кантата «Отчизна» — таково многообразие жанров, в которых композитор проявляет свое мастерство и талант.

Важное место в развитии тувинской музыки занимает творчество композитора Р. Кенденбilla. Еще в начале 50-х годов зазвучали его песни «Тыва родная», «Великому Ленину», «Звездочка», «Да здравствует партия». После окончания Ленинградского музыкального училища он сочиняет произведения самых различных жанров. Напомним, что его дипломной работой явилась ставшая популярной музыкальная сказка «Чечен и Белекма» на либретто С. Сарыг-оола.

Композитор Р. Кенденбиль создает песни, по своему содержанию и кругу образов отражающие кипучую новую жизнь и поэтому созвучные чувствам и мыслям слушателей, их духовным запросам. Наиболее типична в этом плане песня «Орденоносная Тыва», прославляющая труд и доблесть советского человека. В ней преобладает маршевый ритм и господствуют призывные интонации, строящиеся в основном на широких интервалах. Эту же современную тему композитор продолжает и в сюите «Расцветай, мой край родной». Основные темы сюиты — народные мелодии, их развитие — вариационное.

Во время стажировки в Ленинградской консерватории (1972 г.) Р. Кенденбиль написал три квартета, «Вторую сюиту» и «Первую симфонию». Образная сфера музыки Р. Кенденбilia не изменилась. Ей присущи эпическая неторопливость, преобладание светлых, лирических образов, где не последнюю роль играют картины природы. Лишь изредка встречаются драматические страницы.

Кратко рассмотрим «Первую симфонию». Она охватывает четыре времени года. Первая часть (зима) отличается строгим суровым колоритом, холодным медлительным движением, многоконтрастной полифонией, острыми созвучиями духовых инструментов. В нежной, тонкой атмосфере второй части воспринимаются образы пробуждающейся природы. Третья часть контрастирует с двумя первыми. Это оживленно-танцевальное скерцо с модуляционными ходами, бемольными тональностями, ритмическими перебивами. Последняя часть возвращает нас к образному строю первых двух частей. Положительно оценивая симфонию в целом, отметим, что в ней недостает ладотональных и метроритмических контрастов как между частями, так и внутри их.

В 1972 г. композитором создана «Колхозная сюита для симфонического оркестра». В ее основе — тувинские народные мелодии. Произведение, несомненно, интересное, имеющее ряд достоинств, удачных находок. К числу последних мы относим повторяющиеся, задорные наигрыши в третьей части «Чавыдак», названной по имени первого тувинца-тракториста.

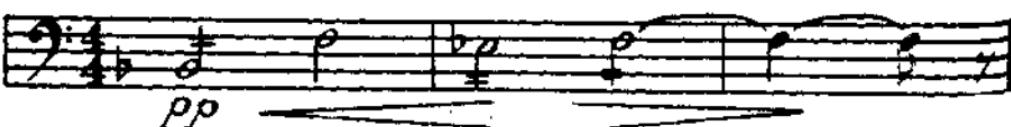

Один из центральных эпизодов в сурово-мужественном характере (с оттенками драматизма) передает напряженную, кропотливую работу колхозника. Есть в сюите и облегченные, шуточно-веселые фрагменты, изображающие отдельные сценки из жизни тракториста (соло на флейте и др.).

Автор использует ряд современных средств оркестрового письма. Это и сопоставление далеких оркестровых тембров, и частое применение жестких, диссонирующих звучаний. Кроме фольклорной темы, для музыкального языка Р. Кенденбия характерно использование интонационно-ладовых особенностей тувинской народной музыки.

Большой интерес представляет творчество композитора Х. Дамба — выпускника Новосибирской государственной консерватории (1972 г.). Среди его сочинений — «Концерт для литавр и струнного оркестра», «Сюита для камерного оркестра», симфоническая поэма «Мой край», струнный квартет, пьесы для фортепиано, романсы, песни, музыка для хореографических произведений («Танец орла», «Звенящая нежность» и др.).

Остановимся кратко на некоторых особенностях наиболее значительного произведения композитора. «Концерт для литавр и струнного оркестра» начинается соло литавры, с гармонической точки зрения плагальным с разрешающимся в скорбный доминантовый звук.

В начале модерато — первая (суровая, энергичная) тема концерта с характерными мелодическими оборотами упорных вздохов. Своеобразная пульсация ритма создана тут сдвигом ударений: они часто падают на вторые, а не на первые половины тактов, в силу чего разрешения гармоний обычно даются в концах фраз диминуэндо. Вторая тема появляется уже на подвижном фоне восьмых, радостная, светлая, обогащенная орнamentом и, вместе с тем, спокойная, затухающая в своем завершении.

Далее следует возобновление первой темы и ее противоборство второй (в тональности фа минор). Для выражения и бескомпромиссной контрастной борьбы светлых и мрачных образов Х. Дамба создал самобытную своеобразную форму гармонии и полифонии.

Остроумными колористическими и звукоизобразительными эффектами насыщен цикл «Танцы Тувы» — сочинение, отразившее глубокое изучение, переосмысление и модификацию автором тувинского музыкального фольклора. Тесная связь с народной культурой, находки в области колорита (как оркестрового, так и гармонического), перекличка с искусством давно минувших дней — все это становится устойчивыми чертами стиля молодого композитора.

Своеобразный смотр достижений национального искусства состоялся в честь 30-летия Советской Тувы на концерте в зале Союза композиторов РСФСР 17 октября 1974 г. в г. Москве. Уместно привести следующее высказывание председателя Союза композиторов Российской Федерации Р. Щедрина: «Музыка, которую мне довелось слушать, поразила своей современностью в широком смысле этого слова. Такой профессиональный язык! Она прежде всего оперирует совершенно народными мелодиями. Мне трудно выделить одно из трех произведений композиторов, все они хорошо, ярко впечатляют своей притягательностью». Здесь речь идет о «Концерте для скрипки с оркестром» А. Чыргал-оола, «Колхозной сюите» Р. Кенденбия и «Концерте для литавр и струнного оркестра» Х. Дамба. Не только Р. Щедрин, но и другие руководящие работники Союза композиторов (Р. Охотникова, В. Казенин) дали высокую оценку произведениям тувинских композиторов и исполнителям.

Бережное отношение к музыкальному фольклору, яркость, национальная колористичность, наряду с интернациональными заимствованиями — все это очень важно и для дальнейшего развития тувинской музыки, отразившей в содружестве с тувинской поэзией большой и сложный исторический путь народа к свету и счастью.

Великий Октябрь, образование Тувинской Народной Республики и ее последующее вступление в СССР открыли широкие перспективы социального, экономического и культурного строительства. Опираясь на многстороннюю помощь государства и братских народов, Советская Тува пришла к своему 30-летию с большими достижениями в развитии социалистической культуры, неотъемлемой частью которой является тувинская музыка. Одним из ярких подтверждений этого явились Дни литературы и искусства Тувинской АССР в Москве (октябрь 1974 г.). В настоящее время в Туве функ-

ционируют 18 музыкальных школ, училище искусств, музыкально-драматический театр, государственный ансамбль «Саяны», филармония, много самодеятельных хоровых и оркестровых коллективов.

Быстрый и взаимообусловленный рост как самодеятельного, так и профессионального тувинского искусства, общий подъем музыкальной культуры тувинцев — одно из ярких проявлений торжества ленинской национальной политики КПСС, советского строя. Из краткого обзора явствует, что современная профессиональная тувинская музыка, развивая народные традиции, осваивая фольклорное наследство, богатейший опыт музыкальных культур братских народов и новые выразительные средства в области гармонии и полифонии, уже достигла значительных результатов. Она утверждает идеалы коммунизма, воодушевляет трудящихся на трудовые свершения во имя нашей Родины, обогащает их духовный мир, вносит свой вклад в развитие советского искусства. Перед ней широкие перспективы дальнейшего расцвета.

С. Ф. Сегленмей

ПУТИ ОБОГАЩЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА

Работ, специально посвященных изучению терминологии тувинского языка, немного. Первым исследованием в данном разделе лексики является работа А. А. Пальмбаха «К разработке общественно-политической терминологии тувинского литературного языка»¹. В ней на богатом конкретном материале анализируется опыт развития общественно-политической терминологии тувинского языка, выделяются способы образования терминов, отмечается их своеобразие. Имеется также статья Б. И. Татаринцева «О некоторых явлениях в современном тувинском терминообразовании»², в которой на материале сельскохозяйственной терминологии тувинского языка рассматриваются отношения между заимствованием и оригинальным словообразованием в процессе формирования терминологической системы. Об основных направлениях терминологической работы в тувинском языке говорится в докладе З. Б. Арагачи (Чадамба)³.

Проблемы терминологии тувинского языка в той или иной степени затрагиваются и в других работах, в частности, в

¹ А. А. Пальмбах. К разработке общественно-политической терминологии тувинского литературного языка. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. VI. Кызыл, 1958, с. 95.

² Б. И. Татаринцев. О некоторых явлениях в современном тувинском терминообразовании. Сб. Исследования по языку и фольклору, вып. II, Новосибирск, 1967, с. 75.

³ З. Б. Арагачи (Чадамба). Основные направления терминологической работы в тувинском языке. «Материалы научно-практической конференции, посвященной 30-летию тувинской национальной письменности». УЗ ТНИИЯЛИ, вып. IX, Кызыл, 1961, с. 200.

трудах о развитии и формировании тувинского литературного языка Д. А. Монгуша⁴ и Ш. Ч. Сата⁵.

К настоящему времени проделана значительная работа по упорядочению и унификации терминов тувинского литературного языка. Совместными усилиями специалистов по различным отраслям знаний и языковедов изданы русско-тувинские словари сельскохозяйственных, географических, общественно-политических, математических и педагогических терминов⁶.

Работу по упорядочению терминов проводят сектор языка и письменности Тувинского НИИЯЛИ и Терминологическая комиссия при Совете Министров Тувинской АССР. Их деятельность способствует закреплению вновь созданных или уточненных терминов, осуществлению контроля за единообразием и правильным их употреблением в печати, в радио- и телепередачах.

Большую роль в формировании терминов, в особенности общественно-политических, в распространении их среди широких масс населения играла и играет периодическая печать на тувинском языке.

Значительное влияние на развитие терминологии тувинского языка оказывают переводы трудов классиков марксизма-ленинизма, политической, публицистической, научно-популярной литературы, которые могут послужить объектом специальных исследований как с точки зрения перевода, так и терминообразования.

Изучение терминологии тувинского языка является одной из актуальных проблем тувиноведения. Цель данной статьи — проследить пути обогащения общественно-политической терминологии тувинского языка и попытаться выявить особенности ее образования. Материал, использованный в работе, взят из картотеки готовящегося второго издания «Русско-тувинского словаря», из «Русско-тувинского словаря общественно-политических терминов» и из газеты «Шын».

Общественно-политическая терминология определяется как совокупность слов и терминов, обозначающих явления и

⁴ Д. А. Монгуш и Ш. Ч. Сат. Совет үеде тыва дылдын хөгжүүлдээ. Кызыл, 1967.

⁵ Ш. Ч. Сат. Формирование и развитие тувинского национального литературного языка. Кызыл, 1973.

⁶ Көдээ ажыл-агыйныц орус-тыва словары. Редактору Н. Т. Кызыл-оол, Кызыл, 1959; География терминнериниц орус-тыва словары. Редактор А. М. Чимба. Кызыл, 1959; Нинтилел-политиктиг терминнериниц орус-тыва словары. К. Н. Динга редакторлаан. Кызыл, 1966; С. С. Салчак. Математика терминнериниц орус-тыва словары. Кызыл, 1971; Педагогика терминнериниц орус-тыва словары; Ш. Ч. Сат, М. И. Анисов редакторлаан. Кызыл, 1974.

понятия общественно-политической сферы жизни, т. е. сюда можно отнести слова из области политической, экономической, философской, социальной, исторической и др.⁷

Общественно-политическая терминология тувинского языка до революции находилась в зачаточном состоянии и бытова в устной форме. Она представляла собой преимущественно совокупность названий явлений и понятий, отражавших феодальные общественные отношения.

Современная общественно-политическая терминология тувинского языка является качественно новой. Она стала постоянно развивающейся и обогащающейся терминологической системой, способной отразить все многообразие социалистической общественной жизни.

Существует два основных пути обогащения лексики (в том числе терминологии): за счет внутренних ресурсов и за счет заимствований. Рассмотрим оба пути применительно к общественно-политической терминологии тувинского языка. Первый из них реализуется тремя способами: морфологическим, синтаксическим и лексико-семантическим.

Морфологический способ в тувинском языке представлен в основном как способ аффиксации. Он широко применяется для создания терминов. Образование новых слов происходит путем присоединения словообразовательных аффиксов к основе или к корню слова. Образованное таким способом слово приобретает определенное терминированное значение, которое закрепляется за ним⁸.

На первое место по продуктивности можно поставить аффикс *-ышикын* с его вариантами. Присоединяясь к глагольной основе, он образует существительные как с отвлеченным, так и конкретным значением. Слова, образованные при помощи этого аффикса, в общественно-политической терминологии имеют значительный удельный вес. Это преимущественно термины с абстрактным значением: *дузалажышкын* «чзанмопомощь», *холгаарлаашкын* «вмешательство», *тергидээшикын* «господство», *чепсегленишикын* «вооружение» и т. д.

Продуктивными, наряду с аффиксом *-ышикын*, являются синонимичные ему *-ла*, *-да*, *-л*, в прошлом заимствованные из монгольского языка⁹. При помощи этих аффиксов также образовано большое количество общественно-политических

⁷ И. Ф. Протченко. Развитие общественно-политической лексики в советскую эпоху. Сб. Развитие лексики современного русского языка. М., 1965, с. 17.

⁸ Н. А. Баскаков. Современное состояние терминологии в языках народов СССР, М., 1959, с. 12.

⁹ А. А. Пальмба. Указ. соч., с. 103.

терминов: *дүгүржулга* «соглашение», *мөлчүлге* «эксплуатация», *өмээржилгэ* «покровительство», *соңгууда* «выборы», *эргелел* «управление» и др.

Аффиксы *-ышын* и *-ла*, *-л* могут взаимозаменяться, в результате чего возникает варианность, нежелательная для специфики термина: *тергидел*, *тергидээшик* «господство»; *каттыжылга*, *каттыжышикын* «объединение»; *холгаарлал*, *холгаарлаашкын* «вмешательство» и др. Но как было замечено, их можно дифференцировать, так как аффиксу *-ышын* свойственно процессуальное значение, а аффиксам *-ла*, *-л* значение результата действия¹⁰, например, *сарлаашкын* «угнетение», *дарлал* «гнет», *хостаашкын* «освобождение», *хосталга* «свобода», *эжелээшик* «завоевание» (процесс), *эжелел* «завоевание» (то, что завоевано) и др.

Таким образом, с помощью этих аффиксов в определенных случаях возможно четкое разграничение смысловых оттенков терминов.

К числу активных аффиксов относятся *-чи*, *-кчи*, которые образуют от основ существительных и глаголов слова, обозначающие род занятий, профессию, принадлежность людей к какой-либо общественной организации, слова, называющие людей с оценочной позиции, по месту жительства и т. д.: *аңчи* «охотник», *түдүгжү* «строитель», *чогаалчы* «писатель», *хайгааракчы* «обозреватель», *ленинчү* «ленинец», *чалчаачы* «демагог», *чагдынычы* «приспособленец», *мурнакчы* «передовик», *шалыпчы* «ударник», *ийи-талчы* «житель пос. Ийи-Тал» и др.

Продуктивным в образовании терминов с абстрактным значением от имен прилагательных становится словоизменительный аффикс принадлежности 3-го лица *-ы*, *-сы*, который приобрел словообразовательный характер¹¹. Например, от основы прилагательного *бүдүрукчулүг* «производительный» при помощи аффикса принадлежности *-у* образуется существительное *бүдүрукчулүү* «производительность», так же образованы термины *дүшкүүрлүү* «напряженность», *үнеллии* «ценность», *кижизлии* «человечность», *амыбыралчызы* «жизненность» и др.

В образовании общественно-политических терминов участвуют и другие аффиксы: *-г* (*өөредиг* «учение», *билиг* «знание», *кулданыг* «рабство»); *-мча* (*базымча* «унижение», *дузаламчы* «помощь») и т. д.

Аффиксация является самым продуктивным способом в обогащении общественно-политических терминов.

¹⁰ А. А. Пальymbах, Указ. соч., с. 103, 104.

¹¹ Ш. Ч. Сат., Указ. соч., с. 134.

Синтаксический способ образования терминов заключается в использовании различных синтаксических лексикализованных словосочетаний, основанных на сочинительной и подчинительной связи слов.

Синтаксическим способом образуются различные по своей структуре и составу конструкции. На основе сочинительной связи образуются парные слова, а на основе подчинительной связи — словосочетания, компоненты которых стоят в отношении примыкания или управления и изафета.

Парные слова состоят из синтаксически равноправных, морфологически однородных компонентов и представляют собой близкие по смыслу пары¹².

Дополняя и поясняя друг друга, компоненты парных слов выражают какое-либо обобщенное собирательное значение, например, *ажык-кончаа* («польза», «выгода», «прибыль», «доход», «барыш», «нажива»); *корум-чурум* («порядок», «дисциплина», «режим») и т. д.

Парные слова, вступая во взаимосвязь с другими близкими по смыслу словами, образуют целый ряд синонимичных терминов с различными семантическими оттенками: *эт-хөрөнгө* «имущество», *хөрөнгө-кошкул* «имущество вместе со скотом», *хөрөнгө-шинээ* «состояние», «имущество», *ажыл-агый* «хозяйство», *ажыл-иши* «труд», *ажыл-үүле* «работа», «дело», *ажыл-херек* «работа, дело» и т. д.

Как отмечает Б. И. Татаринцев, парные слова тувинского языка часто имеют полные эквиваленты в монгольских языках или включают в свой состав монголизм в качестве одного из компонентов¹³, например, *албан-дужаал* (монг. албан, тушиал)¹⁴ «должность», *аян-чорук* «визит, путешествие» (монг. аян «путешествие»). Т. А. Бертагаев указывает, что парные слова имеются во многих языках, а в монгольских их роль в образовании разного рода наименований и терминов весьма значительна¹⁵. Как показывают примеры, парные слова для тувинского языка также характерны. Способность парных слов уточнять и обобщать значения слов сделала их одним из наиболее продуктивных способов терминообразования на начальном этапе развития литературного языка¹⁶. Парные

¹² Т. А. Бертагаев. Сочетания слов и современная терминология. М., 1971, с. 11.

¹³ Б. И. Татаринцев. Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику (рукопись).

¹⁴ Монгольские слова здесь и в дальнейшем заимствованы из следующих источников: Русско-монгольский словарь. Составили А. Р. Дамба-Ринчинэ и Г. С. Мункин. М., 1960; Б. Дугэр. Нийгэм улс төрийн товч толы. Улаанбаатар, 1973.

¹⁵ Т. А. Бертагаев. Указ. соч., с. 11.

¹⁶ А. А. Пальмбах. Указ. соч., с. 100.

слова и в настоящее время не потеряли своей значимости, они часто употребляются в общественно-политической терминологии. По моделям парных слов образуются новые термины: ёзу-тургузуг «строй», ажыл-чорудулга «деятельность», ажыл-дурджулга «опыт работы» и др. В разговорной речи появились парные слова, одним из компонентов которых выступает русское заимствование: *арга-метод*, «способ-метод», *факт-барымдаа* «факт-основание» и др.

Подчинительные словосочетания представляют собой слова, компоненты которых морфологически и семантически разнородны, синтаксически неравноправны¹⁷. В таком словосочетании один из компонентов является главным, определяющим, другой — определяемым. Определяющий компонент дифференцирует предметы и явления по их свойствам и признакам. Им может быть прилагательное или существительное в косвенном падеже.

К подчинительным, как было указано выше, относятся словосочетания, образованные по способу примыкания или управления, а также изафетные конструкции.

1. Словосочетания, образованные по способу примыкания, довольно часто употребляются в общественно-политической терминологии. Они продуктивны в том смысле, что по определяющему или определяемому компоненту образуют целые гнезда терминов-словосочетаний. Например, по определяющему компоненту *демократтыг тургузуг* «демократический строй», *демократтыг күрүнө* «демократическое государство», *демократтыг эргэ-чагырга* «демократическое управление»; *социалистиг хоойлу-дүрүм* «социалистическая законность», *социалистиг өнчү* «социалистическая собственность», *социалистиг тургузушкун* «социалистическое строительство» и т. д.; по определяемому компоненту: *аңылыг нийтилөл* «классовое общество», *аңычок нийтилөл* «бесклассовое общество», *коммунистиг нийтилөл* «коммунистическое общество», *капиталистиг нийтилөл* «капиталистическое общество» и т. д.

2. Словосочетания, образованные способом управления, не продуктивны в тувинском языке. Этим способом образованы термины типа *хөй нийтигэе удур* «антиобщественный», *эртемгээ дүүшкөк* «научный», *тайбыңга ынакышылдыг* «миролюбивый» и др.

3. Изафетные конструкции весьма характерны для тувинского языка, как и для других тюркских языков. С их помощью образуется большое число общественно-политических терминов. Среди них названия государственных учреждений:

¹⁷ Т. А. Бертагаев. Указ. соч., с. II.

Көдээ ажыл-агый министерствозу «Министерство сельского хозяйства», Министрлер Чөвүлели «Совет Министров» и др.; названия единиц административного деления: *Каа-Хем району* «Каа-Хемский район», *Москва облазы* «Московская область». По модели изафетных конструкций образуются такие термины, как *бараан болур* «служение», *баштааар чөри* «правление», *капитал салышыкыны* «капиталовложение», *кончaa суругушкуну* «бизнес» и др.

В последнее время в некоторых изафетных сочетаниях наблюдается утрата притяжательного аффикса, в частности, в названиях единиц административного деления: *Бай-Тайга район(у)* «Бай-Тайгинский район», *Межегей совхоз(у)* «совхоз «Межегей», *Сут-Хөл көдээ совет(и)* «Сут-Хольский сельсовет» и пр., что по-видимому, вызвано влиянием русского языка, но возможно и стремлением к компактности языковых единиц. Вопрос этот сложный и требует специального исследования.

По моделям двусоставных терминов, рассмотренных выше, образуются многосоставные, которые могут иметь три, четыре и более компонентов. Многосоставные термины возникают при описательном переводе или толковании заимствований. Термин, не имеющий односоставного эквивалента в тувинском языке, переводится несколькими словами, описательно передающими его смысл, например, солидарность—*эп-сет-кил катыштырылгазы*, профашист—*фашист хөөннүүг кижи* и др. При образовании таких терминов могут принимать участие различные вспомогательные слова типа *чорук*, *чүүл*, отрицательные частицы *чок*, *эвес* (*ажыл чок чорук* «бездействие», *бottуг чүүл* «действительность», *бүдүрүкчүлүг* *эвес күш-ажыл* «непроизводительный труд» и т. д.).

Термины, образованные синтаксическим способом, составляют значительную часть общественно-политической терминологии тувинского языка. Использование этого способа вызывает спорные мнения. Одни ученые не рекомендуют практиковать его, так как термины, созданные этим способом, громоздки и неудобны, поэтому лучше, как они полагают, прибегнуть к заимствованию¹⁸. Другие же считают правомерным их существование в тюркских языках, «как и в русском языке, закономерно образование терминов, состоящих из структурно сложных сочетаний (типа *диалектический материализм*, *кайнозойская эра*, *каменный век* и др.)»¹⁹. По-видимому, это неизбежное явление при обозначении новых реалий.

¹⁸ Н. А. Баскаков. Указ. соч., с. 26.

¹⁹ Б. О. Орузбаева. Современная киргизская терминология.—«Советская тюркология», № 4, Баку, 1972, с. 72.

Лексико-семантический способ образования терминов заключается в переосмыслии слов²⁰, значение слова при этом может расширяться или сужаться. Общеупотребительное слово, не являющееся термином, по какому-либо ассоциативному признаку переносится в терминологическое поле, где оно подвергается переосмыслинию и приобретает все качества термина, т. е. терминологизируется. Например, слово *удурланышын* «сопротивление», образованное от глагольной основы *удурлан* — «сопротивляться» при помощи аффикса *-ышын*, сначала употреблялось в нейтральном значении. Затем при переводе с русского языка термина «движение сопротивления» — *удурланышын шимчээшикин* оно переосмыслилось и приобрело узкое, специальное значение: *удурланышын* «сопротивление» — движение антифашистов. Так же образованы термины: *шимчээшик* «движение» (*тайбың дээш шимчээшик*); *агым* «течение» (политическое направление); *хамаарышпас* «суверенный» и т. д.

Иногда ранее бытовавшие термины могут переосмысляться, наполняться новым содержанием. Например, слово *хурал* сначала было связано с религиозным (ламаистским) культом, *хурал хураар* означало «совершать молебен». Затем у слова *хурал* появляется два новых значения: Улуг Хурал «Великий Хурал (орган власти)»; *хурал* «собрание». Теперь первое стало историзмом, второе продолжает бытовать, причем значение его все более расширяется, приобретает собирательный характер: *хурал* «собрание», «заседание», «совещание» и др.

Лексико-семантический способ менее продуктивен при оригинальном словообразовании, чем предыдущие, так как переосмысление происходит в основном при заимствовании.

Заимствование. Большое значение в обогащении словарного состава имеет взаимодействие языков, в данном случае тувинского с монгольским и русским языками. Влияние последних на тувинский язык велико. По этому вопросу имеются исследования Б. И. Татаринцева, в которых указывается объём и характер заимствований, устанавливается их периодизация²¹.

Монгольские заимствования. Контакты тувинского языка с монгольским существуют с древних времен.

²⁰ А. А. Пальмбах. Указ. соч., с. 96.

²¹ Б. И. Татаринцев. Влияние лексики русского и монгольского языков на развитие лексической системы современного тувинского языка. Автореф. канд. дисс. Новосибирск, 1968; его же. О лексических заимствованиях в тувинском языке. УЗ ТННИЯЛИ, вып. XV, Кызыл, 1971, с. 156; его же. Русские лексические заимствования в современном тувинском языке. Кызыл, 1974.

Монголизмы проникли во все слои тувинской лексики, но особенно их много в общественно-политической терминологии.

После Народной революции, в связи с созданием самостоятельного государства и народно-революционной партии, возникла необходимость в номинации вновь созданных организаций. Носители тувинского языка, не имевшие в то время письменности, заимствовали многие общественно-политические термины из монгольского языка, на котором велось делопроизводство и вся официальная переписка: названия государственных учреждений, партийных органов и документов, названия единиц административного деления и др.: *нам* (монг. нам) «партия», *хувискаал* (монг. хувьсгал) «революция», *яамы* (монг. яам) «министрство», *шүүгү* (монг. шүүх) «суд», *хойилу* (монг. хууль) «закон», *суму* (монг. сумон) «сумон», *кожуун* (монг. хошуун) «район», *ниигэм чүрүм* (монг. нийгэм журам) «социализм», *улус төре* (монг. улс төр) «политика» и др.

С созданием письменности и особенно после вхождения Тувы в состав Советского Союза усиливается влияние русского языка. Это влияние прежде всего сказалось на общественно-политической терминологии. Многие термины были заменены русскими или кальками с русских терминов. Например, *нам* — партия, *хувискаал* — революция, *Төл хораа*—*Төл комитет* «Центральный комитет», *кожуун* — район, *улус төре* — политика и т. д.

В дальнейшем — периодическая печать, политическая, публицистическая и другая литература, выходящая на русском языке, переводы трудов классиков марксизма-ленинизма, радио, кино и, наконец, телевидение — все способствует обогащению общественно-политической терминологии тувинского языка за счет заимствований из русского языка.

Заимствование терминов из русского языка происходит, во-первых, путем прямого заимствования (термины, заимствованные полностью без изменений), во-вторых, путем косвенного заимствования (кальки).

Прямые заимствования представляют собой термины с абстрактным значением, выражающие идеологическую направленность, обозначающие лицо, представляющее какое-либо мировоззрение и др. Это в основном термины с интернациональными суффиксами *-изм*, *-ист* (марксизм, атеизм, оппортунизм, материализм; коммунист, марксист и т. д.); с суффиксами *-атор*, *-тор*, *-ер*, *-ент*, *-ат*, *-ет* (колонизатор, реформатор, миллионер, интеллигент, апологет и др.); термины на *-ация*, *-ция*, *-ия* (коллективизация, агитация, ассоциация, реакция, агрессия и др.).

Термины с приставками *анти-*, *интер-*, *контр-*, *де-*, *ре-* (ан-

тисемитизм, контрактация, интервенция, девальвация, реорганизация и др.). Но эти термины заимствуются без изменения в том случае, если не переводится основа слова.

Косвенные заимствования (кальки). Следующая группа слов, активно пополняющая общественно-политическую терминологию тувинского языка,— это кальки, т. е. буквальный перевод слов, например, *шүгүм* «тиния», *агыышын* «текущее», *угланышыкын* «направление», *дагын бүдүрүлгө* «воспроизведение»; *аар улутпур* «тяжелая промышленность», *доктаамал капитал* «постоянный капитал» и др.

Полукальки. В рассматриваемом языке имеется немало терминов, включающих в свой состав и русские и тувинские компоненты, т. е. полукалек. Образование их происходит в случае, когда не все компоненты сложного наименования находят свои эквиваленты в заимствующем языке. По своей структуре полукальки могут быть и синтетическими и аналитическими: *хоорком* «горком», *профэвилел* «профсоюз» *политөредилгө* «политучеба», *феодализмниң артышикыннары* «пережитки феодализма», *улутпур капиталы* «промышленный капитал», *социалистиг өнчү* «социалистическая собственность» и т. д.

Заимствование является весьма продуктивным способом обогащения терминов. И если терминологическая система языка, из которого заимствуются термины, достаточно стабилизована и унифицирована, этот путь вполне оправдан.

Необходимо отметить, что некоторая часть общественно-политических терминов тувинского языка требует систематизации. Например, часто параллельно с прямыми заимствованиями употребляются кальки или ранее бытовавшие монголизмы или тувинские термины: гегемония — *башталга*, забастовка — *ажыл соксадышыкыны*, делегат — *төгээ*, индустрия — *улутпур*, суверенитет — *дускай догуннаашык* и др. Существует и такое явление, когда одним словом обозначаются несколько разных терминов: *медээ* — сведение, ведомость, сводка, сообщение, информация; *саарылга* — сбыт, оборот, обращение и др. Или одно понятие обозначается несколькими синонимичными лексемами: мышление — *угаазылал, бодаашыкын, угаан-бодал*; солидарность — *эт-сеткил катыштырылгазы, чаңгыс эт-сеткилдии* и др.

Сфера употребления некоторых терминов сужена. Такие термины, как «министрство», «министр», «юстиция», используются в основном в письменной речи, в устной же предпочт-

тительнее употребление соответствующих эквивалентов: яамь «министрство», сайыт «министр», шүүгү «юстиция, суд» И, наоборот, такие термины, как өртөмчий көрүүшкүнү «мировоззрение», ажылдан унерде алыр акша «выходное пособие» и другие, не могут привиться в устной речи.

В целом же, можно считать, что общественно-политическая терминология тувинского языка на современном этапе достаточно упорядочена и унифицирована по сравнению с периодом 40—50-х годов, но процесс ее усовершенствования продолжается.

Для обогащения терминологии в полной мере используются собственные средства, особенно продуктивен способ аффиксации. Происходит дифференциация словообразовательных моделей. Словообразовательные средства обогащаются за счет грамматических (словоизменительных аффиксов) и синтаксических средств. При всем этом все сильнее становится тенденция к заимствованию из русского языка.

Я. Ш. Хертек

О СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА

Семантическая структура тувинских фразеологизмов в данной статье рассматривается нами в аспекте варианты, синонимичности, антонимичности и многозначности. Фразеологизмы тувинского языка со стороны вышеназванных категорий еще не изучались.

I. Варианты фразеологизмов. Фразеологизмы, подобно лексическим единицам языка, имеют варианты. Они содержат в своем составе несколько отдельных компонентов, благодаря чему им свойственны лексическая и грамматическая варианты. Фразеологическая варианты широко распространена почти во всех языках. Именно поэтому в фразеологической литературе большое внимание уделяется этому вопросу.

Данное явление очень подробно рассматривается на материале узбекского языка в докторской диссертации Ш. Рахматуллаева¹, русского языка в кандидатской диссертации В. Н. Телия², немецкого языка в работе Г. И. Краморенко³. Был проведен специальный симпозиум, посвященный вопросу варианты фразеологизмов⁴.

Ш. У. Рахматуллаев, анализируя фразеологию узбекского языка, выдвигает четыре основных признака фразеологических вариантов:

1) Вариантами являются такие структуры, которые возникли одна от другой путем различных лексических и грам-

¹ Ш. Рахматуллаев. Некоторые вопросы узбекской фразеологии. Автореф. докторск. дисс., Ташкент, 1966.

² В. Н. Телия. Вариантность лексического состава идиом как структурных единиц языка. Автореф. канд. дисс. М., 1968.

³ Г. И. Краморенко. Фразеологические варианты в идиоматике современного немецкого языка. Смоленск, 1961.

⁴ Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Материалы межвузовского симпозиума (1968), вып. II. Тула, 1972.

матических изменений, т. е. объединяются вокруг единого источника.

2) В основе таких структур должен лежать один и тот же образ (независимо от степени мотивированности данного образа в различных вариантах одного и того же выражения).

3) Варианты должны означать одно и то же явление действительности, т. е. должны быть единозначными (различаясь иногда лишь в степени интенсивности значения, в закрепленности за стилями речи и в стилистической окрашенности).

4) Варианты должны иметь общий лексический компонент (такое сходство возможно и между фразеологическими синонимами, но между ними такая общность не является обязательной)⁵.

Данный вопрос несколько уже рассматривает Г. А. Байрамов. Он выделяет фразеологические варианты по следующим признакам: для них обязательным является наличие общего компонента; они должны иметь одинаковое значение; во всех стилях языка фразеологические варианты полностью взаимозаменимы; взаимозамена их не должна сказываться на содержании контекста; в основе образных фразеологических вариантов должен лежать один и тот же образ⁶.

Далее Г. А. Байрамов отмечает необходимость разграничения фразеологических вариантов от фразеологических синонимов. Им рассмотрены основные отличия первых от вторых. Г. А. Байрамов различает четыре группы фразеологических вариантов азербайджанского языка: 1) лексические варианты; 2) грамматические варианты; 3) лексико-грамматические варианты; 4) морфологические варианты.

У лексических вариантов лексический состав отличается одним или двумя словами, остальные же их компоненты являются общими.

Грамматическими вариантами Г. А. Байрамов называет глагольные фразеологические единицы, которые отличаются друг от друга характером синтаксической связи между компонентами.

Под лексико-грамматическими вариантами Г. А. Байрамов подразумевает такой случай, когда, помимо лексической замены, именной компонент — существительное употребляется в другом падеже.

В. Н. Телия отмечает наличие следующих видов фразеологических вариантов в русском языке: 1) лексические варианты; 2) синтаксические варианты; 3) морфологические варианты.

⁵ Ш. Рахматуллаев. Указ. соч., с. 52.

⁶ Г. А. Байрамов. Основы фразеологии азербайджанского языка. Автореф. докторск. дисс., Баку, 1970, с. 122.

Затем В. Н. Телия характеризует каждый из видов. Лексические варианты могут объединяться синонимическими отношениями или принадлежать одному семантическому «полю», а также могут отражать диалектные особенности говорящих. Многообразные виды имеют синтаксические варианты. Морфологические варианты разделяются на три типа: 1) субституты в пределах одной словоформы; 2) словообразовательные варианты; 3) супплетивные формы⁷.

Таким образом, мы видели, что фразеологи выдвигают разные критерии определения признаков вариантов фразеологизмов того или иного языка. Это зависит, прежде всего, от специфики и конкретного материала каждого из исследуемых языков.

На наш взгляд, вариантными считаются фразеологизмы с различными модификациями в лексико-грамматической структуре, но имеющие общее значение. В тувинском языке существуют лексические и грамматические варианты фразеологизмов.

I. Лексические варианты. В тюркских языках, в том числе и в тувинском, самым распространенным видом вариантистики фразеологизмов является варьирование лексического состава. Лексически вариантными считаются фразеологизмы с общим значением, содержащие в своем составе один или несколько общих компонентов; остальные компоненты являются по своему происхождению как синонимами, так и совершенно разными словами, принадлежавшими к одной и той же части речи и занимающими в составах фразеологизмов одинаковые позиции, как в нижеприведенных примерах:

вэзу кара (букв. аорта его черная)	}	«коварный»;
сагыжы кара (букв. душа его черная)		
холу чадагай (букв. рука его раскрытая)	}	1) щедрый;
холу бош (букв. рука его непривязанная)		2) небережливый»;
ак сагыштыг (букв. с белой душой)	}	«добродушный,
ак сеткилдиг (букв. то же самое)		честный»;
аразындан суг өтпес (букв. между ними	}	«Очень
вода не прольется)		дружные»,
аразындан суг акпас (букв. между ними	}	русс. соотв.
вода не протечет)		водой
		не разольешь».

⁷ В. Н. Телия. Что такое фразеология. М., 1966, с. 73.

К лексическим вариантам можно отнести также полную и усеченную форму одного и того же фразеологизма: *дириг кара хөңү чок* «ненавидеть людой ненавистью» (букв. нет у него живого черного желания) и его усеченная форма *кара хөңү чок* «ненавидеть» (букв. нет у него черного желания); *иши караам соглур!* «Честное слово!» (букв. пусть высохнут мои два глаза!) и *караам соглур!* «честное слово!» (букв. пусть высохнет мой глаз!); *көрбээн чувези чок, көдүрбээн хөнээ чок* «бычалый», «опытный» (букв. нет такой вещи, которой он не видел, нет такого чайника, которого он не поднимал) и *көрбээн чувези чок* «бычалый», «опытный» (букв. нет такой вещи, которой он не видел). Следует отметить, что полная форма фразеологизмов в тувинском языке по сравнению с его усеченной формой выражает наибольшую степень проявления действия или признака. Таким образом, полные и усеченные формы фразеологизмов, хотя и имеют вариантное отношение друг с другом, семантически несколько отличаются между собой и тем самым они отличаются от остальных лексических вариантов.

Фразеологические варианты могут содержать разные стилистические окраски. Подобные фразеологизмы в контексте не заменяют друг друга.

2. Грамматические варианты. Грамматическими вариантами считаются разновидности одного и того же фразеологизма, которые отличаются друг от друга по грамматическому оформлению или структуре, но имеют общее значение. В тувинском языке существуют два вида грамматических вариантов: морфологический и морфолого-синтаксический.

а) морфологический вариант — это такой фразеологический вариант, когда фразеологизмы отличаются грамматической формой одного из компонентов:

<i>ижин кара чок</i> (букв. нутро без черного)	} «откровенно»,
<i>ижин кара чокка</i> (букв. без черного внутри)	
<i>ишти диштиг</i> (букв. нутро его зубастое)	} «коварный»,
<i>иштинде диштиг</i> (букв. внутри имеющий зуб)	
<i>башка хан кудар</i> (букв. лить кровь на голову)	} «навлечь беду, толкнуть на преступление».
<i>бажынга хан кудар</i> (букв. лить кровь на чью-л. голову)	

Морфологические варианты в одних случаях не имеют семантических различий (см. первые две пары приведенных примеров) и употребляются как факультативные варианты, а в других — семантически несколько отличаются друг от друга (как в третьем примере). Вариант *бажынга хан кудар* от-

личается от *башка хан кудар* большей конкретностью, так как данный вариант употребляется в том случае, когда яск выступает то лицо, которое вовлекается или может быть вовлечено в беду.

б) **морфолого-синтаксический вариант** — это такой вариант, когда компоненты фразеологии меняются местами, и в связи с этим, они одновременно подвергаются морфологическим изменениям согласно грамматическим законам языка причем один из вариантов имеет структуру предложения другой — словосочетания. Пожалуй, данное явление — один из характерных для тувинских фразеологизмов. Примеры:

<i>караа аш</i> (букв. глаз его голодный)	«алчный», «жадный»;
<i>аш карактыг</i> (букв. с голодным глазом)	
<i>холу курттүг</i> (букв. рука его червивая)	«любящий дотрагивающийся до всего что попадается на глаза»;
<i>курттүг холдүг</i> (букв. с червивой рукой)	
<i>бажы сөөк</i> (букв. голова его костлявая)	«хитрый», «ловкий».
<i>сөөк баштыг</i> (букв. с костлявой головой)	

В приведенных примерах вариативные фразеологизмы отличаются друг от друга местоположением компонентов и их морфологическим оформлением. В каждой паре первый вариант имеет структуру предложения, а второй — словосочетания.

Таким образом, сущность фразеологических вариантов заключается в лексическом, морфологическом или синтаксическом изменении одной и той же фразеологической единицы при сохранении прежнего значения данного фразеологизма или с частичным изменением в его семантике.

II. Фразеологические синонимы. В тюркологии фразеологическая синонимия наиболее глубоко исследована на материалах узбекского⁸ и башкирского⁹ языков. Фразеологические синонимы тувинского языка до сих пор не исследованы. Фразеологизмы — синонимы обозначают одно и то же явление действительности, но различаются друг от друга по лексическому составу. Фразеологические синонимы образуются на основе того или иного образа. Это их основное отличие от лексических синонимов. Такие фразеологизмы могут образовать в языке синонимический ряд. Так, например, со зна-

⁸ Ш. Рахматуллаев. Указ. соч., с. 22—50.

⁹ З. Г. Ураксин. Фразеологические синонимы в современном башкирском языке. Автореф. канд. дисс., Уфа, 1966.

ченнем «очень худой» употребляются следующие фразеологизмы: *дөрг сөөк* (букв. четыре кости), *кеш биле сөөк* (букв. кожа да кость), *көк хырын* (букв. синий желудок), *ине чипкен ыт ышкаш* (букв. словно собака, проглотившая иглу), *ээгизингэ эйт чыпшины мас* (букв. к ребру его мясо не прилипает); со значением «очень смелый»: *даш чүректиг* (букв. с каменным сердцем), *коргар чүрек чок* (букв. без боязливого сердца); *өлүр тынын билбес* (букв. не знающий, что жизнь смертна); со значением «бытовой, переживший многое»: *бажы каткан* (букв. с закаленной головой), *көрбээн чувези чок*, *көдүрбээн хөнээ чок* (букв. нет такой вещи, которую (он) не видел, нет такого чайника, которого (он) не поднимал); со значением «умереть»: *кызыл дустаар* (букв. отправиться за красной солью), *чорта бээр* (букв. тронуться верхом), *чок апаар* (букв. превратиться в ничто), *аза ораны баар* (букв. отправиться в страну чертей), *аъдының бажы хоя бээр* (букв. рванется (в сторону) голова его лошади), *узун уйгузун удүүр* (букв. уснуть долгим сном), *оран чазаар* (букв. украшать страну) и т. п. Синонимический ряд фразеологизмов со значением «умереть» выступает в роли эвфемизмов.

Фразеологизмы-синонимы, хотя и имеют общее значение, отличаются друг от друга оттенками, семантико-стилистическими свойствами. Таким образом, синонимичные фразеологизмы в конкретном контексте не всегда заменяют друг друга. Возьмем синонимический ряд со значением «сердиться, гневаться»: *өдү чарлыр* (букв. желчный пузырь его лопнет), *ишти сөктүр* (букв. нутро его распорется), *кызыл кыртыжы кыйбыңаар* (букв. шевелится его красная мездра), *чеди өкпези түрүп кээр* (букв. поднимутся его все семь легких), *хаайы саргарар* (букв. нос его становится желтым (от раздражения), *хаваан дүүр* (букв. морщить свой лоб). Из данных синонимичных фразеологизмов наибольшую степень раздражения обозначают *өдү чарлыр*, *ишти сөктүр*, *кызыл кыртыжы кыйбыңаар*, *чеди өкпези түрүп кээр*. Остальные фразеологизмы (*хаайы саргарар*, *хаваан дүүр*) по сравнению с предыдущими выражают обычное раздражение. Таким образом, последние два фразеологизма в данном синонимичном ряду отличаются от других оттенками значения, и поэтому они не могут заменять предыдущих фразеологизмов в контексте.

III. Фразеологические антонимы. Фразеологизмы современного тувинского языка, подобно лексическим единицам, вступают между собой в антонимические отношения. Исследование фразеологических антонимов позволяет более глубоко раскрыть сущность языковых явлений, показать системные отношения в фразеологизмах. Фразеологическими анти-

нимами мы называем фразеологизмы с противоположным значением.

В тувинском языке имеется большое число фразеологических антонимов. В структурном отношении их можно разделить на следующие две группы: 1) одноструктурные и 2) разноструктурные¹⁰.

Одноструктурные фразеологические антонимы включают в свой состав слова-антонимы, расположенные в одной и той же позиции: *ак сагыштыг* «добрый, честный» (букв. с белой душой) и *кара сагыштыг* «злой, коварный» (букв. с черной душой); *эриг баарлыг* «добрый, отзывчивый» (букв. печень его талая) и *доң баарлыг* «жестокий, бессердечный» (букв. печень его мерзлая); *балдыры дыңзыг* «богатый, живущий в достатке» (букв. поджилки его крепкие) и *балдыры кошкак* «бедный, живущий в нужде» (букв. поджилки его слабые).

Разноструктурные фразеологические антонимы отличаются друг от друга своим лексическим составом, а также синтаксической структурой: *бажы каткан* «бывалый, умудренный опытом» (букв. голова его закаленная) и *бажының сарыг сүү акпаан* «неопытный (по молодости)» (букв. сыворотка его головы еще не вытекла); *көзүнген будун тиртпас* «совершенно не обращать внимания, пренебрегать, игнорировать, в ус не дуть» (букв. не уберет свои вытянутые ноги (в знак неуважения перед кем-либо) и *изинге тейлээр* «бояться, заискивать, ломать щапку» (букв. молиться на чай-либо след). Г. Ц. Пюрбеев и Т. А. Бертагаев признают антонимичность подобных оборотов «только на семантической основе, ибо в их составе отсутствуют четко контрастирующие компоненты»¹¹. Однако А. М. Эмирова пишет: «Антонимические отношения во фразеологии базируются на противопоставлении прежде всего денотативных значений фразеологических единиц. Эмоционально-стилистическая коннотация большей части фразеологических антонимов совпадает и тем самым закрепляет их денотативную противоположность»¹². Данное утверждение А. М. Эмировой заслуживает внимания.

Многие фразеологические антонимы образуются положительной и отрицательной формой глагольного компонента в

¹⁰ О группировке антонимичных фразеологизмов на одноструктурные и разноструктурные см.: А. М. Эмирова. Об антонимических противопоставлениях в сфере фразеологии.— Вопросы семантики фразеологических единиц (на материале русского языка). Ч. I. Новгород, 1971, с. 171.

¹¹ Г. Ц. Пюрбеев, Т. А. Бертагаев. Антонимия слов и антонимия фразеологизмов в современном монгольском языке.— Труды Самаркандинского ун-та им. А. Навои. Новая серия, вып. № 178, «Вопросы фразеологии». III, Самарканд, 1970, с. 162—163.

¹² А. М. Эмирова. Указ. соч., с. 175.

их составе: *аас ажар* «говорить, высказать слово» (букв. открыть рот) и *аас ашлас* «не вымолвить ни слова, молчать» (букв. не открывать рот); *баш минир* «быть самостоятельным хозяином себе» (букв. знать свою голову) и *баш билинмес* «не распоряжаться самому собой, находиться в зависимом положении» (букв. не знать самому свою голову).

IV. Многозначность фразеологизмов. Многозначные фразеологизмы в современном тувинском языке представлены относительно мало.

У некоторых из них легко устанавливаются основные (первичные, исконные) и производные (переносные) значения. Так, например, устойчивое словосочетание «төре аралчырыр», сначала имело одно первичное значение «переродиться после смерти (согласно религиозной вере)». Впоследствии рассматриваемый фразеологизм приобрел переносное значение «умереть».

У ряда многозначных фразеологизмов трудно определить в настоящее время первичность одного из значений. Примеры: *аайын көөр* «1) съесть что-либо полностью, не оставляя другим; 2) украсть кого-что-нибудь; 3) убирать с дороги, убивать»; *өзү карарар* «1) поступить коварно, злоумышлять; 2) чувствовать сильный голод»; *бажын билир* «1) быть в силах, справляться с чем-либо; 2) иметь власть над кем-либо; 3) распоряжаться кем-, чем-либо»; *өлэйт* «1) новорожденный, маленький (о ребенке); 2) больной (или пьяный) в тяжелом (бессознательном) состоянии; 3) слабый, бессильный (обычно о человеке)». Все значения подобных фразеологизмов выступают на равных правах.

Многозначные фразеологизмы тувинского языка имеют, в основном, не более двух-трех значений, притом полисемия более характерна для глагольных фразеологизмов, чем для именных, тогда как Ш. У. Рахматуллаев, основываясь на данных узбекского языка, утверждает, что в нем очень широко распространена многозначность фразеологизмов, которые имеют от двух до семи значений¹³.

Итак, в исследуемом языке широко распространены фразеологическая вариантность, синонимия и антонимия. Многозначные фразеологизмы занимают в нем довольно скромное место, составляя значительно меньшую часть фразеологизмов. Перечисленными свойствами обладают как именные, так и глагольные фразеологические обороты.

¹³ См. Ш. Рахматуллаев. Указ. соч., с. 21.

М. Б. Мартан-оол

О СИНОНИМАХ В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ

В исследованиях по тувинскому языку значительное внимание уделяется вопросу о синонимах¹. В монографии Б. И. Татаринцева «Синхронное изучение смысловых связей слов в тувинском языке» отведен специальный раздел явлению синонимии рассматриваемого языка².

В настоящей статье делается попытка, опираясь на имеющиеся работы по тувинскому и другим языкам, выделить основные группы синонимов в тувинском языке, различающиеся по определенным признакам, и наметить задачи дальнейшего их изучения.

«Синонимы — слова, близкие или тождественные по своему значению, обозначающие одно и то же понятие, но отличающиеся друг от друга либо оттенками значения, либо стилистической окраской, либо обоими признаками»³. Они дают возможность наиболее полно и четко отражать события и явления окружающего мира, общественной жизни, служат для уточнения мысли и избежания повторов в речи.

Синонимы объединяются единством обозначаемого понятия и образуют синонимические ряды — двучленные или много-

¹ К. Х. Оргүн. Тыва дыл. Кызыл, 1960, с. 18—19; Д. А. Монгуш, Ш. Ч. Саг. Совет үеде тыва дылдың хөгжүүлдөзү. Кызыл, 1967, с. 67—70; М. Д. Биче-оол. Тыва чугаа культуразы. Кызыл, 1970, с. 25—24; Ш. Ч. Саг. Формирование и развитие тувинского национального литературного языка. Кызыл, 1973, с. 113—114, 120—122; Б. И. Татаринцев. Русские лексические заимствования в современном тувинском языке. Кызыл, 1974, с. 54—63.

² Б. И. Татаринцев. Синхронное изучение смысловых связей слов в тувинском языке (рукопись), Кызыл, 1974, с. 150—175.

³ А. А. Уфимцева. Некоторые вопросы синонимии. В кн.: Лексическая синонимия. М., 1967, с. 28.

точленные⁴. Например, *доораар*, хээр «резать на куски, крошить»; *кочуургак*, *шоодургак*, *кыжырымак* «насмешливый»; *чазыг*, *алдаг*, *алдагдал*, эндең «ошибка, оплошность».

Синонимичными могут быть слова только одной части речи, как знаменательной, так и служебной⁵. Например, глаголы: *дескинер*, *долганыр* «кружиться, вращаться»; существительные: *доктар*, *моондак*, *боогдал*, *шаптык*, *шаптараазын* «препятствие»; междометия: *халырт* — *хулурт*, *халыр* — *хилир* — звукоподражание частому шуршанию, шелесту; союзы: *ынчанымыже*, *ынчалза-даа*, *ынчалзажок* «но, однако» и т. д.

В пределах одного синонимического ряда могут быть разнокорневые или однокорневые слова⁶, сложные слова и фразеологические обороты. Например: *сактыр*, *бодаар*, *баш ыжар* объединяются значением «думать, вспоминать». Первые два синонима — разнокорневые слова, а фразеологизм *баш ыжар*, буквально обозначающий «голова распухает», указывает на продолжительность действия и даже его безрезультатность. Далее, слово *ыятлас*, сочетание *ыят чок* и фразеологизмы *ыядыр арын чок*, *кызыл арын чок* обозначают понятие «бессовестный». Фразеологизмы дословно переводятся «нет у него стыдливого или красного лица» и в значении содержат оттенок порицания.

Фразеологическое сочетание, вступая в синонимические связи с отдельным словом по выражаемому общему понятию, отличается яркой образностью, эмоциональной насыщенностью и в то же время обычно уточняет, конкретизирует данное семантическое содержание⁷.

Однокорневые слова с разными аффиксами, не выражающими никакой лексико-семантической дифференциации, являются не синонимами, а вариантами одного слова⁸. Так, в тувинском языке однокорневые слова с аффиксами *-лга* и *-ышкын* часто являются вариантами одного слова. Например, *дамчыдылга*, *дамчыдышкын* «передача»; *оралдажылга*, *оралдажышкын* «попытка, стремление»; *өдекшидилге*, *өдекшидипшик* «унавоживание»; *өскертилге*, *өскертишик*, «изменение, перемена» и т. д.

⁴ Н. М. Шанский. Лексикология современного русского языка. М., 1972, с. 84.

⁵ М. Ф. Палевская. Синонимы в русском языке. М., 1964, с. 33.

⁶ Некоторые исследователи считают, что синонимичны только разнокорневые слова. См.: Р. П. Рогожникова. Соотношение вариантов слов, однокорневых слов и синонимов. В кн.: Лексическая синонимия. М., 1967, с. 159.

⁷ Г. З. Ураксин. Фразеологические синонимы в современном башкирском языке. Автореф. канд. дисс. Уфа, 1966, с. 7.

⁸ С. Г. Бережан. О синонимичности однокоренных слов с разной аффинсальной частью. В кн.: Лексическая синонимия. М., 1967, с. 143.

В любом языке наблюдаются такие синонимы, которые в настоящее время не различаются ни по семантике, ни по стилистическому употреблению. Это так называемые абсолютные синонимы или, по определению Н. М. Шанского, лексические дублеты⁹. Абсолютные синонимы малочисленны. Наличие их признается нежелательным в научной терминологии. Некоторыми исследователями предпринимаются попытки квалифицировать их¹⁰.

Абсолютные синонимы в тувинском языке образуют две группы.

1) Исконно разнокорневые слова данного языка, тождественные в значении. Например, *сөглээр*, *чугаалаар* «сказать, говорить»; *аажок*, *кончуг*, *дыка*, *хөлчок* «очень, весьма»; *мацнаар*, *чүгүрер* «бежать»; *өскээр*, *чоктаар* «идти или ехать вверх по реке»; *далдаар*, *холуур* «быть разборчивым»; *аажы*, *чаң*, *аажы-чаң* «нрав, характер»; *ажынаар*, *хорадаар* «сердиться»; *амыраар*, *өөрүүр* «радоваться»; *аарыган*, *аарычал* «восприимчивый к заболеваниям» и т. д.

2) Исконные слова и заимствования из монгольского и русского языков, имеющие общую семантику. Заимствования из этих языков — это в основном термины. Они входят в состав парных лексем, вторая из которых — часто исконное слово. Например: *изложение*, *эдертэг* «изложение» (письменная работа); *классификация*, *белүктээшикн*; *ажыл* (монг. *ажил*), *иши* «работа, труд»; *точка*, *улуг сек* (монг. *цэг*) «точка» (знак препинания); *оран* (монг. *орон*), *чүрт* «страна».

В разговорной речи некоторые русизмы также выступают абсолютными синонимами к словам тувинского языка. Например, *доска*, *самбыра*; *урок*, *кичээл*; *комнат(а)*, *өрээл*; *ручка*, *демир-үжүк*.

По нашему мнению, тувинский язык на современном этапе своего развития имеет сравнительно много абсолютных синонимов, даже в области терминологии. Это объясняется, видимо, специфическими условиями его развития (заимствование большого количества слов из других языков, влияние отдельных говоров на формирование единого общенародного языка и т. д.). Этот вопрос требует специального исследования на большом фактическом материале.

Абсолютная синонимия некоторыми учеными рассматривается как временное явление в языке, так как между отдельными ее компонентами могут возникнуть семантические отличия. А. В. Лагутина пишет по этому поводу: «В боль-

⁹ Н. М. Шанский. Указ. соч., с. 56.

¹⁰ А. В. Лагутина. Абсолютные синонимы в синонимической системе языка. В кн.: Лексическая синонимия. М., 1967, с. 121—129.

шинстве случаев лексическая пара, как пара слов, лишенных каких бы то ни было различий в процессе развития языка, претерпевая семантико-стилистические сдвиги, нарушается¹¹. Например, *революция, хувискаал* (устаревшее, далее — уст.) ; *партия, нам* (уст.) и т. д.

Таким образом, абсолютные синонимы при своей немногочисленности в языках, возможно, имеют еще тенденцию переходить в разряд обычных синонимов.

Как было указано выше, синонимами обычно считаются слова, выражающие одно и то же понятие и отличающиеся друг от друга либо оттенками значений, либо стилистической окраской, либо обоими этими признаками¹². Однако понятие оттенка значения (или смыслового оттенка) еще не раскрыто¹³. Некоторые исследователи понимают под ним лишь стилистическое различие между компонентами синонимического ряда. Так, С. Г. Бережан пишет: «Об оттенках правомерно говорить только в стилистическом плане»¹⁴.

В ряде работ на материалах конкретных языков оттенковые различия между компонентами синонимических рядов даются в суммированном виде и распределяются по следующим признакам¹⁵: 1) по степени проявления признака или интенсивности действия; 2) по стилистической окрашенности; 3) по сочетаемости с другими словами; 4) по употребительности.

1. Степень проявления признака или интенсивности действия. Например, слова *кырган, чөнүк, ушпа* и фразеологизм *хүнүн манаан, хүүрээн даянган* (буквально «опершийся на лопату, ждущий дня своего») указывают на преклонный возраст человека. Но все они, кроме первого, обозначают «престарелый», «дряхлый», а *кырган* — «старый, пожилой», т. е. менее старый. Прилагательные *дидим, чүреккир* и фразеологизм *даш чүректиг* объединены значением «не испытывающий страха». Но фразеологизм *даш чүректиг*, буквально обозначающий «с каменным сердцем», указывает на отчаянную смелость. Слова *чылыг, бүлээн, чылбай, чылыг-чылбай* указывают на умеренную температуру жидкости, которая, согласно расположению синонимов, посте-

¹¹ А. В. Лагутина. Указ. соч., с. 124.

¹² См. еще: Ю. Д. Апресян. Проблема синонима.—«Вопросы языко-знания», 1957, № 6, с. 85.

¹³ Там же.

¹⁴ С. Г. Бережан. К семасиологической интерпретации явления синони-ма. В кн.: Лексическая сплошь. М., 1969, с. 53.

¹⁵ В. Н. Клюева. Краткий словарь синонимов русского языка. М., 1956, с. 5—6; Н. М. Шанский. Указ. соч., с. 53; В. И. Рассадин. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971, с. 136; З. Г. Ураксин. Указ. соч., с. 5—11; М. Ф. Палевская. Указ. соч., с. 20—21.

пенно снижается. Глаголы *ыглаар* «плакать», *мөөрээр* «реветь, громко рыдать» и *алгырап* «кричать», *кынкырап* «пронзительно кричать, вопить» являются синонимичными; но вторые члены этих пар отличаются большей интенсивностью действия и содержат оттенок осуждения.

2. Стилистическая окрашенность (эмоционально-экспрессивное качество). В разговорной речи и, особенно, в художественной литературе слова просторечные или высокого стиля и эвфемизмы выступают в качестве синонимов к стилистически нейтральным словам. Например: *чиш* (нейтральное слово, далее нейтр.), *чооглаар* (слово высокого стиля, далее выс.) «есть»; *олурар* (нейтр.), *саадаар* (выс.) «сидеть»; *аазатпай* (нейтр.), *аазатпаяк* (пренебр.) «разиняя»; *сааттыг* (нейтр.), *дакпырлыг* (разговорное, далее разг.), *ижинниг* (разг.), *чоон* (разг.) «беременная». Эвфемизмы представляют собой слова, заменяющие названия зверей, животных или явлений, которые носители языка желают избегать в речи¹⁶. Например, *адыг* (нейтр.), *хайыракан* (евфемизм, далее эвф.), *чөр кулак* (евф.), *чоорганныг* (разг.), *ирий* (разг.), *чааш* (диалектное, далее диал.), *мажаалай* (шутливое) «медведь»; *бөрү* (нейтр.) *коккай* (евф.), *кызыл карак* (евф.), *көк улдурук* (разг.), *коккаарак* (бранистое слово) «волк»; *чылан* (нейтр.), *улуг или узун курт* (евф.), *сүүккалдар* (евф.) «змея»; *өлүр* (нейтр.), *чортар* (разг.), *бурганнаар* (евф.) и фразеологизмы: *кызыл дустаар*, *улуг уйгузун удуур*, *аъзының бажы хояр*, *чок анаар* «умереть».

Исследование стилистической синонимии находится в непосредственной зависимости от дальнейшего изучения стилей в тувинском языке.

3. Способность слова вступать в сочетание с другими словами. Различие в оттенке значений между компонентами синонимического ряда заключается еще в том, что они вступают в сочетание с разными словами¹⁷. Так, прилагательные *алгыг* и *делгем* объединены общим значением «широкий». В то же время первое из них обозначает признак с точки зрения соответствия определенному размеру, стандарту, а второе — с точки зрения пространности. Поэтому они сочетаются с определенными существительными: *алгыг тон* «широкое пальто» и *делгем хову* «широкая степь». Ср. также глаголы *доораар*, *хээр* «резать на куски, крошить»: *ээт доораар* «резать мясо на мелкие куски».

¹⁶ См. об этом Е. Таубе. Zum Problem der Ersatzwörter im Tuwinischen des Cengel-sum.—Schriften zur Geschichte und Kultur des alten Orients, 5. Berlin, 1974, S. 593.

¹⁷ Р. П. Лагутина. Указ. соч., с. 160—161.

согуна доораар «крошить лук», но *пэстү хээр* «резать на лоскутки ткань».

4. Степень употребительности. В лексике любого языка многие ранее употребительные слова исчезают из активного запаса или приобретают другое значение в связи с исчезновением обозначаемых понятий и развитием литературного языка. Поэтому некоторые компоненты синонимических рядов становятся архаизмами. Например, *сайыт* (уст. монг. сайд) и *министр*; *яамы* (уст. монг. яам(ан)) и *министрство*; *эречей сайыт* (уст.) и *премьер-министр*; *хурал* и *хуралдаа* (уст.) «собрание»; *даштыкы* и *кадагааты* (уст.) «заграничный»; *хайлыг* и *хүрүмнүг* (уст.) «к сожалению» и т. д. Однако часть устаревших слов до сих пор широко употребляется в разговорной речи и в художественной литературе. Например, *сайыт* «министр», *яамы* «министрство» и т. д.

Следует отметить, что в тувинской разговорной речи и художественной литературе вместо слов, признанных литературно нормированными, часто употребляются слова, считающиеся диалектными. Например, *хөнек*, *доңгуу* (диал.) «чайник»; *чаавай*, *ченгей* (диал.) «жена брата»; *одаар*, *оттулар*, *оккулар* (диал.) «затопить»; *дииц*, *сырбык* (диал.) «белка». Такой замене подвергаются обычно те слова, которые сами до недавнего времени были диалектными и еще не стали достоянием всех носителей тувинского языка. Фактически они вместе с диалектными словами составляют в настоящее время синонимические ряды. Этот вопрос также ждет своего дальнейшего исследования.

Изучение синонимов в тувинском языке имеет большое практическое значение, в частности, для составления полноценных двуязычных и толкового словарей, для создания пособий по преподаванию родного языка в школе. Оно тесно связано с вопросами создания литературной нормы, с разработкой системы терминологии и т. д. Перед языковедами стоит задача глубоко исследовать синонимы в свете общей теории лексикологии и создать научные труды, в частности, словарь синонимов тувинского языка.

Б. И. Татаринцев

К ВОПРОСУ ОБ ОДНОЗНАЧНЫХ СЛОВАХ ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА И ИХ ОТРАЖЕНИИ В ЛЕКСИКОГРАФИИ

Однозначность (моносемия) слова есть его семантическая одноплановость, закрепленность за звуковым комплексом лишь одного устойчивого лексического значения¹. Как языковое явление, моносемия противопоставляется полисемии, или многозначности². Эти языковые явления противоположны и по степени их распространения в лексическом составе. В частности, полисемия «имеет больше оснований считаться общим правилом», нежели моносемия, так как «монозначные слова (если не считать терминов, которые надо изучать отдельно) довольно редки»³. По данным Р. А. Будагова, основанным на показаниях соответствующих толковых словарей, в русском и ряде других индоевропейских языков около 80% составляют слова многозначные⁴. Правда, относительно количественной оценки однозначных слов в конкретных языках высказываются и прямо противоположные суждения. Отдельные исследователи считают, например, что однозначность присуща половине или даже большей части словарного соста-

¹ См.: Д. Н. Шмелев. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964, с. 96—97.

² Ю. Д. Апресян. О регулярной многозначности.—«Известия АН СССР. Серия литературы и языка», 1971, т. XXX, вып. 6, с. 514.

³ В. А. Звегинцев. Теоретическая и прикладная лингвистика. М., 1968, с. 116. К этому следует добавить, что, по имеющимся данным, в любой специальной терминологии встречаются термины-синонимы и многозначные термины. См.: Функциональный стиль общенационального языка и методы его исследования. М., 1974, с. 26.

⁴ Р. А. Будагов. Человек и его язык. М., 1974, с. 117.

ва современного русского языка (по Ф. П. Филину, 62%)⁵. Однако такие показатели, скорее всего, носят преувеличенный характер, что обуславливается определенными недостатками лексикографических изданий (или их частей), на основе материалов которых были произведены эти подсчеты⁶.

В связи со сказанным следует отметить, что имеющиеся словари, как однозычные толковые, так и двузычные, в силу своих специфических особенностей или недочетов, касающихся, в частности, толкования значений слов (о чем будет более подробно сказано ниже), нередко создают преувеличенное представление о количестве именно моносемантических слов. Это в особенности относится к лексикографическим изданиям, имеющим небольшой объем и, весьма вероятно, что в них большинство лексем предстанет в качестве однозначных, как, например, в современном «Тувинско-русском словаре» (ТРС). Поэтому на основе его показаний преждевременно делать вывод о семантической одноплановости, однозначности основной части лексического фонда современного тувинского языка. Внести ясность в этот вопрос может лишь специальное исследование, основанное на анализе весьма обширного материала и невозможное без дальнейшего развития словарной работы на материале рассматриваемого языка. В данной же работе представляется актуальным рассмотреть некоторые вопросы, связанные с различием моносемии и полисемии среди имен и глаголов, где разграничение этих явлений представляет определенную сложность, а также с их адекватным отражением в лексикографии, что в определенной мере диктуется практической необходимостью.

1

Решая вопрос о том, многозначными или однозначными следует считать те или иные слова, необходимо учитывать особенности как их семантики, так и реализации в том или

⁵ См.: С. Н. Муране. Моносемантические слова в словарном составе современного русского языка. Автореф. канд. дисс. М., 1972, с. 5.

⁶ В частности, вывод о том, что 62% слов современного русского языка — однозначны, основывается, главным образом, на данных **первых томов** 17-томного «Словаря современного русского литературного языка» (далее — ССРЛЯ) (буквы А, Б, В, Н, из которых только последняя составляет исключение), где слова располагались гнездовым способом. А это, как отмечали впоследствии сами составители словаря, «понизило его ценность как издания справочного характера», а также «отрицательно повлияло на разработку многих отдельных слов, обеднив возможность их смысловой характеристики, лишив целые категории слов определений их значений...». Выявление этого недостатка (наряду с другими) привело к отказу от инструкции, на основе которой словарь первоначально составлялся; и разработке новой. См.: Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка». М.—Л., 1958, с. 3.

чном окружении. При однозначности толкование значения слова не зависит от контекста и речевой ситуации (если оно, конечно, не является связанным). Поэтому, каким бы ни было окружение слова, это толкование всегда остается одним и тем же и является тождественным таковому в изолированном положении. При этом не должно существовать какого-либо другого контекста или речевой ситуации, в которых значение слова (а соответственно и толкование этого значения) было бы отличным от исходного, так как в противном случае мы имеем дело уже не с одним, а, как минимум, с двумя лексико-семантическими вариантами (ЛСВ), т. е. многозначным словом.

Сопоставляя однозначные слова тувинского языка, соответствующие указанным выше условиям, с материалами тех языков, где моносемия уже служила объектом анализа, можно прийти к заключению, что, по-видимому, повсеместно прослеживается связь между семантической одноплановостью слов (абсолютной моносемией) и их принадлежностью к определенным тематическим группам лексики⁷. В частности, наиболее многочисленную группу однозначных слов и в рассматриваемом языке составляют собственно термины⁸, хотя в нем, как в языке младописьменном, с его специфическими чертами (например, с ограниченностью сфер разрабатываемой терминологии)⁹, доля терминов среди однозначных слов, несомненно, является меньшей, чем в языках, имеющих длительную письменную традицию. Кроме того, однозначность присуща большинству названий животных, растений, людей (по их профессии, социальному положению и т. п.), предметов домашнего обихода, орудий, транспортных средств, музыкальных инструментов, минералов, водоемов, форм земной поверхности, мер¹⁰, а также различных предприятий и учреждений, хотя моносемия характеризует, как правило, не все слова, входящие в эти группы.

Вместе с тем, имеются тематические группы слов, для которых в других группах языков характерна моносемия (названия частей тела, одежды, строений)¹¹, тогда как в тувинском языке эти слова, как правило, многозначны. Так, многие слова, служащие названиями частей тела, обозначают также

⁷ См.: И. В. Арнольд. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования. Л., 1966, с. 39—41; С. Н. Муране. Указ. соч., с. 8.

⁸ И. В. Арнольд. Указ. соч., с. 40.

⁹ Н. А. Баскаков. Современное состояние терминологии в языках народов СССР. Сб. Вопросы терминологии (материалы Всесоюзного терминологического совещания). М., 1961, с. 57.

¹⁰ И. В. Арнольд. Указ. соч., с. 41; С. Н. Муране. Указ. соч., с. 8.

¹¹ С. Н. Муране. Указ. соч., с. 8.

географические объекты (или их части) (тей «макушка головы, холм, сопка», баш «голова; верховье реки, исток; вершина (горы)», бут «нога; отрог горного хребта» и т. д.), а названия строений, одежды и их частей часто объединяют названия традиционных и современных форм одежды и жилища (и, соответственно, их отдельных компонентов). Ср., в частности, дээвчир «войлочная кровля юрты; потолок (в доме)», хана «решетка юрты, стена», магана «столб, которым подпирается круг дымового отверстия юрты; колонна»; тон «национальная верхняя одежда; шуба; пальто», идик «национальная обувь; обувь (общее название)» и т. п.

Помимо этого, отдельные языки или группы языков имеют в своем составе специфичные для них тематические группы, состоящие в основном из однозначных слов, каковыми для тувинского языка являются названия животных (как домашних, так, отчасти, и диких) по полу и возрасту¹². Моносемия характеризует также многие, особенно поздние русские лексические заимствования современного тувинского языка¹³.

Как установлено исследователями, однозначность или многозначность слов определенным образом связана с их морфологической структурой. Тенденция к однозначности характеризует, в частности, многоморфемные (в плане синхронии) слова и объясняется тем, что «ясная мотивированность способствует изоморфизму содержания и формы языкового знака и препятствует образованию новых значений»¹⁴. Отмечается наличие лексической однозначности у сложных и сложносокращенных слов, а также аббревиатур¹⁵. Эти положения нуждаются в конкретизации применительно к рассматриваемому языку. В частности, в нем большинство сложносокращенных слов и аббревиатур представляет собой русские заимствования¹⁶, которые являются однозначными, подобно их прототипам. Однозначны и многие композиты (сложные слова), особенно аналитические образования. Этому содействуют их структурные особенности: большинство этих на-

¹² См., в частности, примеры в следующих работах: Л. П. Потапов. Очерки народного быта тувинцев. М., 1969, с. 318 и след.; З. Б. Чадамба. Тоджинский диалект тувинского языка. Кызыл, 1974, с. 63—64, 65.

¹³ См. об этом: Б. И. Татаринцев. Русские лексические заимствования в современном тувинском языке. Кызыл, 1974, с. 77 и след.

¹⁴ Н. М. Владер. К вопросу о лексико-стилистической дифференциации словарного состава современного английского языка. Автореф. канд. дисс. М., 1963.

¹⁵ Н. П. Савельева. К вопросу о лексической моносемии слов. В кн.: Актуальные проблемы лексикологии. Тезисы докладов лингвистической конференции. Новосибирск, 1967, с. 119.

¹⁶ Б. И. Татаринцев. Указ. соч., с. 68—70.

именований восходят к определительным сочетаниям (часто переосмысленным), представляя собой как бы краткое описание обозначаемой реалии¹⁷, носящей, как правило, конкретный, предметный характер. Ими являются, в частности, названия животных, растений, минералов и других объектов, также образующие тематические группы слов, характеризующихся значительным распространением однозначности: *кара-куш* «глухарь» («черная птица»), *кызыл-хөрек* «снегирь» («красная грудь»), *чылан-сырты* «заячья капуста» («изголовье змеи»), *кыяр-сиген* «осока» («режущая трава»), *чонардаш* «агальматолит» («камень, который строгают»), *даг-дүгү* «асбест» («шерсть горы») и т. п.

Сложней обстоит дело с производными словами. Наиболее многоморфемными из них являются глаголы в различных залоговых формах и образованные от последних имена. Однако, как показал анализ таких глаголов, у многих из них наблюдается появление значений, отсутствовавших в исходных формах, и мы имеем в них дело с дальнейшим развитием многозначности, а не с однозначностью, и никакого изоморфизма между числом морфем и числом значений слов здесь не прослеживается.

Однако в ряде конкретных ситуаций число ЛСВ в производных словах может быть меньшим, чем в их производящих корневых словах, и доходить до минимума. Это наблюдается, когда производное образуется или от однозначного слова, или на основе слова многозначного, но не со всем комплексом его ЛСВ, а только с единичными (как правило, основными) значениями, и при этом у производного слова не появилось других, дополнительных ЛСВ или в нем не развилась многозначность впоследствии. Высокая степень однозначности характеризует, например, следующие группы производных слов.

1) Отмыенные глаголы, образованные от названий конкретных материальных объектов¹⁸ и имеющие такие обобщенные значения, как «охотиться на какого-либо зверя», «действовать каким-либо орудием», «играть во что-либо» (или «играть на чем-либо») и, в меньшей мере, некоторые другие¹⁹.

2) Производные существительные с конкретной семантикой, образуемые, в частности, при помощи словообразовательных формантов -*кы*: *аскы* «вешалка» (*ас* «вешать»), *хыргы* «скребок» (*хыр-* «скоблить, соскабливать»); -*кыши*:

¹⁷ Д. А. Монгуш, Ш. Ч. Саг. Совет үеде тыва дылдын хөгжүлдээз. Кызыл, 1967, с. 55 и след.

¹⁸ См.: Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмба. Грамматика тувинского языка. М., 1961, с. 258—260.

¹⁹ Там же.

эшкүши «весло» (эш- «грести (веслами); сгребать (например, снег лопатой)»), чөлбүши «веер» (чөлби- «веять»); -чи и -кы: аңчи «охотник» (аң «зверь»), арагачы «пьяница» (арага «арака (молочная водка); всякий спиртной напиток»), номчукчу «читатель» (номчу- «читать»), кылсыкчы «поджигатель» (кылыс- «зажигать; разжигать, поджигать») и др. Однако в подобных случаях однозначность, по-видимому, связана не только с многоморфемностью слов, но и с их тематической характеристикой: они входят в группы названий предметов домашнего обихода и людей (по их занятиям), которым, как указывалось, присуща однозначность.

3) Отлагольные существительные со значением процесса действия: чырыдыышын «просвещение» (чырыт- «светить; освещать (прям. и перен.); просвещать»), бастырылга «молотьба» (бастыр- «быть задавленным; быть подавленным; быть заваленным (работой); молотить»), аңдарылга «вспашка» (аңдар- «переворачивать; опрокидывать, выворачивать наизнанку; пахать») и т. д.

Рассмотрение однозначных слов приводит к выводу, что ими среди слов, относящихся к основным частям речи, являются, большей частью, имена существительные с конкретной семантикой и производные от них глаголы. Кроме того, многие из этих слов характеризуются ограниченной употребительностью. Не случайно поэтому, что среди них немалое место занимают как неологизмы (в том числе недавние заимствования), так и, наоборот, названия устаревших реалий, утративших свою актуальность: барындак «кусок материи для завертывания священных книг», сандан «сандал», думаалай «свадебное головное покрывало (у невесты)», чоос «монета (médная)», сам «религиозный танец-пантомима буддийских монахов» и т. п.

В противоположность однозначным словам, многозначные относятся к наиболее употребительной части словарного состава языка. Как и однозначность, полисемия характеризуется наличием тематических групп слов, где она проявляется в наибольшей степени, занимая иногда «монопольное» положение. Слова с наибольшим числом значений употребляются среди глаголов (в основном корневых), что связано, вероятно, с большей синтагматической активностью, употребительностью этой части речи (по сравнению, например, с именами), пред назначенной для выражения действий, состояний, отношений и т. д.

Наиболее многозначными оказываются корневые глаголы, основные ЛСВ которых обозначают действие, носящее, с одной стороны, обычный, общеупотребительный, а с другой — активный характер. Такими являются, в частности, действия,

связанные с перемещением субъекта в пространстве (*үнэр* «выходить», *кирер* «входить», *дозар* «выходить навстречу», *дужер* «спускаться, сходить»), воздействием на объект действия (*аңдарар* «перевертывать, опрокидывать», *базар* «давать», *долгаар* «крутить, вертеть», *тыртар* «тянуть»), а в их числе — действия, носящие конструктивный (*салыр* «класть», *тудар* «держать, строить») и деструктивный характер (*үзер* «рвать, разрывать», *чарар* «колоть, раскалывать», *бузар* «ломать»), а также действия, вообще выражающие активность, энергию: *тевер* «пинать», *кагар* «бить», *хөөрээр* «бурлить», *чаштаар* «лететь, разлетаться».

Среди подобных глаголов практически не отмечается однозначных, и вообще для тех областей лексики, которым присуща развитая многозначность, моносемия не характерна, и в этом смысле сферы распространения рассматриваемых явлений разграничиваются довольно четко. Более характерно обратное: в тематических группах, характеризующихся наибольшим распространением моносемии, встречаются и многозначные слова (правда, с ограниченным числом ЛСВ). Так, хотя названия животных в тувинском языке в основном однозначны и в нем существует система специализированных названий для особей мужского и женского пола, но встречаются и случаи, когда в одном слове объединены общее название животного и название его самца или самки, что уже выходит за пределы смысловой одноплановости: *булан* 1) «лось» (общее название); 2) «самка лося, лосиха», *сыык* 1) «марал» (общее название); 2) «марал-самец». Однозначность встречается и среди названий мер: *кулаши* 1) «маховая сажень»; 2) «два кубометра», *кил* разг. 1) «килограмм»; 2) «вес (общее название)».

Имеются и такие тематические группы, из которых однозначной является только часть входящих в нее слов. Например, среди названий растений однозначны, главным образом, те, которые не приносят съедобных плодов, поскольку в тувинском языке (как, по-видимому, и в ряде других) наблюдается полисемия, при которой в одном случае часто совмещается наименование самого растения и его плода.

2

За пределами относительно определенных тематических групп в лексикографических изданиях чаще всего можно встретить не реальную, а минимую моносемию, отражающую не действительно существующие особенности содержательной стороны слова (в частности, наличие в нем не одного, а большего количества значений), а неполноту информации о смысловой структуре слова, что, в свою очередь, связано либо с

анализом лишь части его контекстуальных употреблений, либо с не совсем удачным толкованием его семантики.

Как показывает ТРС, в случаях первого типа за единственное значение слова принимается, главным образом, его основной ЛСВ, наиболее частотный и выявляемый в наибольшем числе словоупотреблений. При этом не учитывается существование значений, основанных на переносе наименований. Так, у слова эът отмечено лишь значение «мясо», но в это толкование не укладывается его другой ЛСВ, выявляемый в специфических контекстуальных реализациях, где эът, подобно слову мага-бот, может быть истолковано как «тело (человеческое)». Ср. выражение типа хэйлең эътке чыпшинар «рубаха прилипает к телу». Это же значение реализуется в устойчивых сочетаниях вроде эъди чүурлур «чувствовать боль в теле (после тяжелой физической нагрузки)», эът изиир «ловушаться (о температуре тела)», эът соор «становиться холодным, холодеть (от страха)». Ср. также фразеологическое единство эът аарыыр «испытывать родовые схватки (о женщине)» (буквально: «болеть (о теле)»).

Другие подобные примеры: эрбенинг «щербатый, щершавый (напр., о языке)», имеющее также переносное значение «колкий, с подковыркой», «язвительный (о словах)» и хөлөгө, у которого отмечено только значение «тень», но оно может означать и «изображение (чаще всего фотография)».

Впечатление однозначности слова может создать и использование в качестве толкования (перевода) многозначного слова, часть ЛСВ которого соответствует отдельным значениям истолковываемого слова. Так, дыгый переводится как «плотный, туго набитый». Этот ЛСВ реализуется в определительных сочетаниях типа дыгый шоодай «туго набитый, полный мешок». Однако слово плотный может означать также и «состоящий из предметов или частиц, близко расположенных друг к другу»²⁰, причем этот вариант имеется и у тувинского дыгый. Ср., в частности, дыгый булуттар «плотные облака», дыгый кидис «плотный войлок», дыгый сиген «плотное (слежавшееся) сено».

Слово долу также переведено многозначным русским словом *полный*, но практически оно означает и «содержащий в себе столько, сколько может вместить» (аяк долу сут «полная чашка молока»), и «проявляющийся вполне, в полной мере, не частично» (этот вариант реализуется в качестве первого компонента аналитических наименований (*долу эргелиг* «полноправный», *долу метражтыг* «полнометражный» и т. д.).

Минимальная однозначность может иметь и еще один источник

²⁰ См.: ССРЛЯ, т. 9, стр. 1435—1436.

своего появления: представление одного многозначного слова в виде двух (а иногда и более) однозначных слов — омонимов. Примеры такого рода довольно многочисленны, и, что немаловажно, в лексикографических изданиях такая тенденция весьма распространена. В указанном плане разграничение полисемии и омонимии представляет собой одну из сложных проблем лексикологии и лексикографии, разрешению которой посвящен ряд работ²¹. Как признается в настоящее время многими исследователями, омонимия проявляется в отсутствии у сопоставляемых ЛСВ общих смысловых компонентов, тогда как, наоборот, наличие таковых свидетельствует о многозначности²².

Приводимое положение действительно позволяет разграничить данные языковые явления в целом ряде конкретных случаев, в силу чего, в частности, многие однозначные омонимы могут быть представлены в качестве многозначных слов. Ограничимся несколькими примерами из ТРС, где в виде двух омонимов представлены *дук* I «волосы; шерсть» и *дук* II «шелуха, наружный покров зерна», *шүур* I «фильтр; шумовка» и *шүур* II «частый гребень», в семантике которых имеются общие компоненты. В первом случае речь идет о наружном (внешнем) покрове, имеющем характер составного целого, которое расчленяется на отдельные однородные элементы, относительно легко снимается и т. д.; а во втором — о названиях бытовых приспособлений, предназначенных для пропускания через них некой неплотной, поддающейся расчленению массы и служащих для ее очищения.

В отдельных случаях число ЛСВ может быть больше двух. Ср. *чаак* I «щека», *чаак* II «первый, прибрежный лед (появляющийся при осенних заморозках)» и *чаак* III «косяк двери», значения которых объединены наличием общего признака, условно формулируемого как «объект, находящийся сбоку, в стороне, не в центре другого объекта или составляющий боковую сторону последнего».

3

Вопрос о разграничении многозначности и однозначности возникает и в условиях явно полисемантического слова, когда необходимо выяснить, один или два ЛСВ имеется в той

²¹ Наиболее подробный их обзор см. М. И. Задорожный. О границах полисемии и омонимии, М., 1971.

²² См., в частности: М. И. Задорожный. Указ. соч., с. 28 и след.; Н. И. Супрун. Омонимия и ее соотношение с полисемией в современном немецком языке. Автореф. канд. дисс. Калинин, 1969, с. 20; Р. Н. Шалунц. Омонимы в современном армянском языке. Автореф. канд. дисс. Ереван, 1972, с. 3.

или иной конкретной ситуации. В многозначных словах разграничение указанных явлений связано, в сущности, с проблемой определения границ между ЛСВ, причем в лексикографических изданиях нередко одно значение представляется в виде двух и более. Это наблюдается, в частности, в двухязычных словарях и, по-видимому, во многом связано с их спецификой²³, но дробность в представлении семантической структуры многозначных слов характерна не только для них, что следует учитывать, в частности, в работе по составлению толкового словаря.

В таких случаях указанный вопрос может быть решен «в пользу однозначности» при условии, что толкования значений будут тождественны (синонимичны) или очень близки друг другу и им соответствует однородный контекст. Так, в ТРС переводы первых двух значений слова *калбарар* выглядят следующим образом: 1) прям. и перен. «шириться, расширяться, распространяться»; 2) перен. «развертываться». Оставив в стороне основное, прямое значение глагола и рассмотрев переносные (1) и (2), можно убедиться, что фактически они составляют единое значение: «шириться, приобретать размах, масштабность (об общественных явлениях)». Ср. примеры *чарыш калбарар* «развертывается (ширятся) соревнование», *шүгүмчүлөл калбарар* «развертывается (ширятся) критика», *ажыл калбарар* «развертывается (ширятся) работа» и т. д.

В том же плане следует рассматривать и другие слова, имеющие общую понятийную основу. В частности, весьма многочисленные переводы слова *баш* «голова» в части из его переносных значений могут быть представлены в виде следующих ЛСВ: 1) «конечная, более узкая часть (в основном нижняя) органов тела» (*дүмчүк бажы* «кончик носа», *салаа* (эрек) *бажы* «кончик пальца», *бут бажы* «носок ноги»); 2) «конечная (чаще нижняя) часть небольших по размеру предметов» (*бижек бажы* «острие ножа», *карандаш бажы* «(заостренный) кончик карандаша», *дулгуур бажы* «бородка ключа», *оттүг ыяш бажы* «головка спички»); 3) «верхняя конечная часть (у объектов, имеющих вертикальную направленность)» (*ыяш бажы* «верхушка дерева», *даг бажы* «вершина горы», *тараа бажы* «колос злака»). Слово *карт* обозначает наружную оболочку материальных объектов: это может быть тонкая кора дерева (*чойган карты* «кора пихты»), кожура плодов (*картофель карты* «кожура картофеля», *яблоко карты* «кожура яблока»), а также корку (у хлеба),

²³ Э. М. Медникова. Значение слова и методы его описания. М., 1974, с. 153.

переплет, обложку, обертку (у соответствующих изделий). По-видимому, по указанным выше критериям, у слова *карт* выделяются два ЛСВ 1) «наружная оболочка естественного происхождения (у природных объектов)» и 2) «наружная оболочка искусственного происхождения (на изделиях)».

Таким образом, из анализа языкового материала следует, что во многих случаях различать многозначность и моносемию довольно сложно, но, тем не менее, необходимо в целях более рационального представления смысловой структуры слова и способов реализации значений слов (как однозначных, так и многозначных). Для различения рассматриваемых явлений необходимо использовать как парадигматические, так и синтагматические характеристики значений.

М. П. Грязнов, М. Х. Маннай-оол

КУРГАН АРЖАН ПО РАСКОПКАМ 1973—1974 гг.

Раскопки кургана Аржан велись в течение четырех лет¹. Вместе с авторами статьи в них принимали участие М. Н. Комарова, архитектор Л. Н. Баанов, реставратор О. Л. Пламениевская. В 1973 г. в составе экспедиции работали также м. и. с. Л. А. Иванова, аспирант Е. И. Захариева и студенты-археологи В. А. Завьялова и Л. Б. Кирчо, а в 1974 г.— аспирант И. К. Киднекова, археологи Н. Ф. Лисицын и М. Ю. Ярова и студенты-археологи Н. А. Боковенко и Е. Л. Немировская.

Раскопки 1973 г. велись в основном в северной половине кургана (рис. I). Были вскрыты два кольцевых ряда срубов (камеры 10, 25—37) и срубы «церегулярной застройки» в юго-восточном и юго-западном секторах сооружения (камеры 22—24 и 38). В восточной стороне кургана, против камеры 7, расчищен «откос» на протяжении 10 м, а в северной стороне, против камер 34 и 50, вскрыта на небольшом участке каменная крепида насыпи и расчищены несколько бревен откоса. В трех срубах оказались захоронения верховых коней (камеры 10, 31, 37), в одном из них, кроме коней, погребены два человека в колодах (камера 31). Захоронения коней находились также и в промежутках между срубами 25 и 27 (камера 25а), между 26 и 28 (камера 26б) и между 34 и 35 (камера 34а).

Раскопки 1974 г. были продолжением работ предыдущего года. Сначала вскрывались срубы третьего и четвер-

¹ Основные расходы по раскопкам осуществлял ТНИИЯЛИ, организовавший Аржанскую археологическую экспедицию. Кроме того, в финансировании работ на кургане приняли участие Тувинский краеведческий музей; Ленинградское отделение Института археологии (1973—1974 гг.) и Центральный совет Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (1974 г.).

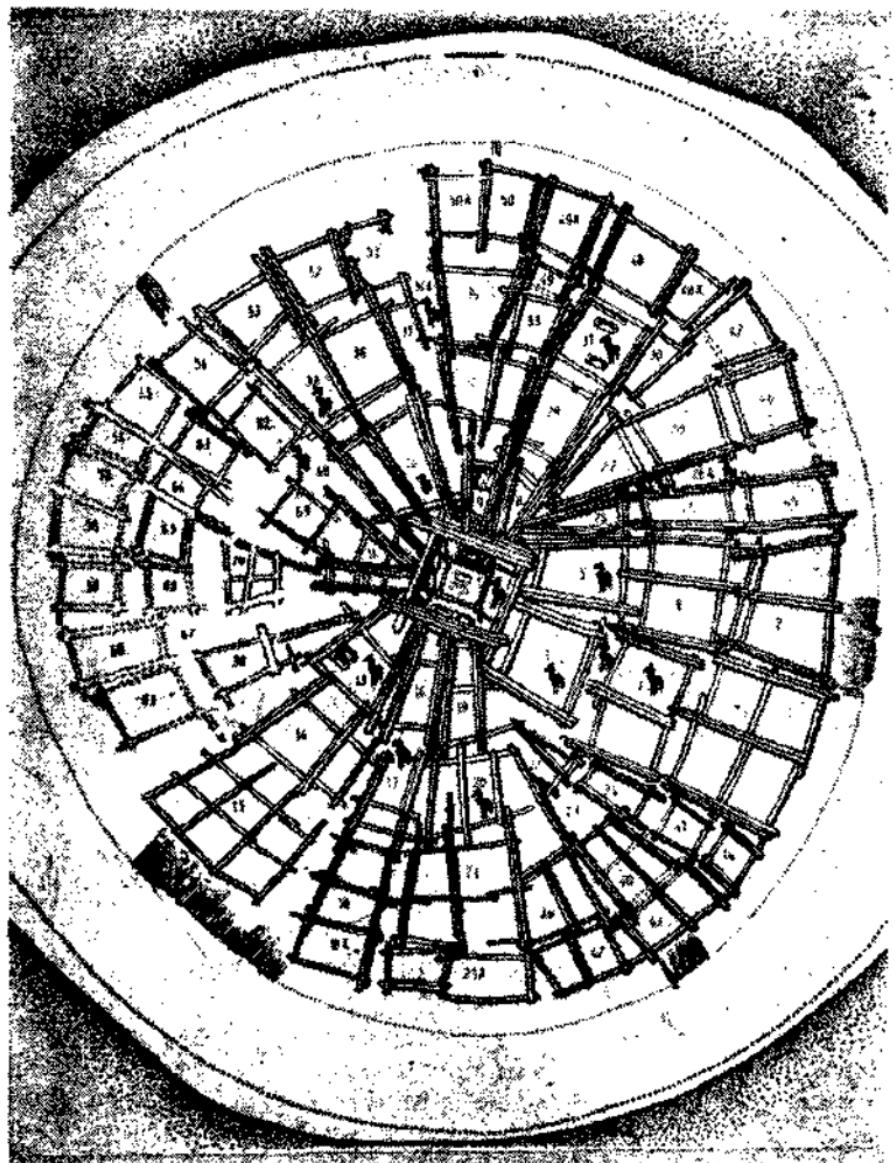

Рис. I.

того кольцевых рядов в юго-восточном секторе (камеры 39—44), затем срубы третьего ряда в северо-восточной и северной части сооружения (камеры 45—53) и, наконец, срубы второго, третьего и четвертого рядов в западной стороне сооружения (камеры 54—70, здесь было 4 кольцевых ряда срубов). Кроме того, на небольших участках были расчищены бревна «откоса» около камеры 43 с юго-восточной стороны сооружения и камеры 54 с северо-западной стороны. В срубах периферийного кольцевого ряда (камеры 42—61), а также во

втором и третьем кольцевых рядах западной части сооружения (камеры 62—70) никаких захоронений не встречено, кроме одного случая — в промежутке между срубами 68 и 11 обнаружены остатки погребенных там двух верховых коней.

Таким образом, за два последних года работ на кургане раскрыто 49 срубов (камеры 10, 22—70). Однако это число не точно, так как конструкция деревянного сооружения кургана была не строго выдержана строителями. Есть срубы с перегородками, делящими его на 2, 4 и 6 камер, есть срубы с пристройками. В некоторых случаях первоначально обозначенное нами как один сруб строение оказывалось двумя срубами, поставленными вплотную один к другому. Есть места, где вообще нельзя было установить границы срубов, например камеры 22—24 в юго-восточном секторе сооружения. Все же можно считать, что отдельных срубов, больших и малых, площадью от 15 до 130 кв. м, было около 70, а камер, если таковыми считать замкнутые бревенчатыми стенками четырехугольные участки площадью в 15—60 кв. м, было немногим менее сотни.

Кратко рассмотрим установленные в результате раскопок 1973—1974 гг. захоронения людей и верховых коней, а также сопутствующие им находки.

Могила 15. Колода размерами 180×60 см снаружи и 130×55 см внутри, с выпуклой долблевой крышкой. В ней останки человека, видимо, мужчины старше 40 лет, лежащего на левом боку в сильно скорченном положении — колени прижаты к груди, пятки у седалища, кисти рук у лица. Кости (очень плохой сохранности) лежат в массе спрессованных фрагментов шерстяной ткани и меха пушных зверей.

Могила 16. Такая же колода несколько больших размеров — длина 2,3 м снаружи и 1,5 внутри. В ней — плохо сохранившиеся кости, видимо, мужчины, погребенного в таком же положении, как и в могиле 15. Также много остатков шерстяных и меховых одежд. Перед голенями пучок древков стрел (без наконечников), у пояса небольшая золотая сильно помятая серьга или булавка.

Камера 10. Сильно потревоженные грабителями остатки захоронений двух коней. Среди них — бронзовые удила (один экз.).

Камера 25б. Разрозненные кости одного скелета коня, кроме того, в другой части камеры — плохо сохранившийся череп коня, бронзовые удила и три псалия.

Камеры 26а и 26б. Беспорядочно перемещенные кости лошадей, принадлежавшие не менее чем 11 особям. Найдено также 11 бронзовых удил. При этом 5 уздечек представлены

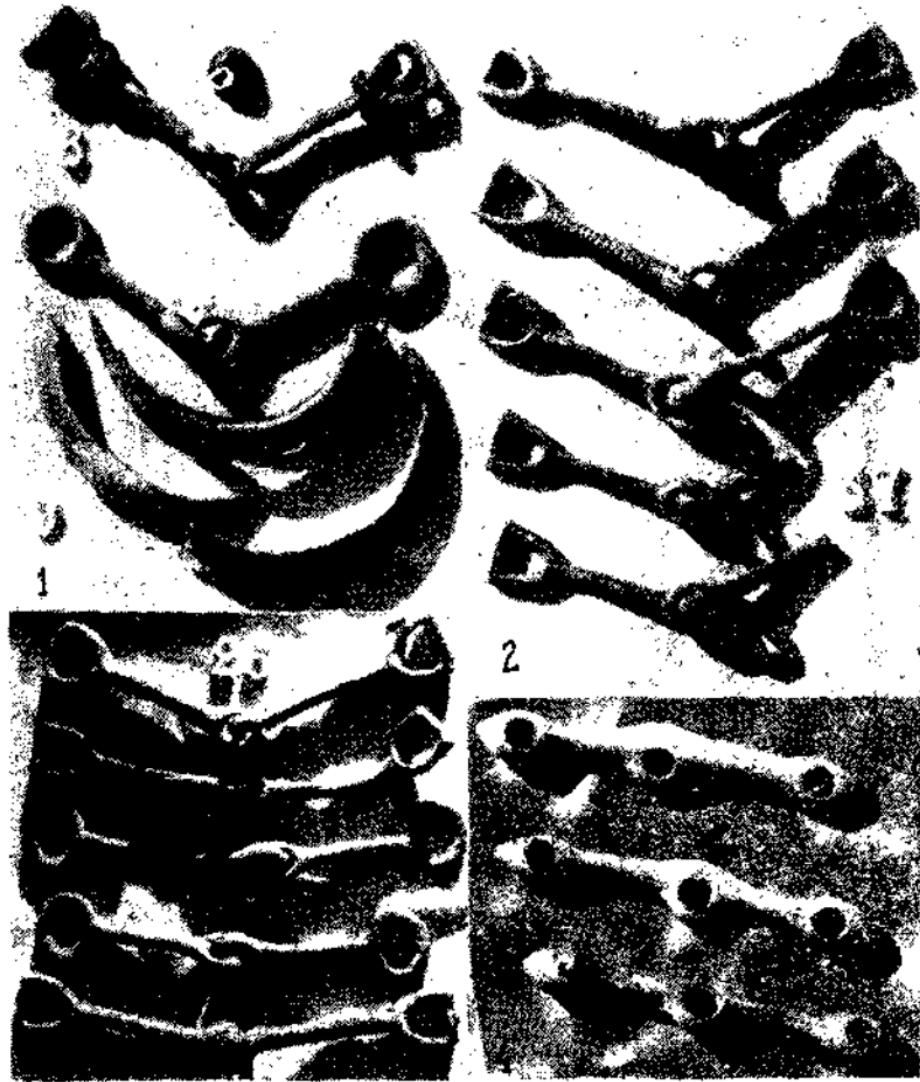

Рис. II.

удилами с парой бронзовых псалий, а 6 — только удилами. Все псалии своеобразной формы в виде трехдырчатых стерженьков с утолщенными и заостренными концами, ни в одной из других камер не встреченной (рис. II, 4). Украшения узды в основной массе были сосредоточены в камере 26б. Здесь найдены украшения, изготовленные из разных материалов: бронзовые — пара ажурных стремячковидных бляшек и круглая кольцевидная; белокаменные (из аргиллита) — две трехжелобчатые бляшки-нашивки и круглая бляшка-пуговица; вырезанные из клыков кабана — 11 круглых бляшек, 4 овальных, 12 «бинарных» (рис. III, 2, 3, 5), 18 бабочковидных.

Рис. III.

7 запятоидных (рис. III, 4), 5 треугольных, одна формы крыла жука и 8 длинных разных вариантов, в том числе одна с изображением фигуры кабана (рис. III, 1), всего учтено 66 разных бляшек, изготовленных из длинных нижних клыков кабана; деревянные — несколько узких, плоско-выпуклых, криволинейных пластишок с закругленным окончанием.

Здесь же находилась пара великолепных бронзовых наверший с фигурой горного барана (рис. IV) и пара подобных наверший с большим кольцом сбоку. От третьей пары нами найдено только одно навершие.

Рис. IV.

Около середины южной стены камеры лежало 12 просверленных верхнечелюстных клыков кабана. Это, видимо, подвески от узды, удила и псалии которой здесь находились. Близко к середине северной стены обнаружен золотой нахвост-

ник. Второй точно такой же нахвостник найден за наружной стеной камеры 45, около ее юго-восточного угла, в 15 м от камеры 266. Оба нахвостника отличаются от всех других, найденных в Аржане, тем, что их края загнуты со всех сторон.

Камера 31. Грабителями не потревожена.. Посередине в ряд уложено 10 верховых коней, все на левом боку, головой на ЮЗ (к могиле царя). Все с удилиами, но без псалиев (рис. II, 1). Судя по следам на фрагментах ремней одной уздечки, псалии были деревянные и потому не сохранились. Уздечку первого коня украшали 18 просверленных верхних клыков кабана. У пяти уздечек было по одному или по два больших нижних клыка, у одной — круглая роговая коническая пронизка-застежка. Четыре коня имели золотые нахвостники, отличающиеся от нахвостников из всех остальных камер своей удлиненно-трапециевидной формой и большими ромбическими дырками для завязок. Особенno интересны две деревянные застежки от ремней, лежавшие среди костей туловищ коней 2—4. Это, возможно, застежки приторочных или других ремешков седла, а не узды, так как они находились далеко от черепов коней. В таком случае они служат указанием на то, что кони были погребены с седлами, от которых, к сожалению, ничего больше не сохранилось.

По обе стороны коней, вдоль юго-западной и северо-восточной стен камеры, стояли две колоды с захоронениями в них людей (рассмотрены выше; см. могилы 15, 16).

Камера 34а. Посередине поверх остатков потолка, среди камней, образующих каменную насыпь кургана, обнаружен обломок оленного камня цилиндрической формы с тонко и искусно выбитыми на нем рисунками. На обломке изображен пояс с подвешенными к нему кинжалом, оселком и луком, а ниже — две фигуры маралов (оленей) и пять кабанов. В самой камере, сильно потревоженной грабителями, в полном беспорядке находились кости пяти коней и среди них 4 экземпляра бронзовых уди, бронзовый псалий своеобразной формы (прямой стержень с тремя насечками), не встреченной ни в одной другой камере кургана, и две подвески из клыков кабана.

Камера 37. Остатки захоронения не менее 13 коней, сильно потревоженные грабителями. По некоторым группам костей, сохранившихся, по-видимому, на месте, можно предполагать, что кони были уложены в два или три ряда, на левом боку, головой на ЮВ (по направлению к центральной могиле). Среди костей сохранились 9 бронзовых уди (рис. II, 2), 11 роговых псалиев, 23 подвески из клыков ка-

бана, бляшка каплевидной формы из клыка кабана, две роговых бляшки, круглая и квадратная, и золотой нахвостник. Все псалии своеобразной формы, не встреченной в других камерах кургана.

В камере 68 — очень плохо сохранившееся захоронение двух коней. Все же можно заключить, что кони были положены на левом боку. В зубах обоих коней найдены бронзовые удила.

Деревянный «откос» раскрыт в пяти местах — в 1972 г. около камеры 15 на протяжении 18 м и в 1973 г. около камеры 7 на протяжении 10 м. Кроме того, около камер 50 и 54 открыто по нескольку бревен откоса для того, чтобы убедиться, что он имеется по всей периферии круглого деревянного сооружения. Это был сплошной ряд коротких бревен, лежащих, как правило, в один слой, плотно прижатых друг к другу. Комлевыми концами они обращены наружу, вершинами — к центру кургана. Наружные концы их прекрасно сохранились, а внутренние — очень плохо. Первоначально они, несомненно, стояли наклонно прислоненные верхними концами к краю потолка и наружным стенам сруба. Благодаря этому деревянное сооружение кургана имело вид круглой платформы высотой около трех метров с наклонными под углом около 30° наружными стенами (плоский усеченный конус).

Крепида в 1973 г. была расчищена с северной стороны кургана на протяжении около 6 м против камеры 50. Как и на восточной стороне, она была сложена из плитняка, но сохранилась значительно хуже — на высоту в 15—40 см.

Конструкция кургана по окончании раскопок выявлена полностью. План всего сооружения строителям кургана и организаторам представлялся, по-видимому, лишь в самых общих чертах. Несомненно, первым был сооружен центральный сруб (камера 1) с захоронением в нем царя и его приближенных. Затем наиболее правильно построены два радиальных ряда срубов к востоку от центрального (камеры 2—7). Здесь поставлены 6 больших срубов, хорошо спланированных. По-видимому, одновременно же начали строить и другие ряды срубов — три ряда к югу от центрального (камеры 13—21) и три же к северу от него (камеры 8—10, 29—37, 48—53). В южном секторе планировка оказалась менее правильной — ближайшие к центру срубы были длинные и на их узких концах, обращенных к центру кургана, не было правильных стен. Срубы второго и третьего кольцевых рядов имели разную форму и размеры, не вполне соответствующие плану их размещения по радиальным и кольцевым рядам срубов. Между срубами образовались то тесные, то очень

просторные проходы. Противоположные же три ряда срубов северного сектора более равномерно разместились по отведенной для них площади, но для этого пришлось один радиальный ряд разделить на два (камеры 33, 49 и 34, 50), в другом месте сделать к срубам пристройки (камеры 30 и 48а), а в третьем — увеличить число срубов во втором и третьем кольцевых рядах (камеры 35—37, 51—53).

Оставшиеся свободными треугольные пространства между рассматриваемыми группами срубов заполнялись затем менее правильно поставленными срубами, особенно в юго-восточном секторе. В линии первых двух кольцевых рядов здесь были сооружены лишь какие-то подобия срубов, условно обозначенные нами как камеры 22—24, а дальше располагались два ряда небольших срубов по три сруба в ряду (камеры 39—44). Более правильно застроен северо-восточный сектор (камеры 25—28, 45—47).

В западном секторе, заполненном небольшими срубами, сохранность дерева оказалась очень плохой. Это затрудняло как расчистку срубов, так и их графическую фиксацию. Конструкцию каждого сруба, как это сделано для всей остальной части кургана, установить не удалось. Здесь мы насчитали 20 срубов (камеры 11, 12, 38, 54—70), расположенных в 4 кольцевых ряда. Не исключено, что число срубов могло быть несколько большим, но точно выяснить этот вопрос не представлялось возможным. В общем же получилась довольно правильная круглая деревянная платформа, покрытая на высоте 2,5—3 м сплошным бревенчатым потолком и окруженная снаружи наклонной бревенчатой стенкой-откосом. Бревна потолка были длиннее срубов и плотно закрывали собой не только срубы, но и все промежутки между ними. Настилались они почти всюду в радиальном направлении, вершиной к центру кургана, комлем к периферии.

Сопровождающие захоронения. Ни в одном из царских курганов скифского времени не встречалось такого большого числа погребенных с царем сопровождающих его лиц. В обособленном небольшом, очень хорошо сделанном срубе — погребение царя и, по-видимому, его жены. Вокруг этого сруба с трех сторон располагалось 8 небольших саркофагов (колод или маленьких срубов) с погребенными в них знатными вельможами. Еще одно такое же захоронение помещено в камере 9, примыкающей с севера к центральному срубу, и 4 захоронения в камере 13, примыкающей с противоположной стороны к юго-западному углу центрального сруба. В этой камере помешались и конские захоронения — в ней были останки не менее 7 верховых коней. Наконец, в удалении от центрального сруба, в северном секторе кур-

гана, в камере 31 погребено еще два человека в колодах-саркофагах рядом с десятью верховыми конями. Всего с царем погребено, кроме его жены (а, может быть, его наложницы, рабыни? — мы решить сейчас этого не можем), еще 15 человек. Все мужчины, кроме одного, преклонного или старческого, как и сам царь, возраста, все в богатых одеждах. Это, вероятно, его приближенные, ближайшие его сподвижники, подобные тем общественным лицам, которых скифы, по словам Геродота, погребали в одной могиле с царем,— виночерпий, повар, конюх, телохранитель, вестник. Только наименования этих лиц надо понимать не в буквальном смысле слова. Это не слуги, не прислужники царя, а его, если можно так выразиться, свита из числа высокопоставленных должностных лиц.

Необычно и число погребенных коней. Кроме 6 коней «собственного седла», уложенных рядом с могилой самого царя, в 14 местах кургана захоронено еще не менее 155 верховых коней. Это во много раз больше, чем в любом другом царском кургане скифского времени, исключая лишь известные курганы Ульского аула, содержащие сотни сопровождающих царя коней. И, как мы уже отмечали в прежних своих сообщениях об Аржане, это не табуны царя и вообще не его кони. Это дары умершему царю от подчиненных ему общественных подразделений — племен, родов. Материалы Аржана из раскопок последних двух лет полностью это подтверждают. В таком случае 14 захоронений отдельных групп верховых коней в кургане Аржан представляют собой 14 отдельных археологических, так называемых закрытых комплексов, характеризующих собой культуру 14 различных родоплеменных подразделений. Аржан, значит, надо рассматривать и исследовать не как один памятник, а как 14 отдельных археологических комплексов, датируемых одним днем, но происходящих из 14 разных пунктов большого географического района и характеризующих культуру 14 отдельных общественных коллективов, принадлежавших одной большой этнокультурной общности. Уникальный памятник Аржан для чисто археологических штудий представляется нам более ценным, чем, например, могильник, состоящий из 14 отдельных курганов или могил. В отличие от обычного могильника, захоронения в нем не разновременные, а точно синхронны и происходят не из одного пункта, а с более или менее обширной территории. Это дает нам право так же уверенно опираться на его материалы при определении эпохи его сооружения, как если бы мы располагали материалом из раскопок 14 курганов разных районов Тувы..

Датировка и культурно-историческая принадлеж-

ность Аржана представляются теперь более определенными. Прежде всего надо отметить, что ни один из 14 комплексов Аржана не имеет аналогий в памятниках раннескифского времени в Туве, т. е. в памятниках алды-бельской культуры, по А. Д. Грачу, первого этапа уюкской культуры, по Л. Р. Кызласову и М. Х. Маннай-оолу, ранней группы казылганской культуры, по С. И. Вайнштейну. Вместе с тем все варианты бронзовых удил и псалиев Аржана, а также и многие предметы из захоронения людей в кургане принадлежат формам вполне скифо-сибирского типа. Очевидно, все комплексы Аржана надо относить ко времени, предшествующему раннескифскому периоду, известному нам теперь уже по многочисленным памятникам алды-бельского времени в Туве, майэмирского на Алтае, тасмолинского в Центральном Казахстане и тагискено-уйгарацкого в приаральских степях. Они характеризуют особый, наиболее ранний этап развития культуры ранних кочевников Тулы скифо-сибирского типа, предшествующий периоду VII—VI вв. до н. э. Не будем пока решать, считать ли его самостоятельной культурой или только культурно-историческим этапом в развитии уюкской (казылганской или саглынской) культуры. Назовем его пока аржанским этапом в развитии культуры ранних кочевников Тулы.

Материалы Аржана не только в какой-то степени заполняют существовавший в наших представлениях пробел, но и позволяют по-новому рассмотреть некоторые основные вопросы скифо-сибирской археологии. Кратко остановимся на них. Если до раскопок Аржана нижняя дата эпохи ранних кочевников справедливо ограничивалась лишь VII—VI вв. до н. э., то теперь появились новые данные, позволяющие пересмотреть хронологию и этапы раннего железного века не только Сибири, но и значительно шире. Аржанские материалы, несомненно, отодвигают начальную дату эпохи ранних кочевников по меньшей мере на столетие в глубь веков. По нашему мнению, период от VIII до VII в. до н. э. не является ни концом эпохи бронзы, ни каким-то переходным или самостоятельным этнокультурным периодом, а начальным этапом так называемой скифской эпохи или эпохи ранних кочевников. Об этом убедительно свидетельствует наличие уже вполне сложившейся так называемой скифской триады (оружие, сбруя, звериный стиль) в материалах Аржана.

Интересны сопоставления аржанского этапа с памятниками Северного Причерноморья. Там также скифская эпоха начинается с раннескифского времени, с VII—VI вв. до н. э. Однако в последние годы все определенное выявляется ха-

рактерная группа более ранних курганов и могил VIII—VII вв. Исследователи называют их то киммерийскими, то предскифскими, не решаясь, видимо, причислить их к скифским. Между тем еще двадцать лет тому назад А. А. Иессен, первым детально изучивший эту группу памятников, писал, что «...период VIII—VII вв. мы вполне можем считать начальным этапом в развитии скифской культуры в широком понимании этого термина», «что резкий перелом в хозяйстве и быту населения нашего юга произошел раньше появления известных нам богатых погребений скифских племенных вождей»³. Вслед за А. А. Иессеном и мы период VIII—VII вв. в Северном Причерноморье, характеризуемый памятниками типа Черногоровка, Высокая Могила и другими, будем считать и называть начальным этапом развития скифской культуры в Северном Причерноморье, а аржанский этап в Туве — начальным этапом в развитии культуры ранних кочевников Саяно-Алтая.

Как мы уже отмечали, значительная часть вещей аржанских комплексов имеет многие аналогии именно в памятниках VIII—VII вв. до н. э. в Причерноморье, а не в каких-либо других⁴. В этом отношении особенно интересна наша коллекция разнообразных уздечных бляшек из клыков кабана, найденных в камере 26б. Аналогии разным их вариантам находятся в погребениях Веселой Долины, Ново-Луганском и др. Значит, датировка аржанских комплексов времнем около VIII—VII вв. устанавливается, исходя из сопоставления их как с памятниками ранних кочевников Тузы и Саяно-Алтая, так и с памятниками степей Причерноморья.

Принятие указанной нами даты Аржана влечет за собой весьма серьезные последствия. Ведь пока в литературе общеизвестно, что скифская культура в Причерноморье и вообще культуры скифо-сибирского типа сложилась не ранее VII в. до н. э. Памятники VIII—VII вв. в Причерноморье пока называют предскифскими, а не скифскими. Основным препятствием для признания их скифскими служит, по-видимому, отсутствие в них произведений искусства, выполненных в скифо-сибирском зверином стиле. Один из наших крупнейших знатоков скифского звериного стиля и скифской культуры вообще, М. И. Артамонов, в своих последних исследованиях развивал идеи о том, что скифская культура и изобразительное искусство выработались у скифов не ранее начала VI в. до н. э., во время легендарного пребывания их

³ А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР. СА, вып. XVIII, 1953, с. 109.

⁴ М. П. Грязнов, М. Х. Маннай-оол. Указ. соч., с. 204—205.

в Передней Азии, и только после 585 г. со сложившейся у них на чужбине новой культурой они возвратились в степи Причерноморья. Лишь после 585 г. в Евразии стала развиваться и распространяться скифская культура, а «до этого здесь были распространены формы, имеющие мало общего с этой культурой»⁵. В связи с этим и Аржан он склонен определять VI веком, считая, что формы изделий, выполненных в зверином стиле, возникшая в Передней Азии в конце VII в., «быстро доходили до самых отдаленных окраин распространения скифо-сибирского искусства звериного стиля»⁶. Значит, для Саяно-Алтая М. И. Артамонов допускает несколько более раннюю дату появления элементов скифской культуры, чем в собственной стране скифов. Но ведь Аржан является нам не только элементы скифо-сибирского искусства. В Аржане представлена полностью вся скифская триада, в хорошо сложившихся выработанных формах, хотя предметы вооружения и сбруи еще не «раннескифских» типов VII—VI вв., а, как и в Причерноморье, несколько отличных форм, которые можно отнести к начальным формам собственно скифских типов.

После того, как в степях Причерноморья стало известно теперь уже довольно значительное число так называемых предскифских предметов вооружения и сбруи VIII—VII вв. до н. э., а в Туве, кроме того, еще и произведений изобразительного искусства, вряд ли можно выводить скифскую культуру и искусство из Передней Азии. Одним из основных источников для подобных построений была известная находка в Иране так называемого клада в Зивие, датируемого рубежом VII—VI вв. до н. э., т. е. временем более поздним, чем аржанский этап и причерноморские памятники типа Черногоровки. Значит, основной аргумент в пользу иранского происхождения скифо-сибирского типа отпадает.

Надо вопрос о происхождении и формировании скифо-сибирских культур решать заново, учитывая новые материалы, в числе которых Аржан должен играть значительную роль. Надо, по-видимому, откинуть при этом мысль, что скифо-сибирские культуры во всем своем многообразии и самобытности, а также в единстве, могли однажды где-то зародиться, а затем в готовом виде распространяться по необъятным просторам пояса степей. Это, несомненно, был процесс сложный, единый на огромной территории. Задача археолога не искать какого-то гипотетического предка, родоначальника

⁵ М. И. Артамонов. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага—Ленинград, 1966, с. 13.

⁶ М. И. Артамонов. Сокровища саков. М., 1973, с. 84.

всех скифов, саков, массагетов и других ведомых и неведомых племен и народов, а изучить и определить роль в процессе формирования скифо-сибирского культурного единства каждой из составляющих его культурно-исторических областей и каждой племенной группы. Тогда, несомненно, мы сможем выявить и существенный вклад аржанских племен древней Тулы в создание оригинальной яркой скифо-сибирской культуры, обогатившей историю человечества изумительными произведениями древнего изобразительного искусства.

О. Л. Пламеневская

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ О ТКАНЯХ ИЗ КУРГАНА АРЖАН

Среди богатого комплекса аржанских вещей особое место занимают ткани. Они, видимо, являются наиболее древними сохранившимися образцами текстильных изделий эпохи ранних кочевников Саяно-Алтая, дошедшими до современных исследователей. Коллекция тканей сравнительно небольшая — это фрагменты одежды погребенных и обрывок ковра или покрывала. В настоящей статье даются некоторые предварительные результаты технологического исследования материала¹.

Всего рассмотрено 15 образцов и выделено 11 различных тканей четырех типов переплетения. При микроскопическом и химическом исследовании тканей были обнаружены только волокна шерсти. Толщина шерстистых волос от 10 до 35 микронов. Самые толстые шерстинки пряжи, образующей нити ковра, — 95 микрон. Эти цифры говорят о том, что при изготовлении тканей использовалась только высококачественная шерсть — пух и переходный волос.

В отличие от большинства ранее изученных образцов, в частности текстильного материала гуннских погребений Ноин-Ула², микроскопическая структура аржанских тканей почти полностью изменена. Поперечные разрезы и поверхность волокон сильно деформированы. Химическое исследование волокон показало, что шерстяное волокно было обработано

¹ Большая помощь автору в этом исследовании была оказана профессорами О. С. Кутеповым и Е. А. Санковым, а также рядом других сотрудников Ленинградского технологического института текстильной и легкой промышленности им. С. М. Кирова.

² А. А. Воскресенский, Н. П. Тихонов. Технологическое изучение тканей курганных погребений Ноин-Ула. ИГАИМК, XI, вып. 7—9, 1932, с. 4.

своебразной пропиткой — аппретом, выделение и исследование которого в настоящее время ведется на кафедре органической химии Ленинградского технологического института текстильной и легкой промышленности им. С. М. Кирова. Эти особенности волокна создают трудности для гистологического исследования.

Определение крутки нитей на крутотметре Луи Шопера, к сожалению, произвести не удалось из-за чрезвычайно плохой сохранности волокон, образующих пряжу. Поэтому пришлось ограничиться чисто визуальным определением степени крутки. Во всех исследованных тканях нити основы более крутой крутки, нити утка слабой крутки. По той же причине было невозможно и определить крепость, растяжимость, а также износ ткани.

По цветовой гамме аржанские ткани, очевидно, относятся к группе образцов «с явно выраженным следами цветного рисунка». И тем не менее, все фрагменты в большей или меньшей степени имеют рыжевато-бурый оттенок. Это объясняется присутствием в почве незначительного количества железистых соединений, придающих тканям характерный однобразный коричневый тон³.

Большинство исследованных фрагментов ткани взято из центрального сруба, в котором находилось 9 могил⁴.

Могила I — «могила царя». Особое внимание заслуживает трехцветная грубошерстная ткань, обладающая оригинальным переплетением. При поверхностном исследовании лицевой и изнаночной сторон ткани ее рисунок представляет собою «елочку», идущую перпендикулярно основе. Исследование раппорта показало, что в процессе изготовления ткани при одной основной одновременно использовались две уточные нити, имеющие разное назначение. Лицевая уточная нить лишь покрывает по две нити основы, не переплетаясь с ними, а изнаночный уток, продетый в петельку лицевого, лишь подхватывает его (рис. I, 1). Ритмический ромбический узор ткани образован переходом разноцветных утков с лицевой стороны на изнаночную. Нить основы и одного утка цвета светлой умбры, другого утка — жженой умбры. На одном из участков ткани уточная нить цвета светлой умбры заменена на темно-коричневую. Плотность ткани 5×10^5 . Нити основы и утка скручены из двух нитей, имеющих различное направ-

³ В. Н. Кононов. Засорение красок археологических памятников в почве. СГАИМК, февраль, 2, 1931, с. 10—12.

⁴ М. П. Грязнов, М. Х. Маннай-оол. Курган Аржан — могила «царя» раннескифского времени. УЗ ТННИЯЛИ, вып. XVI, Кызыл, 1973, с. 195—198.

⁵ Здесь и далее имеется в виду количество нитей на 1 см по основе и утку.

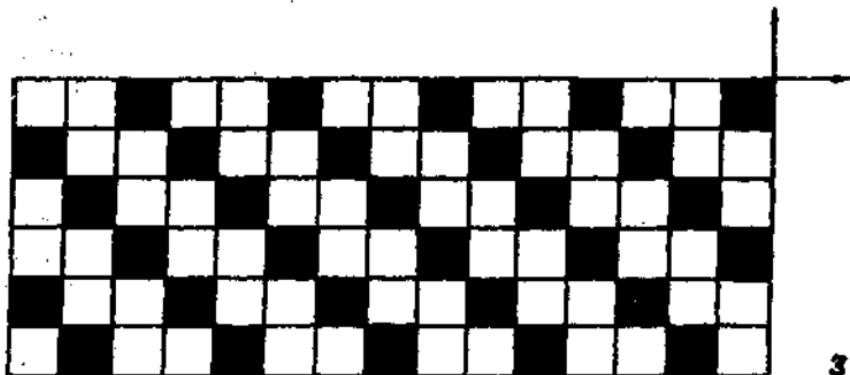

Рис. 1

ление крутка, применяющееся в крученой пряже для ее большей прочности. Между собой нити скручены очень слабо.

Исследованный фрагмент ткани, очевидно, является углом изделия, так как с двух сторон обшит внахлест тесьмой трехсантиметровой ширины с оборванными концами. Обшивочная тесьма сплетена (из двух нитей цвета светлой и жженой умбры, образующих шахматный рисунок) способом, хорошо представленным в оледенелых журганах Алтая⁶.

Второй исследованный образец из «царской могилы»— четырехцветная ткань с орнаментом, составленным рядом пирамидок. Она имеет двухсторонний рисунок, представляющий собой рубчик-репс, идущий вдоль основы. Такое переплетение называется уточным репсом и относится к полотняным или гроденаплевым переплетениям. При детальном исследовании раппорта выясняется, что соединение одной нити основы и двух утков соответствует технике паласа или килима. Техника паласа, в которой выполнена аржанская ткань,

⁶ С. И. Руденко. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани. М., 1968, с. 73, рис. 61.

несколько отлична от пазырьской. Здесь нити утка разных тонов иногда захватывают друг друга, не подчиняясь какой-либо закономерности. Выполнение узора в этой технике обусловливает ступенчатость линий рисунка, образованного уточными нитями красного, зеленого, коричневого и светло-охристого цветов. Вследствие неравномерной пришивки утка его плотность колеблется. Плотность ткани 10×55 (в среднем).

Заслуживает внимания один из фрагментов этой ткани— угол изделия. Его край (кромка) подвернут на 0,5 см и часто подшип «через край». Другая сторона обметана «гладью», разноцветными треугольными фестончиками и закреплена тугой частой петельчатой обметкой. На угол, наискось, пришита тесьма 2,5 см шириной. Тесьма сплетена в два слоя, каждый из одной нити. В плетении использованы цветные нити, образующие красные, зеленые и меланжевые ромбы (красно-зеленые).

В технике паласа изготовлена ткань третьего типа из могилы I. Интересной особенностью, отличающей ее от прочих тканей этого типа переплетения, является орнаментация. К сожалению, фрагментов ткани немного, и все они чрезвычайно малы. На одних — по светло-охристому фону вытканы небольшие темно-зеленые ромбы, на других обрывках — ромбники и темно-зеленые аморфные фигуры. Весь рисунок выткан совершенно отдельно, но уток прибит чрезвычайно плотно, и щели на границах рисунка не заметны. Плотность ткани 12×60 .

Могила 2. Здесь найдена тонкая темно-зеленая ткань обычного уточного репса. Плотность ткани 17×60 . Нити основы светло-охристого цвета сильно скручены. Темно-зеленые нити утка имеют очень слабую крутку, создающую эффект бархатистой поверхности ткани. Среди обрывков этой ткани привлекает внимание фрагмент с интересной отделочной каймой шириной 3 см (рис. II, 1). При поверхностном ознакомлении создается впечатление, что она сшита из трех тесемок: первая — двухцветная шириной 1,5 см, орнаментирована рядом контурных ромбов с двумя усечеными углами, внутри которых один в другом помещены еще два ромба; вторая — одноцветная простая бейка шириной 0,5 см и третья — двухцветная полосатая тесьма шириной 1 см. Однако при детальном рассмотрении было установлено, что первые две «тесьмы» имеют с тканью общую нить основы. При изготовлении орнаментированной части каймы (первая «тесьма») были использованы двухцветные, более плотные нити утка — темно-зеленый фон и светло-охристые контурные ромбы. Тип переплетения совершенно аналогичен тому, который употреблял-

1

2

3

Рис. II

ся при изготовлении грубошерстного ковра из могилы I. Плотность орнаментированной части ткани 17×22 . Вторая, одноцветная «тесьма» является повторением основной ткани, т. е. взяты два темно-зеленых утка при прежней плотности и переплетении. Верхняя (третья) часть каймы — полосатая тесьма имеет плетение, аналогичное тесьме ткани типа паласа из «могилы царя». Она одним швом «через край» вместе со шнуром, тую скрученным из пяти темно-зеленых нитей, нашита на край ткани таким образом, что шнур закрывает грубый пришивочный шов. На месте соединения плетеной тесьмы и ткани, с изнаночной стороны, нашита в два слоя темно-коричневая узкая бейка простого полотяного переплетения. Этот пример использования двух видов переплетения с употреблением различных уток на одной основе свидетельствует об определенной универсальности ткацкого станка, на котором эта ткань была изготовлена.

Могила 4. Здесь найдены фрагменты ткани в сложную четырехцветную полоску, образованную многообразным чередованием красных, черных, зеленых и желтых полос на темно-зеленом фоне. Ткань саржевого типа переплетения, принципиально отличного от ранее отмеченных (рис. I, 2, 3). При саржевой технике нити основы и утков переплетаются в киперном двухстороннем переплетении с диагональным рисунком. Переплетение аржанской саржи одинаково для лицевой и изнаночной сторон — $1 : 2$, т. е. уточные нити идут через одну, а затем две нити основы. Следует отметить чрезвычайную плотность саржи 35×58 . Чтобы судить о том, сколь высоко было мастерство изготовления этой ткани, достаточно отметить, что самые плотные саржи более позднего времени из алтайских оледенелых курганов имеют плотность основы на 1 см $18—26$ нит.⁷

Один из обрывков этой ткани обработан аналогично фрагменту типа паласа из «могилы царя». Отличны только детали: подвернутый на 0,5 см край подшип частым закручочным декоративным швом; для обработки другого края была взята толстая нить, из-за чего треугольные фестоны получились грубые, а вместо тонкой петельчатой обметки сделана простая частая обметка края. Тесьма, пришитая на угол изделия, выполнена в технике плотного уточного репса через две основы.

Среди фрагментов саржи представляет интерес обрывок из двух, сшитых обметочным швом, тканей — саржевого и репсового переплетения. Четырехцветная репсовая ткань, где уточные нити, идущие через две основы, образуют полосы.

⁷ С. И. Руденко. Указ. соч., с. 71, 73.

по цветовой гамме аналогичные саржевым. Плотность ткани 16×52 . Этот репс отличается многоцветностью нитей основы, в то время как они совершенно закрыты уточными нитями.

Все остальные исследованные фрагменты тканей из могил кургана Аржан репсового переплетения, одноцветные, рыжеватого тона разной интенсивности. По плотности основы и утка можно выделить пять различных тканей. Их плотность колеблется $6-11 \times 24-52$.

Интересно, что на одном из больших фрагментов ткани (могила 8) стебельчатым швом вышита фигура в виде двух ромбов, заходящих вершинами друг на друга, внутри которой один в другом помещены еще три похожие фигуры. Однако при внимательном изучении вышивки оказывается, что в ее центре была очень искусно заштопанная толстой ниткой прореха, а собственно вышивкой являются лишь два внешних контура, великолепно маскирующие банальную штопку. В той же могиле найдены обрывки тесьмы, сплетенной обычным способом, но из толстых нитей — 0,3 см.

Один из фрагментов ткани (могила 9) обработан совершенно аналогично обрывку изделия типа паласа из могилы 1. Здесь же обнаружены два обрывка свободных концов тесьмы, наискось пришитой к углу ткани (рис. II, 2, 3). Тесьма шириной 2,5 см обычного плетения в две нити. Вызывает интерес чисто декоративное ее завершение. Все нити, образующие тесьму, разделены на три части, каждая из которой связана «в перехват» по круглой основе, образуя полые маленькие цилиндрики. Их край плотно обметан цветной тонкой, хорошо скрученной нитью.

Итак, в общей сложности из кургана Аржан происходят: 11 различных шерстяных тканей четырех типов переплетения — паласа, саржевого и двух видов репса, имеющих свои индивидуальные особенности; несколько образцов тесьмы и вышивки, являющихся примерами оригинальной художественной обработки готовых изделий. Все исследованные ткани были изготовлены на ткацких станках, позволяющих вырабатывать материал большой плотности, с использованием тонкой, равномерной, хорошо крученою пряжи, и по своим техническим данным немногим уступающих китайским станкам периода Хань. Исключением является грубошерстная ткань из могилы 1, обладающая к тому же отличным от прочих переплетением и небрежностью обработки. Обращает на себя внимание отсутствие в «царском кургане» шелковых тканей, что вряд ли можно считать случайным.

В задачу настоящей работы не входит детальное изучение традиций древнего ткачества и торговых отношений аржанцев с Китаем и Передней Азией. Тем не менее уже сейчас

можно подчеркнуть очевидную идентичность саржевого и репсового типов переплетений (при полном отсутствии полотняного), бытовавших у скотоводов поселения Дараут-Курган (вторая половина I тыс. до н. э.)⁸ и аржанских кочевников VIII—VII вв. до н. э. Исследование типов переплетений позволяет с уверенностью отметить преемственность традиций древнего ручного ткачества переднеазиатских мастеров, изготавливавших ткани типа паласа из второго Пазырыкского кургана⁹, и ткачей, сделавших аржансскую ткань.

⁸ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, с. 197—198, 204—207; Г. Ф. Коробкова. Отпечатки тканей на керамике. МИА, № 118, 1962, с. 233.

⁹ С. И. Руденко. Указ. соч., с. 69—72.

Е. Л. Немировская

ОБРАБОТКА ДЕРЕВА СТРОИТЕЛЯМИ КУРГАНА АРЖАН

В нашу задачу входило установить наличие тех или иных орудий у строителей Аржана, а также технику их применения. На сооружение кургана пошло около 5000 лиственничных бревен¹. Трех-четырехвенцовые срубы-клети сложены из массивных, ровных, окоренных бревен, длина которых достигает 15 м, диаметр в средней части 30 см, на комлевом конце 50—60 и даже 85 см. Орудий, которыми производилась обработка дерева, в кургане не найдено, но примерно на 560 бревнах сохранились оставленные ими следы дугообразной формы. Все они — следствие работы кельтом с шириной лезвия 30—61 мм. Ворс из волокон на поверхности дерева и бахрома по краю следа указывают на работу по сырому дереву². На некоторых следах прослеживаются параллельные выпуклые или прочерченные штрихи — отпечатки выщербинок и зазубринок на лезвии (результат изношенности орудия).

При изучении следов работы учитывались только те, по которым можно определить индивидуальные особенности орудия — ширину и кривизну лезвия, число и расположение зазубринок. Серия отпечатков одного кельта на каждом конце бревна принималась за одно наблюдение. Всего сделано 398 наблюдений на 328 бревнах из числа всех просмотренных. Несомненно, число наблюдений не свидетельствует о работе такого же числа орудий и, тем более, людей. Напри-

¹ М. П. Грязнов, М. Х. Маннай-оол. Курган Аржан — могила «царя» раннескифского времени. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. XVI, Кызыл, 1973, с. 194.

² С. А. Семенов. Обработка дерева на древнем Алтае. СА, вып. XXVI, 1956, с. 204.

мер, кельтами одного образца (одинаковая ширина и кривизна лезвия) оставлены следы на 75 концах бревен, и определить количество используемых кельтов не представляется возможным.

Среди 398 наблюдений можно выделить следы кельтов 80 образцов, в том числе 8 из них выделяются по сработанности лезвия (числу и расположению зазубринок). Таким образом, отмеченные на 328 бревнах следы получены при работе кельтами, отлитыми не менее чем в 72 формах.

Следы работы рубящим орудием прослеживаются на концах и боковой поверхности бревен, на стенках колод и в проушинах-петлях, вырубленных для транспортировки бревен к месту строительства кургана, а также для облегчения их подъема и укладки в клети.

Деревья в тайге рубились с трех-четырех сторон, или по всей окружности. Поэтому все бревна в комплевой части обрублены в виде 3—4-гранной пирамиды или имеют конический обруб. Как видно по глубине надруба, ствол в ряде случаев рубили не на полный диаметр. Неперерубленная часть переламывалась при валке. Вершинный конец чаще всего имел прямой обруб.

После валки дерева окорка производилась кельтом с шириной лезвия 49—61 мм. Ствол обрабатывали от вершины к комелю, благодаря чему избегали «задирания» древесины. Проушины-петли, отличающиеся неправильными стенками, вырублены кельтом шириной лезвия 30—45 мм. Колоды выдолблены из кряжа лиственницы диаметром около 1 м.

Подведем некоторые итоги наблюдениям. Универсальным орудием, применявшимся при обработке древесины, был легкий маленький кельт. На некоторых бревнах отмечены следы работы нескольких типов кельтов, выполнивших различные операции (рубку, окорку, перерубание вершины, долбление). Решить, обладал ли набором орудия каждый строитель кургана или несколько человек обрабатывали каждый ствол, не представляется возможным. В первом случае можно было бы говорить о дифференциации орудий, во втором — труда.

Некоторые аналогичные способы обработки дерева (рубка с нескольких сторон и не на полный диаметр, обработка ствола от вершины к комелю) применялись на Алтае строителями Пазырыкских курганов³.

Несомненно, что орудия, объединяемые под именем кельтов, относятся к двум различным категориям — теслам и топорам. Так как приемы рубки теми и другими различны, то должно отличаться и расположение следов на обрубе. Можно

³ М. П. Грязнов. Первый Пазырыкский курган. М., 1956, с. 44.

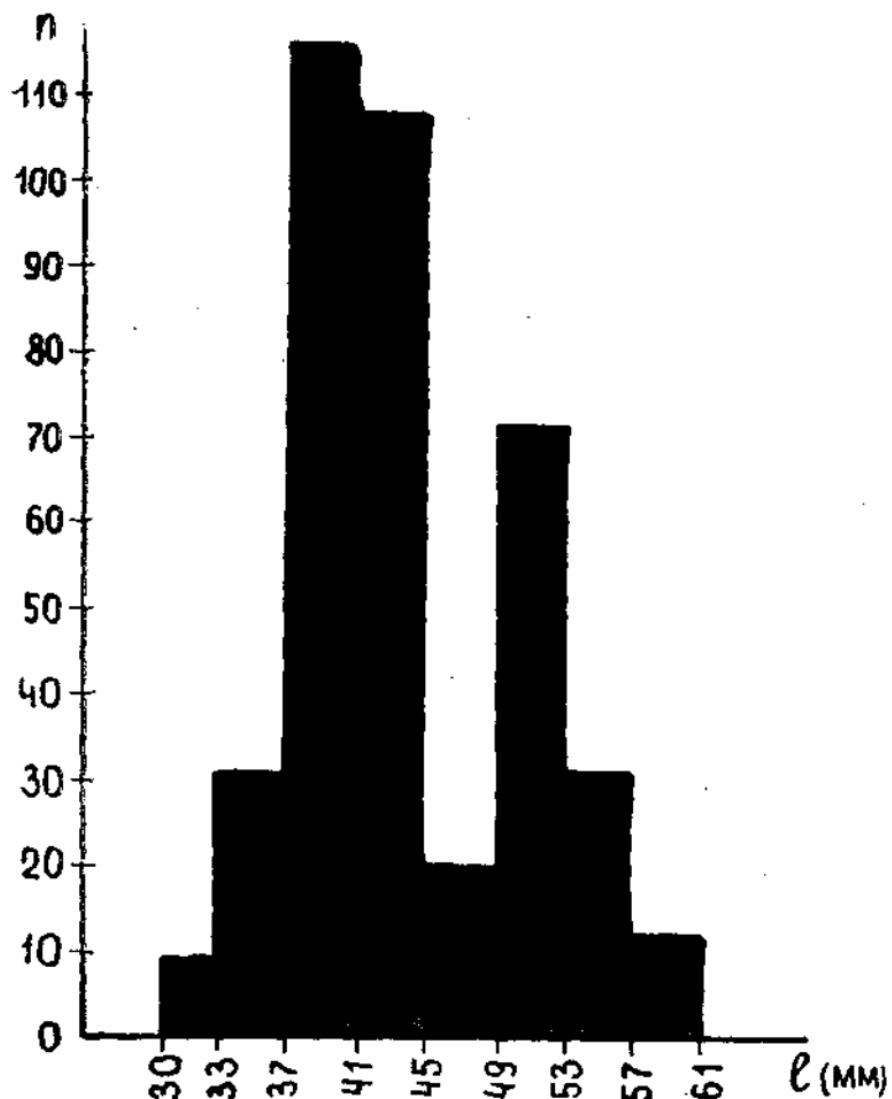

Рис. 1.

утверждать, что бревна Аржана, имеющие конический конец, срубались теслом, пирамидальный — топором. Это подтверждается следующим. На графике (рис. 1) видно, что все следы по ширине лезвия оставившего их орудия делятся на 2 группы: первая — от 30 до 45 мм, вторая — от 49 до 61 мм. К первой группе относятся 264 наблюдения, ко второй — 114. Следы первой группы, где это возможно было наблюдать, располагаются по окружности обруба, т. е. оставлены теслом, а следы второй — перпендикулярно оси бревна, оставлены топором.

Таким образом, у строителей Аржана тесла, имеющие ширину лезвия 30—45 мм, значительно преобладают над топорами с шириной лезвия 49—61 мм, что объясняется большими механическими достоинствами тесла на известном уровне развития техники⁴.

Единичные находки кельтов в Туве известны только из подъемного материала. Так, на р. Сушь найден кельт, прямоугольный в поперечном сечении и имеющий на одной широкой стороне петельку для прикрепления к рукоятке. Аналогии ему имеются среди случайных находок в Минусинской котловине. По схеме хронологической последовательности типов бронзовых кельтов Минусинского края, предложенной М. П. Грязновым⁵, эта форма тесла связана, с одной стороны, с теслами карасукской культуры, с другой,— с теслами тагарской культуры. Тесла с «лобным ушком» датируются VIII—VII вв. до н. э. Известны другие аналогии кельту с р. Сушь. Это «кельты-тесла с лобным ушком», найденные в Монголии,⁶ и забайкальские кельты тапхарского этапа (VII—V или VIII—VI вв. до н. э.)⁷. Приведенные аналогии позволяют предполагать, что кельт, найденный в Туве, является предметом местного производства. Можно также полагать, что у современников Аржана кельты не отличались от минусинских того времени. Строители кургана использовали небольшие бронзовые кельты-тесла клиновидной формы с петелькой на одной из широких граней. Ширина лезвия минусинских кельтов этого типа, просмотренных нами в собраниях Эрмитажа, колеблется в пределах 30—45 мм. Каменная форма для отливки подобных кельтов найдена в погребении большереченской культуры — Томском могильнике⁸.

С теслами «с лобным ушком» сосуществовали кельты-топоры с парой петелек, переходящих в валик⁹. Ширина лезвия топоров колеблется в пределах 48—63 мм, что соответствует размерам второй, выделенной на бревнах Аржана, группе следов. Таким образом, сравнение ширины лезвия кельтов, синхронных Аржану, со следами работы на бревнах кургана также подтверждает сделанное нами наблюдение, что обра-

⁴ С. А. Семенов. Указ. соч., с. 208.

⁵ М. П. Грязнов. Древняя бронза Минусинских степей. Труды ОИПК, вып. I, Л., 1941.

⁶ В. В. Волков. Бронзовые кельты из музеев МНР. Сб. «Памятники каменного и бронзового века Евразии», М., 1964, с. 179.

⁷ Н. Н. Диков. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958, с. 51, табл. XXXI.

⁸ М. Н. Комарова. Томский могильник — памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири. МИА, № 24, М., 1952, с. 45.

⁹ М. П. Грязнов. Указ. соч.

ботка дерева производилась двумя категориями кельта — теслами и топорами.

Рассмотренный материал позволяет сделать некоторые предположения и о последовательности, распределении работы по сооружению деревянной конструкции кургана. На месте строительства кургана, видимо, производилась лишь незначительная подтеска некоторых бревен, все же основные работы по обработке дерева выполнялись в лесу. Об этом, в частности, свидетельствует единичность случаев подгонки бревен при монтаже срубов. Почти всегда бревна оказывались длиннее стен срубов и концы их выходили далеко за габариты сруба, иногда на 3—4 м, т. е. при заготовке бревен в лесосеке не учитывалось их последующее положение в кургане.

Работа по сооружению деревянной конструкции Аржана могла вестись всем коллективом в три этапа (заготовка и обработка стволов, затем транспортировка их к месту строительства и, наконец, монтаж срубов), или распределялась между тремя большими группами людей, раздельно выполнившими все части работы одновременно (одни рубили, другие возили, трети строили). Вероятнее нам представляется второй вариант. В возведении кургана Аржан принимала участие не одна тысяча человек, и их труд был так или иначе, но организован.

Выше отмечалось, что срубы кургана сложены клетью, без применения сложных способов соединения бревен. Строителям Аржана был также известен способ рубки срубов в «лапу». Таким образом была сооружена только центральная камера с погребением «царя». Прочная и в то же время технически простая конструкция клети находится в полном соответствии с особенностями процесса строительства кургана, сооруженного в короткий срок. Этот прием позволяет также просто пристраивать к одному срубу другой и требует меньшей затраты времени. Аналогии ему известны в литературе¹⁰.

¹⁰ См. М. П. Грязнов. Землянки бронзового века близ хут. Ляпичева на Дону. КСИИМК, вып. I, М., 1953, с. 144. Его же: Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. СА, вып. XVI, М.—Л., 1952, с. 131—132.

Ю. Л. Аранчын

НОВЫЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ И ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ

Дружественные связи с нашими соседями — монголами всегда приносили свои полезные плоды для обеих сторон. Так было и на сей раз, когда мне и Д. А. Монгушу посчастливилось посетить Убсанурский и Кобдоcкий аймаки МНР с 19 по 23 октября 1974 г. по линии Тувинского отделения Общества советско-монгольской дружбы. Мы, как научные работники, не могли и не имели права упустить столь благоприятное обстоятельство, чтобы не попытаться почерпнуть из дорожных впечатлений и встреч полезные для науки сведения. Для этого складывались совершенно непринужденные, очень хорошие условия, за что нельзя не поблагодарить радушных хозяев.

20 октября в Улаигоме мы встретились с тов. Н. Цагдсурэном — одним из старейших фольклористов Института языка и литературы АН МНР. Это общительный человек, приятный собеседник, отличный знаток монгольского фольклора, прекрасный специалист, посвятивший не одно десятилетие своей жизни сбору и популяризации устных и бережно хранимых в рукописях фольклорных произведений. Он живо интересовался тем, как у нас ведутся работы по сбору и публикации произведений фольклора, тут же сообщил, что в 1974 г. монгольское государственное издательство выпустило в свет сборник тувинских сказок в его переводе. Сожалея, что это издание еще не дошло до периферии и поэтому он не сможет нам его подарить, Н. Цагдсурэн подарил нам новое издание эпоса «Хан-Харангуй», широко распространенного среди монголов, бурят и тувинцев. Наш собеседник напомнил, что найденная в Западной Монголии в 1911 г. рукопись «Хан-Харангуй» была выслана А. В. Бурдуковым

В. Л. Котвичу — профессору Петербургского университета, но, к сожалению, она не увидела свет, зато рукопись «Хан-Харангуй», обнаруженная проф. Г. Д. Санжеевым в 1929 г. в Окинском аймаке Бурятии, после сличения с найденной в 1911 г. академиком Б. Я. Владимирцовым в Убсануре одноименной рукописью была издана в 1937 г.¹ Как выяснилось, Н. Цагдсурэн отлично знает историю рукописи кызыльской версии² «Хан-Харангуй», вывезенной в конце 50-х годов из Тувы П. Балданжаповым и переданной им Г. Д. Санжееву, который, в свою очередь, видя ценность ее, издал в 1960 г. в сборнике «Тюрко-монгольское языкоизнание и фольклористика». Я бы не стал столь подробно рассказывать об эпосе «Хан-Харангуй», если бы он не связывался с именем знаменного рапсода Западной Монголии Парчен-Туульчи, у которого, между прочим, в 1911 г. были записаны сказки и эпические произведения, в том числе «Хан-Харангуй»³.

Даже для нас, людей, знающих о том, что монгольские ученые еще в 1965 г. отмечали 100-летие со дня рождения Парчена-Туульчи, приятной неожиданностью оказалась информация Н. Цагдсурэна о том, что он уже около четырех месяцев путешествует по Убсанурскому, Завханскуму, Кобдоскому и Баян-Ульгийскому аймакам, записывая фольклорные произведения и собирая новые сведения о Парчен-Туульчи, которые будут использованы для мероприятий, проводимых в 1975 г. в честь 110-летия со дня рождения рапсода. Мы полностью разделяли мнение Н. Цагдсурэна о необходимости совместной работы по изучению фольклора наших народов, об общности условий бытования тех или иных произведений.

Во время дружественной беседы с работниками музея г. Кобдо и в процессе наблюдений за живой речью горожан мне довелось нередко фиксировать пословицы и поговорки монголов, которые имеют свои аналогии в тувинском фольклоре. Так, здесь говорят: *Цаг цагаараа байтугай, цагилдаг хөхөөрээ байтугай*, ср. тув. *Шаг шаа-бите турбас, чавылдак көгү-бите турбас* «Траве вечно не зеленеть, времени на месте не стоять».

¹ Г. Д. Санжеев. Монгольская повесть о Хане-Харангую. Труды института Востоковедения, XXII, М.—Л., 1937, с. 170.

² Рукопись Г. Д. Санжеева называется «Хан-Харангуй кэмэку тугуджи оросибай», а кызыльская версия носит заглавие: «Хан-Харангуй инь тугуджи судур». Кроме того, в 1959 г. во Внутренней Монголии была издана сказка «Хан-Харангуй», в сборнике «Халхасские народные сказки», изданном в 1967 г. в Улан-Баторе, была помещена сказка «Хан-Харангуй»; в личной библиотеке академика Б. Ринчена хранится рукопись «Эрийн Сайн Хан-Харангуй», в фольклорном фонде Института языка и литературы АН МНР — рукопись «Хан-Харангуй».

³ См. А. В. Бурдуков. В старой и новой Монголии, М., 1969, с. 224.

<i>Архийг нэрээл арз гарна</i>	ср. тув.	<i>Араганың арагазы-аржан,</i>
<i>Арзыг нэрээл хорз гарна</i>		<i>Аржаның арагазы-кор- жан,</i>
<i>Хорзыг нэрээл хор гарна.</i>		<i>Коржаңың арагазы-хо- ран.</i>
«Перегоняешь араку — получишь арз (аржан),		
Перегоняешь арз — получишь хорз (коржан),		
Перегоняешь хорз — получишь хор (хоран) ⁴ .		
<i>Айраг идээний дээж</i>	ср. тув.	<i>Хымыс—ак чөм дээжизи,</i>
<i>Ааг цайны дээж.</i>		<i>Аак — шай дээжизи.</i>
«Кумыс — голова всей молочной пище,		
Крепость заварки — лучшее достоинство чая».		
<i>Саалийг бэлдэхээс</i>	ср. тув.	<i>Сааның белеткээр мур- нунда</i>
<i>Савыг нь бэлд.</i>		<i>Саваң белетке.</i>
«Прежде чем иметь удои, Приготовь посуду».		
<i>Сав нь том бол</i>	ср. тув.	<i>Савазы улуг болза,</i>
<i>Сааль нь арвин.</i>		<i>Сааны арбын.</i>
«И если у тебя емкая посуда, То должно быть у тебя много удоев».		
<i>Эрийг наса дарах</i>	ср. тув.	<i>Эр кижини назын базар,</i>
<i>Эргийг цаса дарах.</i>		<i>Эрикти хар базар.</i>
«Доброго мужчину придавит возраст, И берег придавливается снегом» и т. п.		

Весьма ценные также и те сведения, правда, очень скромные, которые удалось записать у монгольских граждан, относящихся к группам, говорящим на бытовом тувинском языке. Это были безусловно осколки тувиноязычных племен, когда-то входивших в состав западного крыла урянхайцев, состоявшего из 9 хошунов, которые во времена разгрома маньчжурами Джунгарии были не только отрезаны от хошунов восточных урянхайцев, но и рассеяны на мелкие разобщенные группы. Историк Д. Гонтор высказывает мнение о существовании двух групп урянхайцев — монгольского и тюркского происхождения, пишет о захвате маньчжурскими завоевателями земель, где кочевали урянхайские племена (1757—1764 гг.), и о тяжелом положении урянхайцев, живших

* т. е. яд.

на территории Западной Монголии⁵. Несмотря на длительную насильтвенную изоляцию друг от друга тюркоязычных западных и северо-восточных урянхайцев, поразительно то, что даже в такой небольшой этнографической группе, как жители Буянт сумона, сохранились удивительно интересные факты, свидетельствующие о наличии в их языке, фольклоре и обычаях довольно устойчивых общих черт с современными тувинцами. Все это можно подтвердить языковыми и фольклорными материалами. Возьмем, к примеру, небольшой отрывок из рассказа пожилого мужчины, члена сельхозобъединения Буянт сумона Ныктара, где говорится:

— Бөгүн чеден дөрт оннуң он айның чээрби бир дээн хүн. Бистиң төрелдер биске кээп, биске мендилежин чугаалашканынга бис кончуг өөрүп тур бис. Мээн адым Ныктар деп киши. Мээн өөмдө келди — бистиң тыва улустуң улузу. Ону бис Мончаак буруңгу тыавыстың сөзүн хоочулажып таныжар уъжун бис сөөк төрелди суражыыр болдуус, мен ону чаагай аайтып бээр болдум.

Бисте мында тывада дөрт үзүк сөөк бар: биризи иргит, биризи хөйүк, биризи чаг тыва, соян деп мындыг дөрт сумун. Ооң шитинде көзүй төрел: сарыг чаг тыва, кара чаг тыва, ак иргит, кара иргит, калчан иргит, мөңгүши хөйүк, доңгак хөйүк, хaa хөйүк деп мындыг олуун көзүй ундесиннер бар... «Сегодня 21 число десятого месяца 74 года. Мы очень рады, что наши родичи, прибыв к нам, поздоровались и поговорили с нами. Меня зовут Ныктар. Представители тувинского народа пришли в мою юрту, чтобы познакомиться и поговорить с нами на языке древнетувинского Мончаака (видимо, — название тувиноязычного племени — Ю. А.) — мы решили поговорить о родственных костях, я обещал рассказать об этом. У нас здесь, у тувинцев, есть четыре (кости): иргит, хоюк, чаг тыва, соян, т. е. четыре сумона. В них много родовых групп, такие, как сарыг чаг тыва, кара чаг тыва, ак иргит, кара иргит, калчан иргит, монгуш хоюк, доңгак хоюк, хaa хоюк».

Теперь приведем примеры из фольклора. Намъ записан ряд загадок, из которых наиболее характерны: уне калбаш, кире калбаш (эжик). «Когда входишь в юрту, болтается внутри, а выходишь из нее — наружу» (войлочная дверь).

Аскак карган өг долганды (өгнүн хөлөнгизин). «Хромой ворон обошел кругом юрты» (тень юрты).

Мүң хойнү чатыс шывыктан ай диди (баш дүгүн доңгурак-били чүлүүрү). «Тысячу овец погнал одной палкой» (бритье волос складным ножом).

⁵ См. Д. Гонгор. Ховдын хураангуй түүх, Улаанбаатар, 1964, с. 48—50.

Чүс оолдук бөргү чаңгыс (хараача, уну). «У ста парней одна шапка» (верхний обруч юрты и тонкие жерди, служащие стропилами юрты).

Дун-хун чок шыгжыр кара (суг). «Сутки без устали звенящий скакун», или дословно: «день и ночь звенящая черная» (речка).

Аздым демир, бодум демир

Кымча чокка дүшпес мен (шооча, дүлгүүр).

«Мой конь из железа, и я сам из железа —
Без плети не слезу с коня» (замок и ключ).

Арт ажыр адыг монцулду (долшу-өөк). «Через перевал повесился медведь» (пуговица национального халата).

Түмен шурум үт чок (сылдыстар). «Десять тысяч бусинок без дырок» (звезды).

Здесь приводятся лишь отдельные загадки, которые наиболее схожи с тувинскими или тождественны с последними.

Примечательны также образцы народных песен. Слова песни «Чаш мыйстыг сывнак»:

*Чаш мыйстыг сывнак
Шарлан оюн ойтгазын.
Чажым каккан чанып кел,
Чараши оюң човатпа.*

*Өл мыйстыг сывнак
Өзен оюн ойтгазын.
Өзүм каккан чанып кел,
Өле дайың човатпа*

«Мараленок с молодыми рогами
Пусть пасется в лощине с осинами,
Милый друг, воткнувший в мою
косу гребенку,
Вернись, не утомляй красавца —
буланого скакуна.

Мараленок с мягкими рогами
В логе пусть пасется.
Произивший любовью сердце
мое, друг,
Вернись, не утомляй сивого
скакуна».

Отрывок из песни о пяти видах скота:

*Хоюг дүгу дөжелген
Хойлар өскен Хонгургай,
Оттуг-бижээ шыңгыраан
Оолдар өскен Хонгургай.*

«Мой родной Хонгургай,
Где растут овцы со стелющейся
шерстью.
Сторона моя, Хонгургай,
Где растут парни со звенящим
Отшивом и ножом».

В заключение приведем некоторые названия частей юрты, предметов домашнего обихода, отдельные слова и выражения. Тувиноязычные монгольские граждане говорят: *хараача*

«верхний обруч юрты», чагарак (тув.⁶ бөгөже) «решетки верхнего обруча юрты», багана, магана «подпорка юрты», унч (тув. ынаа) «тонкие жерди, образующие стропила юрты», терме, тербе (тув. хана) «решетчатый остов юрты», салдырык или салдырга («петля в нижнем конце жерди, служащей стропилом в юрте»), калгак «поварешка», аптыра «сундук», үааржак «ящик», барба «кожаная сумка», даайлың или даалың «переметная сумка», шүүгүн (тув. хөнек) «чайник», чылапча «котел, применяемый для перегонки араки», таңтай или таалай «небо», хойтпак «кислое молоко», божа «сыворотка», быштак «сыр», ак тараа «пшеница», сулу «просо», дүктүг арбай «ячмень», быдаа «просо», камчы тараа «ржнь», допуяа «картофель», хөже «суп из сечки жареного ячмения», кулур «жареная мука», авам «мама», агам (тув. акым) «старший брат», эжем «мама», кадым «сосед», күдээ «зять», честе «зять», даай «дядя по матери», чээн «племянник», күүй «жена дяди по матери, тетя», ада «отец», ача «папа», ашияк «старик», дүңгөй (тув. дөмей) «похожий, схожий», амды (тув. ам) «сейчас», эмиктей, чүгээр кижи (тув. хөрээжен) «женщина», чаштын (тув. даштын) «на улице, снаружи», шитенир (тув. ажылдаар) «трудиться», иши кылып албас (тув. ажыл кылып шыдавас) «нетрудоспособный», чажы «возраст», улуг чаштыг «пожилой, взрослый», сураар «спросить, вспомнить», чок болган, урелген (өлген, мөчээн) «умер», тухасы (тув. дүгайты) «относительно, о чем-нибудь» и т. п.

Весьма важно отметить, что тувиноязычные жители Буйантсумона отлично владеют инструментом шоор (свириль), широко распространенным у алтайцев, до сих пор встречающимся среди населения Монгун-Тайгинского района Тувинской АССР. Наши магнитные записи, сделанные в основном Д. А. Монгушем, переданы в фонотечный фонд института, ждут научного анализа в предстоящих историко-этнографических, фольклорно-лингвистических исследованиях о Туве.

В заключение сообщения нам хотелось бы отметить тот факт, что в капитальных, весьма положительных исследованиях ряда современных ученых (Л. П. Потапов, С. И. Вайнштейн, Н. А. Сердобов и др.) по этнической истории Тувы, на наш взгляд, не подверглись обстоятельному анализу труды крупных исследователей Северо-Западной Монголии В. Л. Котвича, Г. Е. Грумм-Гржимайло, Г. Н. Потанина, Б. Я. Владимирикова, А. В. Бурдукова и других, которые первыми обратили внимание на этот регион расселения кочевников как на арену трагических схваток во времена средневековья, когда под ударами завоевателей рассыпались этнические образования, а в более или менее мирные периоды жизни племен и

⁶ Тув.— здесь и далее — соответствие в тувинском литературном языке.

уже образовавшихся народов завершался процесс ассимиляции одних другими, либо формировались новые этнические общности. Для подобного рода работ, безусловно, принесет немалую пользу привлечение новых данных об этнических группах населения ряда западных аймаков МНР, которые можно собрать совместными усилиями монгольских и советских специалистов в ближайшие годы.

В. А. Грач

О ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКАХ МОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ В ТУВЕ

Археологические данные о кочевых племенах, населявших территорию Тувы в монгольское время, очень скучны. Л. Р. Кызласов на основании 24 погребений выделил 6 типов погребальных памятников, сооружавшихся в Туве в этот период¹. Только 5 из них можно отнести к культуре местных кочевников: одно погребение типа Г (совершенное по обряду трупоположения с конем), впускное в насыпи кургана гунно-сарматского времени²; 4 погребения типа Е (в каменных курганах с трупоположением в ямах)³.

За последние годы работами СТЭАН в Туве было открыто несколько неизвестных ранее погребальных памятников монгольского периода.

Могильник Куйлуг-Хем II, курган № 2⁴. Расположен в Улуг-Хемском районе, на правом берегу р. Енисей, на плато Куйлуг-Хем, близ скалы Улуг-Хая.

Погребение впущено в наземное сооружение кургана монгун-тайгинского типа и расположено около северной стенки камеры из плит и валунов, в которой помещалось основное захоронение. Костяк погребенного настолько сильно истлел, что ориентировку и положение установить не удалось.

Инвентарь: 6 плоских черешковых наконечников стрел типа срезней (рис. I, 1—6); остатки железной двузубой вилки (рис. I, 9); бронзовое седельное кольцо на железной скрепе (рис. I, 10); два железных черешковых ножа (рис. I, 7, 8);

¹ Л. Р. Кызласов. История Тувы в средние века. М., 1969, с. 160—163.

² Там же, с. 163.

³ Там же.

⁴ Раскопки А. Д. Грача, 1967 г.

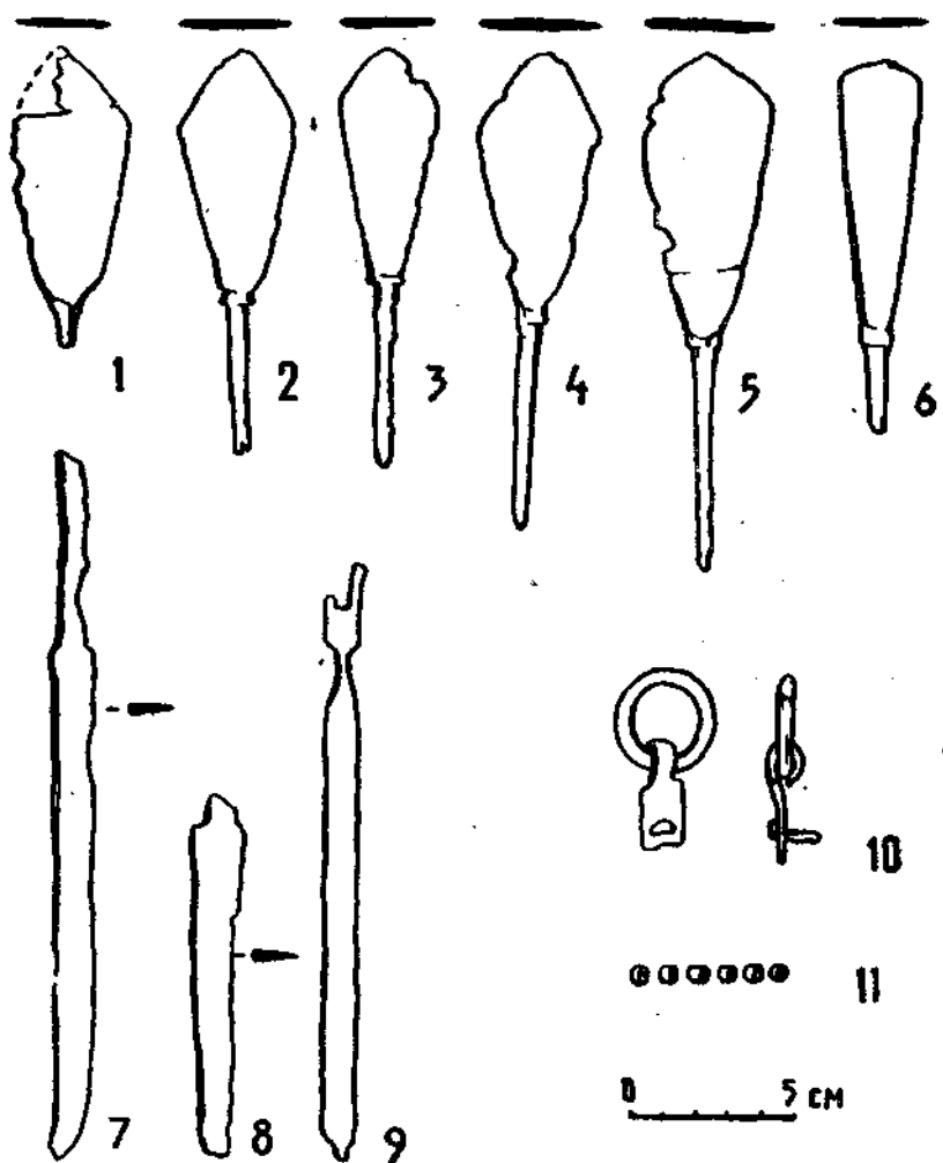

Рис. 1. Могильник Куйлуг-Хем II, курган 2. Впускное погребение. Инвентарь: 1—6 — железные наконечники стрел; 7—8 — железные ножи; 9 — железная двузубая вилка; 10 — бронзовое седельное кольцо на железной скрепе; 11 — бусы.

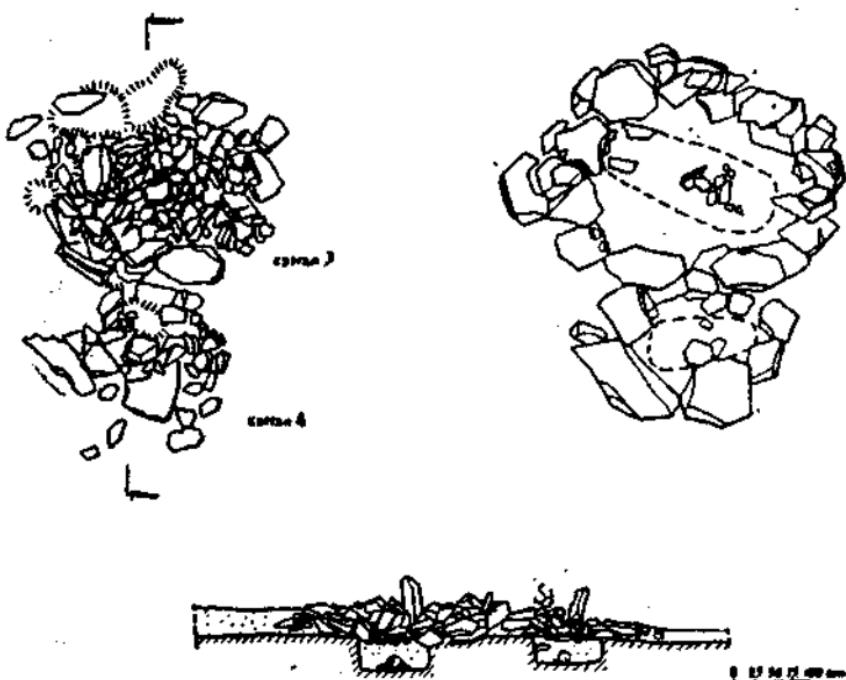

Рис. II. Могильник Хемчик-Бом VI, курганы 3, 4.

6 цилиндрических пастовых бусин светло-серого цвета (рис. I, 11).

Могильник Хемчик-Бом VI, курган № 3⁵. Расположен на левом берегу р. Хемчик, в 1 км от места впадения ее в р. Енисей, на второй надпойменной террасе.

Слабо задернованное наземное сооружение овальной в плане формы вытянуто по основной оси с СВ на ЮЗ (рис. II). Сложено из обломков горных пород. Его размеры $7,2 \times 4,8$ м. Стены центрального наземного сооружения сложены из 2—3 рядов камней. На ЮВ для сооружения стены использованы массивные обломки горных пород, скатившиеся с возышающейся над могильником скалы. Остальная часть стены пристроена к ним. Внутри сооружение было заложено плитками, уложенными горизонтально и постепенно сползши-

⁵ Раскопки Г. В. Длужневской и автора. См.: В. А. Грач и Г. В. Длужневская. Исследования в Саянском каньоне р. Енисей и на р. Хемчик. Сб. «Археологические открытия 1972 г.», М., 1973, с. 205.

ХЕМЧИК-БОМ VI

КУРГАН 3

ПОГРЕБЕНИЕ

СТЗАИ
1972

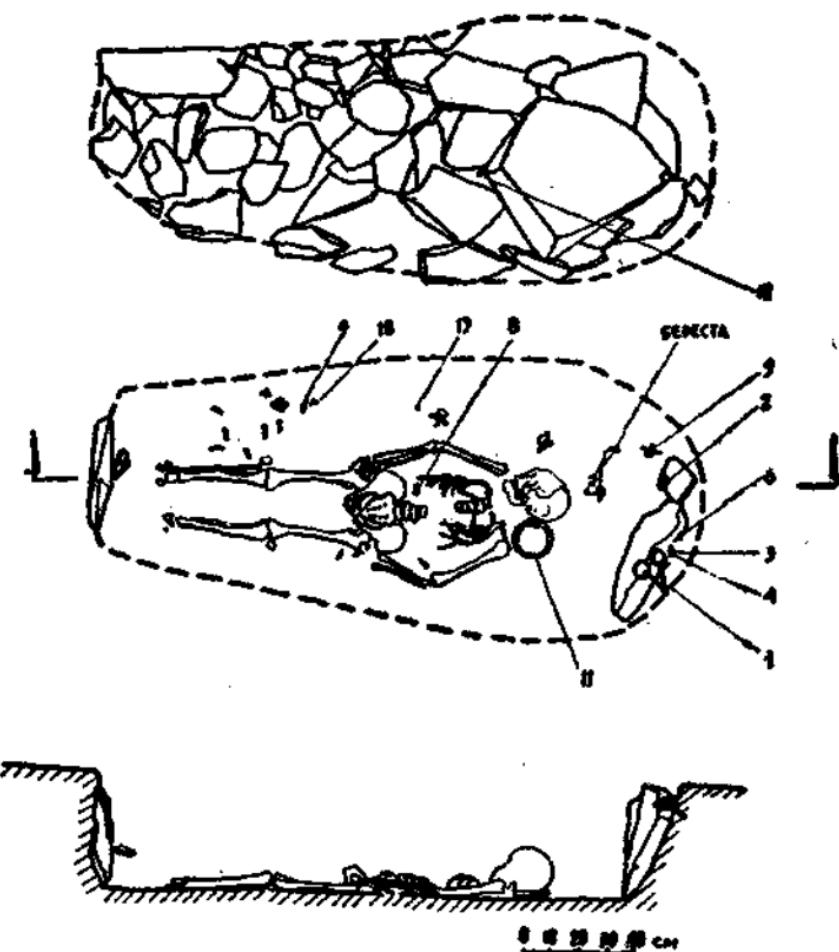

Рис. III. Могильник Хемчик-Бом VI, курган 3. Погребение.

ми к центру. В центре — четырехгранная каменная стела высотой 0,8 м, ориентированная сторонами по странам света (рис. II).

Погребение находилось в грунтовой могильной яме на глубине 1,1 м, которая имела подпрямоугольную со скругленными углами форму и была вытянута по основной оси с СВ на ЮЗ. Ниже уровня древней поверхности имелось неплотное

Хемчик-Бом VI к. 3

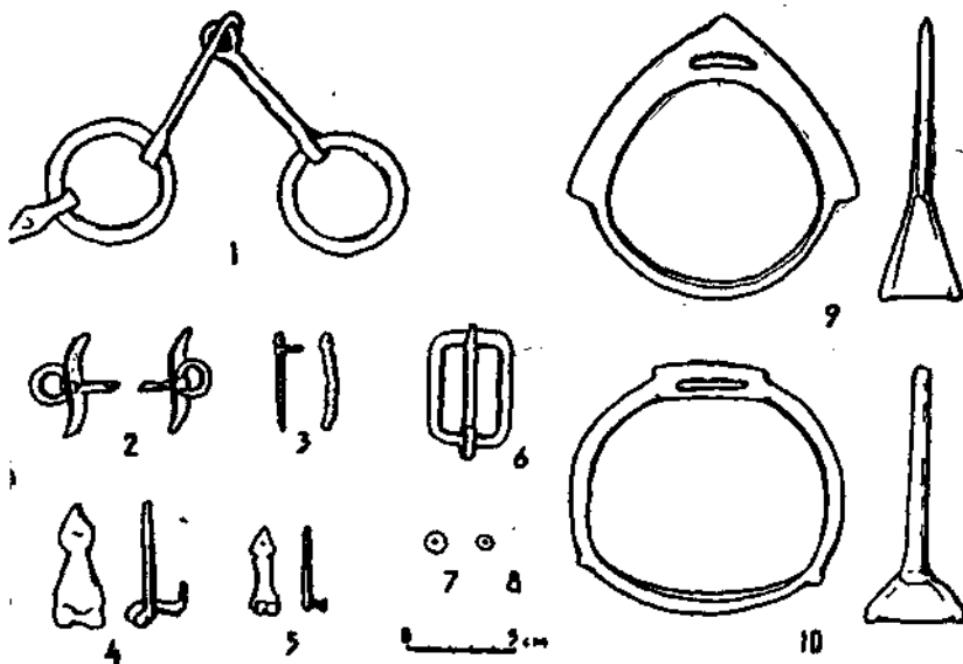

Рис. IV. Могильник Хемчик-Бом VI, курган 3. Инвентарь: 1 — удила; 2 — седельные кольца; 3—5 — ременные наконечники оголовья; 6 — подврежная пряжка; 7—8 — бусы; 9—10 — стремена; 1—6, 9—10 — железо.

перекрытие из уложенных плашмя плит и камней. Торцы ямы были ограничены вертикально поставленными камнями. Размеры ямы — 2,1 × 0,9 м.

Положение костяка вытянутое на спине, руки слегка согнуты в локтях, кисти — на тазовых костях, ноги вытянуты. Ориентировка — головой на СВВ. Мелкие кости и часть позвонков были растащены грызунами и находились на разных уровнях заполнения могильной ямы (рис. III). Предварительный осмотр костяка позволяет предположить, что захоронение женское. Об этом свидетельствует и отсутствие в инвентаре предметов вооружения.

Инвентарь: остатки бересты (справа от черепа); железные удила с кольцами-псалиями (рис. IV, 1); пара седельных колец с S-видными прокладками (рис. IV, 2); два непарных стремени (рис. IV, 9, 10); три ременных наконечника (рис. IV, 3—5); подпружная пряжка (рис. IV, 6); две пастовых бусины — голубая (рис. IV, 7) и светло-желтая (рис. IV, 8).

Хемчик-Бом VI, курган 4⁶. Пристроен с ЮВ к наземному сооружению кургана 3 и является уменьшенной копией последнего (рис. II). Размеры центрального наземного сооружения — 4,8×2,8 м. В центре имеется стела высотой 0,7 м.

Погребение детское, в грунтовой яме, вытянутой по основной оси с СВ на ЮЗ. Размеры ямы 1,3×0,8 м. Кости расщеплены грызунами. По сохранившимся *in situ* остаткам костяка удалось установить положение погребенного — на спине, и ориентировку — головой на В. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Проблема датировки погребений монгольского времени связана с определенными трудностями, вызванными слабой их изученностью и малым количеством четко датирующихся вещей. Однако материал из публикуемых погребений позволяет предложить вполне определенные даты.

Пять железных наконечников стрел из куйлугхемского погребения (рис. I, 1—5) — широкие черешковые срезы с упором для древка и сходящимся под прямым или тупым углом острием (так называемые джучидские). Эта форма является одной из наиболее распространенных в монгольское время, хотя хронологические рамки ее бытования выходят из XIII—XIV вв.⁷ Шестой наконечник из этого погребения (рис. I, 6) тоже относится к черешковым срезам с упором, но имеет перо в виде узкой расширяющейся кверху лопаточки с тупоугольным острием. Срезы подобной формы характерны для памятников собственно монгольского периода (XIII—XIV вв.) и в более поздних памятниках не встречаются⁸. В Туве находка наконечника этого типа пока единственная, но аналогии имеют широчайшие — от Каракорума до Восточной Европы, где такие срезы появились, по мнению А. Ф. Медведева, с приходом монголов⁹.

Седельное кольцо из этого комплекса (рис. I, 8) находит себе аналогии в памятниках XIII—XIV вв. на Алтае¹⁰.

Таким образом, налицо все данные за то, чтобы датировать это погребение XIII—XIV вв., тем более, что остальные вещи комплекса имеют широкие хронологические рамки и этой дате не противоречат.

⁶ Раскопки Г. В. Длужневской и автора. См.: В. А. Грач и Г. В. Длужневская. Указ. соч., с. 205.

⁷ В Туве этот тип срезней доживает вплоть до XIX в. (см., напр., Л. Р. Кызласов. Курганы тувинцев. Вестник Московского университета, серия IX, история, 1964, № 5, с. 83, табл. 1 (3)).

⁸ А. Ф. Медведев. Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе. СА, 1966, № 2, стр. 55—56, рис. 1 (2); 2 (2—9).

⁹ Там же, с. 56.

¹⁰ А. А. Гаврилова. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.—Л., 1965, рис. 12 (5—7).

С датировкой и культурной принадлежностью хемчикских погребений дело обстоит сложнее. Удила типа хемчикских (рис. IV, 1) распространены очень широко и территориально и хронологически (практически они бытуют в степях на протяжении всего II тысячелетия н. э.) и поэтому для датировки решающего значения не имеют. То же можно сказать и о подпружной пряжке из этого погребения (рис. IV, 6).

Седельные кольца с S-видной прокладкой (рис. IV, 2) имеются в значительном количестве в памятниках XI—XII вв. в Минусинской котловине¹¹. В Туве найдена одна пара таких колец в могильнике Урбюн, расположенному недалеко от устья Хемчика, в начале Саянокого каньона Енисея¹². Урбюнское захоронение совершено по обряду трулосожжения с конем и датируется Д. Г. Савиновым XI—XII вв.¹³ Нахodka на Хемчике таких колец подтверждает мнение Д. Г. Савинова о северном их происхождении (из Минусинской котловины)¹⁴.

Абсолютная дата хемчикских комплексов в целом, вероятно, более поздняя. Об этом свидетельствует, во-первых, то, что захоронение совершено по обряду трупоположения (это говорит об отказе от кыргызской традиции), а, во-вторых, форма стремян.

Стремена имеют форму, близкую к окружной, и довольно широкую, овальную в плане подножку. У одного из них (рис. IV, 9) дужка уплощенная, заостряющаяся сверху с прямоугольной петлей в верхней части, у другого (рис. IV, 10)— петля в уплощенной прямоугольной рамке. В местах соединения дужки и подножки у стремян имеются выступы: у первого (рис. IV, 9)— крыловидные, у второго (рис. IV, 10)— в виде так называемых «кулачков».

Стремена окружной формы с выступами в азиатских степях практически не встречаются. Зато они находятся в большом количестве в древнерусских памятниках второй половины XII—первой половины XIII в. н. э.¹⁵ и в кочевнических памятниках южнорусских степей конца XII—XV вв.¹⁶

¹¹ См., напр., А. Н. Липский. Раскопки древних погребений в Хакасии в 1946 г. КСИИМК, вып. XXV, М., 1949, с. 83—84, рис. 31.

¹² Д. Г. Савинов. Погребение с серебряным кубком. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. XVI, Кызыл, 1973, с. 218—221.

¹³ Там же, с. 220.

¹⁴ Там же, с. 221.

¹⁵ А. Н. Кирпичников. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. САИ, вып. Е1—36, Л., 1973, с. 52—53, рис. 29, тип IX.

¹⁶ См., напр., Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, с. 12—16, рис. 1; типы: ГІІ—ГІV; ЕІV.

А. Н. Кирпичников полагает, что на Руси выступы служили вместо шипов шпор¹⁷. Отсюда неизбежно следует, что эта форма стремян (с выступами) была заимствована кочевниками на Западе (так как последние, как известно, шпор не употребляли). Следовательно, в Туве такие стремена раньше середины XIII в. появиться не могли. Видимо, этим временем и следует датировать хемчикские погребения (оба кургана составляют единый комплекс и, без сомнения, синхронны).

Что же касается этнической принадлежности памятников, то ряд признаков указывает на то, что они были оставлены местными тюркоязычными кочевниками (возможно, потомками чиков, издавна населявших эти районы). Многие черты в обряде погребения и инвентаре указывают на участие населения, оставившего эти памятники, в этногенезе тувинцев. Вопросы эти, однако, требуют дополнительного исследования и, прежде всего, накопления археологического материала монгольского периода.

¹⁷ А. Н. Кирпичников. Указ. соч., с. 52.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

А. О. Корнилова

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ ТУВЫ

Изучение истории населенных пунктов имеет большое научное и познавательное значение. Оно дает возможность не только проследить возникновение и развитие самих населенных пунктов и расположенных в них предприятий, но и осветить историю революционных событий, социально-политических, экономических и культурных преобразований, произошедших на территории этих местностей. Хорошо поставленная краеведческая работа также помогает успешно организовать воспитание молодежи на примерах лучших традиций трудовых коллективов и всего советского народа.

Ценные сведения по истории населенных пунктов, относящиеся к до-революционной Туве, содержатся в трудах А. В. Адрианова¹, Г. Е. Грумм-Гржимайло² и В. И. Дурова³. В. И. Дулов на конкретных материалах показывает, как в связи с русской крестьянской колонизацией в Туве происходило возникновение таких поселений, как Шагонар, Чая-Холь, Туран, Уюк, первого города Белоцарока (ныне Кызыл) — административного центра бывшего Урянхайского края. В. И. Дулов глубоко раскрыл прогрессивную роль переселения русских трудовых крестьян в Засаяные и создания ими в конце XIX — начале XX в. оседлых поселений в социально-экономической и культурной жизни тувинского народа, в становлении и развитии дружбы между тувинцами и народами России.

В результате победы Великой Октябрьской социалистической революции российский пролетариат во главе с Коммунистической партией оказал братскую помощь тувинскому народу в его борьбе против гнета внешних поработителей и внутренних эксплуататоров. Центром революционного движения трудящихся Тувы становится город Белоцарск. В русских поселках были организованы Советы.

В годы ТНР возникают первые очаги оседлости коренного населения. Их число в связи с коллективизацией аратских хозяйств и развитием промышленности, особенно в советский период, быстро возрастало. Многие из них стали подлинными административными, экономическими и культурными центрами тех или иных территорий. Уже из этого видно, что населенные пункты Тувы имели свою историю. Если в 1918 г. в Туве

¹ А. В. Адрианов. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное летом 1881 г. по поручению ИРГО. СПб, 1886.

² Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край, т. III, вып. 1, Л., 1926; т. III, вып. 2, Л., 1930.

³ В. И. Дулов. Социально-экономическая история Тувы (XIX — начало XX в.), М., 1956.

насчитывалось 44 селения и большое количество земель с общей численностью 2519 русских хозяйств⁴, то в настоящее время в нашей республике имеются 5 городов, 2 поселка городского типа и 515 сельских населенных пунктов. Прошлое и настоящее каждого из них представляет собой богатый, воспитывающий, познавательный материал для работников науки и просвещения, для пропагандистов, агитаторов и краеведов.

Учитывая важность этого вопроса, бюро Тувинского обкома КПСС в 1963 г. приняло постановление «О создании истории городов, промышленных и сельскохозяйственных предприятий Тувинской АССР». Согласно этому постановлению, данную работу должны были возглавить Тувинский НИИЯЛИ, Дом политического просвещения обкома и Кызыльского горкома КПСС, краеведческий музей и республиканская станция юных туристов.

Сектор истории ТНИИЯЛИ в помощь краеведам и историкам разработал «Памятку по созданию истории городов и сел, предприятий промышленности, транспорта, строительства, колхозов и совхозов Тувинской АССР», которая была опубликована Тувинским обкомом ВЛКСМ и республиканской станцией юных туристов⁵. В городе Кызыле, районных центрах, на ряде предприятий (комбинаты «Туваасбест» и «Тувакобальт» и др.) были образованы комиссии по созданию истории населенных пунктов и предприятий. Во многих школах республики созданы музеи, где под руководством в основном преподавателей истории накапливаются сведения о возникновении и развитии поселков, о знатных людях района и села, образцы продукции местных предприятий, оформляются стенды и т. д.

В 1964 г. вышла в свет первая книга о главном городе нашей республики — «Кызыл — столица Советской Тувы (1914—1964 гг.)». Ее подготовила группа авторов — Н. А. Сердобов, В. Ч. Очур, С. Ч. Урояков, В. И. Ровнов и В. А. Харламов. В книге широко показано развитие столицы как административно-политического, экономического и культурного центра республики. Эта брошюра, хорошо иллюстрированная, на богатом фактическом материале отразила успехи, достигнутые трудящимися города за 50 лет его существования. По сравнению с другими работами на эту же тему⁶ книга «Кызыл — столица Советской Тувы» более глубоко раскрывала деятельность партийных, советских и других общественных организаций, ведущую роль столицы в социалистических преобразованиях, осуществленных под руководством Коммунистической партии в Советской Туве.

Районные, колхозные и совхозные центры и рабочие поселки Тувинской АССР представляют из себя современные благоустроенные, электрифицированные населенные пункты, где имеются школы, медицинские, культурно-просветительные и дошкольные учреждения, бытовые предприятия. О некоторых из них рассказывается в книгах «Советская Тува»⁷, «Колхоз «Путь к коммунизму»⁸, «Рабочий класс Тувы»⁹, в вы-

⁴ Л. В. Гребнев. Переход тувинских аратов-кочевников на оседлость. Кызыл, 1955, с. 15.

⁵ Организатору туристско-краеведческой работы со школьниками (Рекомендации). Кызыл, 1971, с. 7—16.

⁶ Т. О. Данзын-оол, О. Сиома. К тридцатилетию города Кызыла. «Под знаменем Ленина—Сталина». 1944, № 4, с. 18—21; Л. В. Гребнев. Кызылу 50 лет. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. XI, 1964, с. 70—82.

⁷ П. А. Шахунова, Б. Н. Лиханов. Тыва АССР. Бойдузү, чону, ажыл-агайы, Кызыл, 1965.

⁸ В. В. Осипова, В. А. Соколов, А. П. Глотов, Г. М. Тапханаков. Колхоз «Путь к коммунизму». Кызыл, 1955.

⁹ Л. В. Гребнев, В. Ч. Очур. Рабочий класс Тувы. Кызыл, 1971.

пускаемых Тувинской республиканской библиотекой имени А. С. Пушкина «Календаря знаменательных и памятных дат по Туве». Но все это не носит достаточно полного и системного характера.

В свое время по инициативе А. М. Горького издавалась в стране серия книг «История фабрик и заводов». В настоящее время эта патриотическая традиция восстанавливается и развивается. Большое значение имела проведенная Институтом истории АН СССР и Институтом истории АН УССР в мае 1972 г. в Киеве всесоюзная научная конференция по теме «Об опыте написания истории городов и сел, фабрик и заводов, колхозов и совхозов СССР». Широкий обмен мнениями ученых подтвердил актуальность изучения истории населенных пунктов и трудовых коллективов, его большое значение в воспитании трудящихся на революционных, боевых и трудовых традициях советского народа. В этой конференции участвовали научный сотрудник ТНИИЯЛИ кандидат исторических наук В. А. Дубровский и преподаватель Кызыльского педагогического института кандидат исторических наук В. Л. Биче-оол, который выступил с сообщением об опыте изучения истории колхоза «Красный пахарь» Пий-Хемского района¹⁰. Задачи историков и краеведов Тувы в свете рекомендаций Киевской научной конференции были изложены в статьях В. А. Дубровского «Летопись народная»¹¹ и В. Л. Биче-оола «Пишите историю колхозов и совхозов»¹². Студенты Кызыльского педагогического института под руководством своих преподавателей приступили к изучению истории отдельных колхозов и совхозов Тувы. На страницах республиканских газет появляются статьи работников станции юных туристов З. И. Журавлевой и Ф. А. Журавлева об отдельных населенных пунктах. Но все-таки это не тот масштаб и не та глубина, которыми должна отличаться разработка столь комплексной, емкой и значительной темы.

Изучение истории городов и сел, промышленных и сельскохозяйственных предприятий следует считать одной из ответственных задач исторической науки в Тувинской АССР. В связи с большими изменениями в социально-экономической жизни трудящихся Тувы изучение каждого населенного пункта и предприятия, любого трудового коллектива представляет большой интерес и имеет серьезное политическое и воспитательное значение, позволяет на конкретных фактах ярко и доступно рассказать о том, как тувинский народ, руководимый Коммунистической партией, в братской семье советских народов СССР за короткий исторический срок преодолел вековую отсталость, создал современную промышленность и многоотраслевое социалистическое сельское хозяйство, достиг невиданного расцвета культуры и вышел на широкий путь коммунистического строительства.

Всестороннее и глубокое воссоздание истории населенных пунктов и предприятий должно раскрыть величие достижений тувинского народа во всех областях жизни, наглядно показать мудрость ленинской национальной политики Коммунистической партии, воспитывать в советских людях гордость за свою социалистическую Родину, уважение к славным свершениям старших поколений нашего народа.

¹⁰ «История СССР», 1972, № 6, с. 246.

¹¹ «Тувинская правда», 13 июня 1972 г.

¹² «Шын», 18 июня 1972 г.

Н. А. Сердобов

МАТЕРИАЛЫ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ЭТНОНИМИКЕ

Итоги переписей населения нашей страны отражают поступательный социально-экономический и культурный прогресс Советского Союза, расцвет и сближение населяющих его наций и народностей. Перепись 1970 г., по сравнению с предшествующей, проводилась по более широкой программе, что позволило получить конкретный материал не только о численности и распределении населения по ряду социальных и этнодемографических признаков, но и о степени распространения билингвизма, интенсивности миграционных процессов¹.

Представляется важным обратить внимание на то существенное обстоятельство, что материалы переписи для некоторых народов Сибири, в частности, Саяно-Алтайского нагорья, сохранивших в той или иной мере в собственных именах проявления бывшей родо-племенной структуры, могут быть использованы как источник по этнонимике². Значение последней для воссоздания (в комплексе с другими источниками) истории происхождения того или иного народа, для исследований этногенетических и этнокультурных связей между различными этническими единицами общезвестно³. Отметим, что Л. П. Потаповым в научный оборот введенено понятие *народная этногенетика* для обозначения одной из областей народных исторических знаний аборигенного населения, охватывающей схематику родо-племенных подразделений и их генеалогию⁴.

Ранее нами были рассмотрены материалы, почерпнутые в похозяйственных книгах и позволившие установить распространенность среди имен

¹ См. С. И. Брук. Этнодемографические процессы в СССР (по материалам переписи 1970 г.). СЭ, 1971, № 4, с. 8—30. Т. И. Байкара. К итогам переписи 1970 г. УЗ ТННИЯЛИ, вып. XVI, Кызыл, 1973, с. 25—32.

² Этнонимика — отдел исторической ономастики; изучает этнонимы — названия родов, фратрий, племен, племенных союзов и народов. См. А. И. Полов. Названия народов СССР. Л., 1973.

³ См. Л. П. Потапов. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957; его же: Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969; С. М. Абрамзон. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971; С. И. Вайнштейн. Очерк этногенеза тувинцев. УЗ ТННИЯЛИ, вып. V, 1957, с. 178—214.

⁴ Рецензия на книгу П. Д. Баялиевой. Доисламские верования и пережитки у киргизов. СЭ, 1973, № 5, с. 168.

түвинцев — жителей сельской местности более 20 этнонимов⁵. По перечню этнонимов, численности и расселению их носителей, в комплексе с другими источниками и с учетом түвиноведческих трудов ряда авторов, мы предприняли попытку рассмотреть некоторые вопросы этнической истории түвинцев. В частности, была установлена значительная раздробленность и рассредоточение по всем районам Тувы потомков бывших родо-племенных групп. Последнее рассматривалось как одно из характерных проявлений процесса национальной консолидации түвинцев⁶.

В целях дальнейшего исследования упомянутых вопросов, а также расширения и уточнения ранее учтенных материалов целесообразно, как уже говорилось, использовать материалы последней переписи (1970 г.) населения Тувинской АССР. Это обусловлено тем, что, несмотря на численный рост собственных имен у современных түвинцев (за счет внутренних ресурсов и заимствований у других народов), в них сохраняется большой пласт этнонимов.

В качестве первого опыта привлечения данных переписи к изучению түвинской этнографии нами рассмотрены материалы только по Кызыл-Дагскому (Улаганский район) и Нарынскому (Эрзинский район) сельским Советам.

В Кызыл-Дагском сельском Совете перепись в качестве собственных имен, восходящих к этнонимам, зафиксировала: тюлюш, кора-сал, ооржак, хомушук, монгуш, сат, ховалыг, ондар, куулар, донгак, долаан, кыргыс, кужугет, сарыг, саяя, иргит и в Нарынском сельском Совете — чооду, кыргыс, соян, ооржак, монгуш, ондар, оюн, иргит, салчак, хертск⁷. Данные о численности этнонимов приводятся в таблице 1. Следует оговориться, что они не дают, естественно, полного представления о распределении всего населения упомянутых сельских Советов (особенно женского) по принадлежности к бывшим родо-племенным группам. Для этого, помимо данных переписи и других источников, потребовалось бы сплошное и специальное, весьма трудоемкое обследование методом опроса или анкетирования.

Таблица 1

Данные об этнонаимах в именах түвинцев, проживавших на начало 1970 г. в Кызыл-Дагском и Нарынском сельских Советах Тувинской АССР

Этнонаимы	Число носителей этнонаимов						Общее число этнонаимов	
	лиц мужского пола		лиц женского пола					
	в фамилиях	в именах	в отчествах	в фамилиях	в именах	в отчествах		
1	2	3	4	5	6	7	8	
<i>а) Кызыл-Дагский сельский Совет</i>								
тюлюш	54	14	71	52	15	68	274	
монгуш	52	23	75	66	12	100	329	
ховалыг	17	10	42	17	7	40	133	

⁵ См. Н. А. Сердобов. Современное расселение носителей түвинских этнонаимов. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. XIV, Кызыл, 1970, с. 55—107. См. также: С. И. Вайнштейн. Личные имена, термины родства и прозвища у түвинцев. «Ономастика», М., 1969, с. 125—133; З. Б. Арагачи (Чадамба). Түвинские имена. «Справочник личных имен народов РСФСР», М., 1955, с. 174—177.

⁶ Н. А. Сердобов. История формирования түвинской нации. Кызыл, 1971.

⁷ Здесь и ниже этнонаимы выделены курсивом.

1	2	3	4	5	6	7	8
сат	27	9	17	19	1	16	89
кыргыс	7	1	3	6	—	4	21
долаан	5	1	3	4	1	3	17
донгак	1	1	7	—	1	6	16
иргит	3	—	2	2	1	2	10
ондар	5	—	—	4	—	—	9
сарыг	2	—	—	5	—	1	8
саая	3	—	1	3	1	—	8
куулар	1	—	—	—	—	1	2
хомушику	1	—	—	1	—	—	2
кужугет	—	—	1	1	—	—	2
кара-сал	—	—	—	1	—	—	1
ооржак	1	—	—	—	—	—	1

б) Нарынский сельский Совет

кыргыс	14	15	49	13	2	68	161
чооду	18	8	24	15	1	33	99
сяян	5	—	1	12	—	1	22
иргит	—	2	5	—	1	8	16
ооржак	5	1	1	3	—	2	12
юн	3	—	—	6	—	—	9
монгуш	3	—	—	2	—	2	7
ондар	1	—	—	3	—	—	4
хертек	2	—	—	1	—	—	3
салчак	—	—	1	1	—	—	2

Переходы этнонимов из имен родителей в имена детей, а также случаи утраты и регенерации этнонимов — весьма разнообразны. Некоторое представление об этом сложном процессе дают следующие группировки извлечений из переписных листов.

1. ПЕРЕДАЧА ЭТНОНИМОВ ОТ РОДИТЕЛЕЙ К ДЕТЬЯМ

а) Из фамилии родителей в фамилии детей. Приведем примеры этого наиболее распространенного и правомерного варианта⁸.

КД — 28(6). Отец — Сат Эрес-оол Солаан; мать — Санчи-Будун Арапчор Тюлюш(евна). Дети принимают фамилию Сат и отчество — Эрес-оолович. Аналогично (только с другими этнонимами) — в листах КД — 6(6), Н — 6(1), Н — 20(2) и др.

КД — 46(1). Отец Чымбалдай Байыр-оол Чимбаевич; мать — Тюлюш Досумаа Бырлайевна; младший сын — Тюлюш Сергей Байыр-оол(ович). КД — 56(5). Отец — Ойдукпай Чудан-оол Монгуш(евич); мать — Кыргыс Баара Доржу(евна). Три сына и дочь имеют фамилию Кыргыс. Н — 14(1).

⁸ При оформлении примеров приняты следующие сокращения и последовательность: 1) сокращенное название сельского Совета — КД — Кызыл-Дагский, Н — Нарынский; 2) номер переписного листа; 3) в скобках — номер счетного участка. Отмечается только главенство в семье жен; в остальных случаях главой является муж.

Отец — Бар-оол Чооду Дунголович; мать — Соян Инчикей Сагачаевна; дочь — Соян Ямаалай Инчикейевна; сын — Бар-оол Сурүн Чоодуевич. КД—99(5). Отец — Сандак Александр Монгушевич, мать (глава семьи) — Монгуш Галина Канзановна; сын — Монгуш Сергей Канзанович. Аналогично — в листах Н—20(2), Н—54(2), Н—11(2) и др.

б) Из имени или отчества родителей этноним переходит в фамилию детей

КД—40(3). Отец — Даши Сат Дамбаевич; четыре сына и дочь имеют фамилию Сат⁹. Н—53(1). Отец — Соруктуг Кыргыс Кунчунович. Одни из сыновей — Кыргыс Владимир Соруктугович, КД—44(3). Отец — Даржай Эрес-оол Тюлюшович. Сын и дочь — по фамилии Тюлюш. Н—98(1). Отчество матери — Сояновна — перешло в фамилию сына (Соян); Н—133(1). Отец — Қаваа Байыр-оол Чоодуевич. Две дочери имеют фамилию Чооду. КД—1(2). Отец — Дугаржап Байлак-оол Долаанович; четыре сына и две дочери — по фамилии Долаан. КД—27(2). Отец — Данов Қарбы Ховалыгович; дочь — Ховалыг Сояна Карбыевна.

Зафиксирован также ряд случаев, когда имя матери переходит в отчество детей. Например, КД—51(5). Отец — Сотнам Сат Лопсанович; мать — Монгул-Хоо Ховалыг Ковай-оол(овна); сын — Дарый Хуралан Ховалыгович.

в) Фамилия или отчество родителей становится отчеством детей

КД—13(5). Отец — Монгуш Байыр-оол Дондар(ович); две дочери и сын имеют фамилию Байыр-оол, а отчество Монгуш(евна, евич); КД—57(6). Отец — Монгуш Дукур-лама Лопсан-нава; мать — Бошмык Бурба Сатовна. Две дочери и сын — по фамилии Дукур-лама и отчеству — Монгуш(евна, евич). КД—19(5). Отец — Сат Даваа Машпай(евич). Два сына и дочь имеют фамилию Даваа и отчество Сат(ович, овна). Н—58(1). Отец — Чооду Аракчаа Калинович, мать — Бавин Норчук Балгаевна, сын — Норчук Роман Чоодуевич. Заметим, что переход имени матери в фамилию детей — у тувинцев весьма распространенное явление.

Н—134(1). Одинокая мать Салчак Чечек Самдановна, сыны Самдан Самед Салчакович; Н—33(3). Отец — Кыргыс Арагат Чамбалович; мать — Чооду Бырат Коевна; дочери и сын записаны под фамилией Арагат и отчеством Кыргыс(овна, ович).

г) Этноним из отчества родителей переходит в отчество детей, т. е. сохраняется

КД—61(5). Отец — Чимбаа Санна Монгуш(евич); дочь — Санна Валентина Монгушевна. Н—26(3). Вдова Банчын Серен Кыргысовна; сын Банчын Владимир Кыргысович и др.

II. УТРАТА ЭТНОНИМА

Наиболее распространенный случай связан с исчезновением в именах детей этнонима, являющегося отчеством отца. Например, Н—22(3). Отчество отца — Чоодуевич, матери — Иргитовна. В имени, отчестве детей этноним не содержится. Факты, отражающие данное, в целом закономерное явление, находим в переписных листах КД—60(4), КД—63(4), КД—80(6), Н—25(4), Н—132(1) и т. д.

Более редки, но все же обширны случаи утраты этнонимов, содержащихся в именах и фамилиях родителей. Например: Н—17(4). Отец —

⁹ В ряде примеров имя, отчество и фамилия одного из супругов, если они не содержат этнонима, опускаются.

Чооду Урблан Хууженович, мать — Ижи Мария Мижитовна; сын Ижи Орлан Мижитович. Н—70(2). Отец — *Кыргыс* Балчын Дажы-Даваевич; сын носит фамилию матери — Дамба. Н—15(4). Отец — Чадамба Демир-оол *Кыргысович*; мать — *Чооду* Анай Долумаевна; дочь Чадамба Айлан-маа Демир-ооловна. Н—75(2). Отец — Бомбулук *Кыргыс* Аюнович; мать — Норзун *Мингээ¹* Сагачы; дочери Галина и Римма Бомбулуковны Норзун и т. д.

III. РЕГЕНЕРАЦИЯ ЭТНОНИМА

Представляют интерес случаи, когда в личных именах детей появляется этоним, не содержащийся в именах родителей, но являющийся названием бывшей рода-племенной группы, к потомкам которой относился их отец или мать. КД—80(5). Отец — Кургуул Байлак Доспан(ович), мать — Кожага Александра Юрьевна, сыновья Николай и Анатолий *Тюлюшевичи* Байлак. Н—101(1). Отец — Сенди Дайын Чижинович, мать — Донмит Чингири Доктугуевна, четыре дочери и три сына носят фамилию Соян и отчество Дайын(овна, ович). Н—119(1). Отец — Сок Хурен-оол Сошламович, мать — Чигжит Долзатма Сурасовна, сын *Кыргыс* Кан-оол Хурен-оолович, остальные дети записаны по фамилии отца.

Н—54(3). Отец — Чоксум Санги Чоксумович; мать — Ладоуржу Назын Лозувайовна; четыре сына и дочь носят фамилию *Кыргыс* и отчество Санги(евич, евна). Н—55(3). Отец — Шой Белек Суролович, мать — Аизай Алефтина Бадыргиевна; сын Соян Маадыр-оол Бадыргеевич. КД—35(5). Отец — Лопсан Алдын-оол Даржай; мать — Биче-оол Аныкы Сат(овна), дети — Татьяна *Тюлюшевна*, Олег *Тюлюшевич* Лопсан. КД—45(5). Вдовец Лопсан Байлак Даваа; одна из дочерей носят фамилию брата отца и отчество, образованное от его имени, — Найдын Чечек *Тюлюшевна*, КД—8(2). Отец — Кула *Тюлюш* Дамбаевич; мать — Седип Натпил Олаевна; дочь Докур Ира *Тюлюшевна*, сын Седип Эрес-оол *Монгушевич*.

Особый интерес представляет появление в именах детей нового (третьего) этонима, связанного, видимо, с происхождением матери. Например: КД—98(5). Отец — Доктаалай Сат Биче-оолович; мать — Нортун-оол Шожотма *Донгак*(овна), сыновья *Кызыл*-оол Мерген Доктаалай(евич) и *Кызыл*-оол Долаан Доктаалай(евич). Отчество детей по отцу исключает вероятность второго брака матери.

Несмотря на то, что переписной лист не содержит вопроса о втором браке, его можно установить не только дополнительным опросом, но и по сопоставлению этонимов, содержащихся в именах детей от первого и второго брака. Приведем наиболее характерный пример. КД—51(2). Отец и он же отчим — *Тюлюш* Бактал Дарыкпаевич, мать — Бегэн Дадар Могеевна; сын *Хомушку* Анатолий Чайлак-оолович (15 лет), дочь *Хомушку* Анна Чайлак-ооловна (13 лет), дочь *Тюлюш* Елена Бакталовна (8 лет), дочь *Тюлюш* Лариса Бакталовна (6 лет), сын *Тюлюш* Артур Бакталович (3 года) и дочь *Тюлюш* Мада Бакталовна (3 мес.). Дети от первого брака получили фамилию *Хомушку*, а от второго — *Тюлюш*.

Полупод отметим, что в именах ряда тувинцев встречается два этонима, что, видимо, отражает факт принадлежности родителей к потомкам разных рода-племенных групп и былую экзогамность последних. КД—13(2). *Ховалыг Сарыг Энгееевна*. Н—7(5). *Чооду* Клара *Кыргысова* и т. д.

¹ Не исключено, что имя *Мингээ* восходит к этониму *мингат*, который являлся самоназванием некогда многочисленной группы тюркского корня, расселенной в долине Хемчика, частично — в Тубинской землице (XVII в.). Значительная часть *мингатов* была насильственно переселена в Джунгарию.

IV. Материалы переписи позволяют с некоторой долей условности проследить брачные связи между потомками бывших родо-племенных групп.

Например, по Кызыл-Дагскому сельскому Совету зафиксировано 17 браков между мужчинами, в личных именах которых содержится этоним монгуш, и женщинами — носителями этонима тюлюш, 7 браков — соответственно между носителями этонимов монгуш и ховалыг и т. д. Вполне допустимо, что какая-то часть этих браков связана с остаточными проявлениями ранее существовавшей традиции (в условиях былой экзогамии) заключать браки преимущественно в рамках определенных родо-племенных групп («сватов»). Распространенность же браков между потомками как одной и той же бывшей родо-племенной группы, так и самых различных групп, среди которых ранее не было устоявшихся брачных контактов, свидетельствует об утверждении новых подлинно свободных, равноправных семейно-брачных отношений, на которые территориальные и, тем более, генеалогические связи уже не оказывают определяющего влияния.

* * *

«Механизм» передачи этонимов из поколения в поколение весьма сложен. Только рассмотрение полной серии материалов переписи по всей административно-территориальной номенклатуре в комплексе с другими источниками позволит установить общие закономерности этого процесса и сделать некоторые рекомендации как для ретроспективного изучения происхождения и этнокультурного типа бывших родо-племенных групп, так и для исследований интеграции последних в области языка, духовной и материальной культуры. Большое значение имело бы сопоставление материалов переписей 1959 и 1970 гг. Наше же рассмотрение данных только по двум сельским Советам позволяет в предварительном плане установить следующее.

1. В тувинской этонимике имеет место, с одной стороны, исключение этонимов из семейных фамилий и личных имен коренного населения и, с другой стороны, их закрепление (передача) и регенерация.

2. Утрата этонима, прежде всего, происходит в тех случаях, когда он является отчеством отца. В этом случае дети, как правило, не наследуют данный этоним в своих личных именах. Значительно реже наблюдается выпадение этонимов, содержащихся в именах и фамилиях родителей.

3. Преобладающей является передача детям этонимов из семейных фамилий родителей. Характерно, что передаются этонимы из фамилий (реже из имен) не только отцов, но и матерей и даже их ближайших родственников.

4. В Кызыл-Дагском и Нарынском сельских Советах подавляющее большинство жителей по своей принадлежности (происхождению) относится к тем бывшим родо-племенным группам, которые являлись основными народниками соответствующей территории. В Кызыл-Дагском сельсовете — это тюлюш, в Нарынском сельсовете — чооду, кыргыс и др. Вместе с тем в результате миграционных процессов, усиления подвижности населения Тувы в послеоктябрьский период — период сложения тувинской социалистической нации — коренным образом изменилась география обитания потомков бывших родо-племенных групп, усилилась их смешанность. В какой-то мере сказанное отражает таблица 1.

Бытование этонимов в качестве семейных фамилий и личных имен тувинцев представляется весьма долговременным. Полная обработка материалов переписи (с учетом влияния смешанных браков) явилась бы серьезным вкладом в разработку комплексной проблемы этногенеза тувинцев и других народов Саяно-Алтая, а также в изучение современных социально-этнических процессов.

М. Х. Маннай-оол

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГЕНЕЗУ ТУВИНЦЕВ

Изучение этногенеза и этнических процессов является одной из сложных и актуальных проблем исторической науки. Сложность этой проблемы заключается в том, что она может решаться лишь с учетом данных целого ряда смежных научных дисциплин: истории, антропологии, этнографии, археологии, лингвистики, фольклора, топонимики. В настоящей статье в хронологическом порядке дается обзор основной литературы по изучению этногенеза тувинцев.

Наиболее ранние сведения об исторических предках тувинского народа содержатся в китайских династийных летописях, в текстах памятников орхоно-енисейской письменности, а также в средневековых письменных свидетельствах на персидском, арабском и монгольском языках¹. С середины XVIII в. появляются первые работы отечественных ученых, специально или попутно рассматривающие вопросы происхождения тувинцев. Среди них следует отметить прежде всего труды академика П. С. Палласа, по мнению которого, тувинцы — «остатки самоедов, вытесненных со своих старых мест обитания»². Русский этнограф и натуралист И. Г. Георги тоже сообщает о «племени саят, иначе называемых также суйотами или сойотами», и относит их к самодийцам, что якобы «доказывается их видом, языком и житейскими обычаями»³.

Исследователи XIX и начала XX в., особенно те, которые посетили Туву, более или менее ближе подошли к правильному решению отдельных вопросов этногенеза тувинцев. Так, исследователь древностей Сибири Г. И. Спасский впервые отнес тувинцев к тюркоязычным народам на основании записанных им слов от тувинцев на Саянах⁴. Однако его мнение долго не получало поддержку ученых, так как они опирались на группы академиков П. С. Палласа и И. Г. Георги, ошибочно относивших тувинцев к «самоедам».

Немецкий востоковед Ю. Г. Клапрот, работавший в 1802—1812 гг. в русской Академии наук, хотя и был знаком с материалами Г. И. Спасского, по-прежнему считал тувинцев «южными самоедами»⁵.

¹ См. История Тулы. М., 1964, т. I.

² П. С. Паллас. Путешествия по разным провинциям Российского государства, ч. III, кн. I, СПб., 1788, с. 523—524.

³ И. Г. Георги. Описание всех в российском государстве народов, также их житейских обрядов, верований, обыкновений, жилищ, одежд... СПб., 1779, ч. 1—3, с. 15.

⁴ Г. И. Спасский. Изображение обитателей Сибири. СПб., 1820, с. 146—152.

⁵ J. Klaprot. Asia polyglotta. Paris, 1823, с. 146—152.

Однако мнение Г. И. Спасского все же получает свое подтверждение. Выдающийся русский географ-востоковед П. А. Чихачев, посетивший в 1842 г. Западную Туву, одним из первых отмечает, что «язык тувинцев тюркского происхождения», но для них «характерны монгольские черты»⁶.

Финский востоковед М. А. Кастрен после кратковременного пребывания в 1847 г. в северо-восточной части Тувы приходит к противоречивому мнению. Утверждая, что тувинцы «говорят почти тем же тюркским наречием, как и минусинские татары, и весьма вероятно, что в старину большая часть сойотов были чистые тюроки и татары»⁷, он вместе с тем полагал, что многие из тувинских племен самоедского происхождения⁸. В подтверждение последнего положения М. А. Кастрен лишь указывал на наличие тувинских этнонимов у самоедов и «самоедских слов и особенностей» в тувинском языке.

Выдающийся тюрколог академик В. В. Радлов после посещения Западной Тувы в 1861 г. приходит к заключению, что тувинцы «говорят на турецком (т. е. тюркском — авт.) языке», а по происхождению они «представляют смешанную из киргизов, самоедов и енисейских остыков народность»⁹.

Важные наблюдения и сведения о родо-племенном составе тувинцев имеются в трудах известного географа и этнографа Г. Н. Потанина, посетившего Туву в 1877—1879 гг. и высказавшего предположение о том, что тувинцы — «потомки древних уйгуров»¹⁰.

Ценным, не утратившим своего источниковедческого значения исследованием по выяснению этнического состава тюркоязычных народов (в том числе тувинцев), является работа востоковеда-турколога Н. А. Аристова¹¹. Недостатком этой работы следует считать недооценку комплексных источников, изучение этнического состава тех или иных племен, народностей преимущественно на основе данных этнографии. По мнению Н. А. Аристова, этнография, археология, лингвистика и антропология не могли в то время дать по данной проблеме достаточных материалов и сведений.

Большой знаток народов Южной Сибири, тюрколог Н. Ф. Катанов, специально занимавшийся изучением тувинского языка, подверг критике лингвистические выводы М. А. Кастрена. «Сравнивая урянхайские слова своего собрания с самоедскими словами, собранными М. А. Кастреном... не нашел я сходства урянхайского языка с самоедским в лексическом отношении. Большая часть урянхайских слов, совпадающих с самоедскими, в частности со словами камасинского наречия самоедского языка (Канском у. Енис. губ.), оказались тюркского происхождения или монгольского, но не самоедского»¹². Н. Ф. Катанов впервые научно обоснованно доказал, что «тувинцы в основном говорят на одном и том же языке с самыми слабыми отклонениями, вполне по-туркски, а не по-са-

⁶ П. А. Чихачев. Путешествие в Восточный Алтай. М., 1974, с. 171.

⁷ М. А. Кастрен. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири в 1837—44 и 1845—49 гг. «Магазин землеведения и путешествия», М., 1866, с. 411.

⁸ Там же.

⁹ В. В. Радлов. Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии. Иркутск, 1929, с. 14.

¹⁰ Г. Н. Потанин. Очерки Северо-Западной Монголии, вып. IV, СПб., 1883, с. 13.

¹¹ Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племён и народностей. СПб., 1896, вып. III—IV.

¹² Н. Ф. Катанов. Опыт исследования урянхайского языка с указанием важнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903, с. XVII.

моядски и не по-остяцки»¹³. Касаясь вопроса о происхождении тувинцев, он писал, что «они составились из элементов тюркских, монгольских и самойдских и известны были под именем дубо в древнее время»¹⁴.

В 1897 г. впервые антропологическими типами тувинцев заинтересовались антропологи И. П. Слинич и К. И. Горощенко. Если в распоряжении первого было всего 11 черепов тувинцев, то второй исследовал 92 тувинца, в том числе 20 женщин. Однако их выводы, построенные на основании далеко не достаточных данных, оказались ошибочными¹⁵. В 1907 г. антропологическими типами тувинцев занимался антрополог А. А. Ивановский, который на основании материалов К. И. Горощенко впервые правильно отнес их к монголоидной расе¹⁶.

Далее следует сказать о фундаментальном труде выдающегося путешественника и исследователя Центральной Азии Г. Е. Грумм-Гржимайло «Западная Монголия и Урянхайский край»¹⁷, издание которого было завершено в 1930 г. Несмотря на серьезные общеметодологические ошибки,¹⁸ работа Г. Е. Грумм-Гржимайло, написанная на основе изучения колоссального количества разнообразных источников (письменных, археологических, антропологических, этнографических), представляет несомненный научный интерес. Тем не менее она так сильно устарела, что в наши дни сохраняет прежде всего свое источниковедческое значение. Рассматривая проблему происхождения тувинцев, Грумм-Гржимайло лишь отмечает сложный этнический состав этого народа, состоящего из тюркских, самодийских, монгольских и хетских этнических компонентов. В антропологическом отношении он сближал тувинцев с монголами.

Подлинно научное изучение истории и этногенеза тувинцев, как и других народов Сибири, началось лишь после Великого Октября. В числе первых советских экспедиций, проводивших свои исследования в Тувинской Народной Республике, в соответствии с современными научными требованиями, была комплексная этнографо-антропологическая экспедиция под руководством известного антрополога, профессора В. В. Бунака¹⁹. Антропологический отряд этой экспедиции в составе А. И. Ярхо и В. И. Белкиной работал в Дэун-Хемчикском и Барун-Хемчикском районах и исследовал всего 124 человека²⁰. Этнографический отряд в составе аспиранта Института антропологии МГУ М. Г. Левина, впоследствии крупней-

¹³ Н. Ф. Катанов. Указ. соч., с. XVI.

¹⁴ Н. Ф. Катанов. Предания присаянских племен о прежних делах и людях. «Записки ИРГО по отделению этнографии», т. XXXIV, СПб., 1909, с. 286.

¹⁵ См.: И. П. Слинич. К краниологии сойот.—«Русский антропологический журнал», М., 1901, № 1, с. 70; К. Горощенко. Сойоты.—«Русский антропологический журнал», М., 1901, № 1, с. 72.

¹⁶ А. А. Ивановский. Енисейские инородцы (по материалам К. И. Горощенко).—«Русский антропологический журнал», 1907, №№ 1—2 (кн. XXV—XXVI).

¹⁷ Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край. т. I, СПб., 1914; т. II, Л., 1926; т. III, вып. I, Л., 1926; т. III, вып. 2, Л., 1930.

¹⁸ См. А. И. Ярхо. Алтас-Саянские тюрки. Антропологический очерк. Абакан. 1947, с. 114—120; А. Ю. Якубовский. Из истории монголов периода XI—XIII вв.—«Очерки по истории русского востоковедения». М., 1953, с. 77—81.

¹⁹ V. Bouak. Un pays de l'Asia peu connu, Le Tannou Towa.—«Internat. Arch. Ethnographie, Leiden», 29, 1928.

²⁰ А. И. Ярхо. Антропологический тип кемчикских танчу-түвинцев.—«Северная Азия», 1929, №№ 5—6.

шего советского антрополога, и Д. Ф. Амосовой, занимался этнографическими исследованиями в Тодже.

Сотрудниками этой экспедиции были собраны ценные этнографические и археологические данные, имеющие прямое отношение к этногенезу тувинцев. Антропологическими исследованиями было установлено, что западные тувинцы являлись в наиболее ясно выраженной форме представителями центральноазиатского типа²¹.

Углубленная и систематическая разработка проблем этногенеза и истории тувинского народа началась после вхождения ТНР в братскую семью народов СССР (1944 г.).

В статье «К антропологии Южной Сибири» М. Г. Левин (1954) на основании новых материалов приходит к выводу, что тувинцы центральных и западных районов составляют один центральноазиатский тип. Что касается восточных тувинцев, то тоджинцы-оленеводы сближаются с представителями байкальского антропологического типа (с эвенками, эвенами), а тоджинцы-скотоводы (Кол-сумок) по своему антропологическому типу занимают промежуточное положение между тоджинцами-оленеводами и тувинцами западных и центральных районов²².

В 1956 г. Г. Ф. Дебец, пересматривая свои, сделанные ранее выводы об антропологическом отличии между собой западных и центральных тувинцев,²³ отнес тувинцев-тоджинцев к саянскому типу (т. е. к байкальскому, по М. Г. Левину), а тувинцев остальных районов Тувы — к центральноазиатскому антропологическому типу²⁴.

Вопрос о происхождении тувинцев был поставлен на секции этнической истории и этнической географии Всесоюзного этнографического совещания в г. Ленинграде (1956 г.), где были сделаны два доклада по этой проблеме²⁵.

В разделе «Тувинцы» книги «Народы Сибири» (1956 г.) Л. П. Потапов указывает на смешанное происхождение тувинцев, включивших в свой состав тюркские, частично монгольские и кетские компоненты²⁶. Этнический состав тувинских племен и ряд проблем, связанных с этногенезом тувинцев, нашли свое освещение и в последующих работах Л. П. Потапова²⁷.

В 1957—1958 гг. С. И. Вайнштейн опубликовал ряд статей, посвященных этногенезу и этнической истории тувинцев²⁸. Среди них большой интерес представляет статья «Очерк этногенеза тувинцев», являющаяся по существу первым специальным исследованием, рассматривающим этногенез тувинского народа с современных научных позиций.

²¹ А. И. Ярхо. Указ. соч., с. 135.

²² М. Г. Левин. К антропологии Южной Сибири. КСИЭ, XX, 1954, с. 17—26.

²³ Г. Ф. Дебец. Краинологический очерк танко-тувинцев.—«Северная Азия», 1929, №№ 5 и 6. См. также: А. И. Ярхо. Указ. соч., с. 135.

²⁴ Г. Ф. Дебец. Антропологические типы населения СССР и некоторые проблемы этногенеза.—«Этнографические совещания 1956 г.». М.—Л., 1956, с. 64—66.

²⁵ См. С. И. Вайнштейн. Очерк этногенеза тувинцев. УЗ ТНИЯЛИ, вып. V, Кызыл, 1957, с. 180.

²⁶ См.: Народы Сибири, М.—Л., 1956, с. 420.

²⁷ Л. П. Потапов. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957; его же. Очерки народного быта тувинцев, 1969; его же. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969.

²⁸ См. С. И. Вайнштейн. Указ. соч.; его же. Некоторые вопросы этнической истории тувинцев-тоджинцев. КСИЭ, вып. 29, 1958, с. 90—94; его же. Об этнических границах расселения киргизов Южной Сибири. УЗ ТНИЯЛИ, вып. V, Кызыл, 1957, с. 215—219.

С. И. Вайнштейн приходит к выводу, что «в основе этногенеза степных народов, составляющих подавляющее большинство тувинского народа, лежат древние тюркоязычные племена центральной Азии... и тюрканизированные или монголоязычные группы», а «в этногенезе тоджинцев наряду с тюркоязычными группами большую роль сыграли самоедскоязычные группы»²⁹. Дальнейшие его исследования по этногенезу тувинцев были обобщены в первой части его докторской диссертации «Происхождение и историческая этнография тувинцев» (1970). В этом исследовании ранее сделанный вывод в отношении тувинцев степных районов остается неизменным, а в происхождении восточных тувинцев, как он пишет, «паряду с тюркоязычными племенами... важную роль сыграли самодийские и в меньшей мере кетские и монгольские, а на раннем этапе, вероятно, и тунгусские компоненты»³⁰.

В целом выводы С. И. Вайнштейна о происхождении тувинцев степных районов, составляющих подавляющее большинство населения, не вызывают возражения, а что касается самодийских, кетских и тунгусских компонентов, то они еще недостаточно изучены.

Интересные данные о родо-племенных группах тувинцев, населявших в XVII веке Красноярский и Иркутский уезды, содержатся в капитальном исследовании Б. О. Долгих³¹.

Этнический состав средневекового населения Тувы в связи с этногенезом тувинцев рассматривается в труде (1969 г.) Л. Р. Кызласова «История Тувы в средние века»³². Он на основании сопоставления археологических и письменных источников о племенном составе тувинцев приходит к выводу, что «тувинский народ имеет местное происхождение. Его основу составили различные тюркоязычные древние этнические группы, в которые влились монголоязычные группы, подвергнувшиеся со временем полному отюреванию, но сильно повлиявшие на физический тип населения Тувы»³³.

Широкую постановку и решение проблем происхождения, формирования и этнической истории тувинцев мы находим в монографии Н. А. Сердобова (1971 г.), посвященной истории формирования тувинской нации³⁴. В этой работе на основе учета и сопоставления различных источников прослеживаются «...этнические компоненты, принявшие участие в сложении тувинского народа, и основные изменения в этническом составе населения Верхнего Енисея в различные периоды истории, выявлены автохтонные и пришлые группы, раскрыто доминирующее значение тюркоязычных племен»³⁵.

Этнический состав населения Тувы в I тысячелетии до н. э. и I тысячелетии н. э. нашел свое освещение в разделе монографии и статьях автора данной статьи³⁶.

Большое значение для изучения этногенеза и этнической истории ту-

²⁹ С. И. Вайнштейн. Очерк этногенеза тувинцев, с. 214.

³⁰ С. И. Вайнштейн. Происхождение и историческая этнография тувинского народа. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1969, с. 15.

³¹ Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960.

³² Л. Р. Кызласов. История Тувы в средние века. М., 1969.

³³ Л. Р. Кызласов. Указ. соч., с. 174.

³⁴ Н. А. Сердобов. История формирования тувинской нации. Кызыл, 1971.

³⁵ Н. А. Сердобов. Указ. соч., с. 473.

³⁶ М. Х. Маннай-оол. Тува в скитское время. М., 1970; его же. Об этническом составе населения Тувы (I тысячелетие до н. э.—I тысячелетие н. э.), УЗ ТННИЯЛИ, вып. XIV, Кызыл, 1970; с. 108—126.

винцев имеют антропологические исследования. В этом отношении несомненный научный интерес представляют статьи антропологов В. П. Алексеева, И. И. Гохмана³⁷ и др.

Таким образом, приведенные данные свидетельствуют о том, что изучению этногенеза тувинцев посвящена обширная литература. Однако в трудах дореволюционных исследователей содержатся отрывочные данные о тех или иных вопросах этногенеза и этнического состава тувинцев. Эти ученые, естественно, не могли научно поставить и решить такую сложную проблему, как этногенез тувинцев, так как не только не располагали достаточным количеством материалов, но и не были вооружены диалектико-материалистическим методом исследования. Многие из них были представителями различных наук, попутно интересовавшимися происхождением того или иного сибирского народа.

Подлинно научное, материалистическое изучение истории тувинского народа и его этногенеза началось, как уже говорилось, в советский период. В исследованиях советских тувиноведов получили освещение многие вопросы этногенеза и этнической истории тувинцев. Вместе с тем, разработка этой проблемы, несмотря на ее безусловные успехи, не может считаться завершенной. К тому же в литературе последних лет имеют место и спорные вопросы, в частности, среди ученых нет единства по вопросу о времени сложения тувинцев в народность. Поэтому, как справедливо писал известный историк-сибирoved В. И. Дулов, «обязанность всех, кто занимается прошлым тувинского народа, принять участие в разработке этой весьма серьезной проблемы тувинской истории»³⁸.

³⁷ В. П. Алексеев. Черепа из древних погребений на территории Тувы. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. III, Кызыл, 1955, с. 103—108; его же. Палеоантропологические материалы скифского и сарматского времени с территории Тувы. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. VII, 1959, с. 252—259; его же. Скерп палеоантропологии Тувинской автономной области. «Труды института этнографии», т. XXXIII; В. П. Алексеев и И. И. Гохман. Палеоантропологические материалы гунно-сарматского времени из могильника Кок-Эль. «Труды ТКАЭ», т. III, Л., 1970, с. 239—297; И. И. Гохман. Об антропологических особенностях населения Тувы в гунно-сарматское время. Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии», вып. I, Новосибирск, 1964.

³⁸ В. И. Дулов. О некоторых итогах и задачах истории Тувы. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. VI, Кызыл, 1958, с. 12.

К 70-ЛЕТИЮ ЛЕОНИДА ПАВЛОВИЧА ПОТАПОВА

В 1975 г. исполняется 70 лет со дня рождения и 50 лет научной и общественной деятельности одного из широко известных представителей старшего поколения советских этнографов, крупного исследователя истории и этнографии народов Сибири и Центральной Азии, доктора исторических наук, профессора Леонида Павловича Потапова.

Л. П. Потапов достойно представляет советскую историческую науку, является широко эрудированным тюркологом, признанным специалистом в области музееведения. Круг его научных интересов исключительно многограничен. Он не только исследует теоретические проблемы этнографии, но и отдает много сил воссозданию конкретной истории ранее бесписьменных народов Сибири — тувинцев, алтайцев, хакасов, шорцев и др. Особо важное место в его научном творчестве занимают вопросы национальной консолидации и национального развития, социалистической культуры и быта народов СССР. Его перу принадлежит около 190 печатных трудов, отличающихся глубиной анализа и широтой теоретических обобщений.

Л. П. Потапов родился 6 июля 1905 г. в г. Барнауле. С юношеских лет он проявил интерес к этнографии родного края, совершая поездки с целью изучения культуры алтайцев под руководством известного алтая-веды А. В. Анохина. В 1928 г. Леонид Павлович успешно заканчивает этнографическое отделение географического факультета Ленинградского государственного университета, где под руководством выдающихся этнографов Л. Я. Штернберга и В. Г. Богораза-Тана и крупного тюрколога А. Н. Самойловича он получил основательную теоретическую подготовку и опыт самостоятельной полевой работы.

После окончания университета Л. П. Потапов направляется в Узбекскую ССР, где ведет большую научно-организационную и исследовательскую работу, собирает и публикует ценные материалы по этнографии узбеков. В 1930—1933 гг. он обучался в аспирантуре, после которой на долго связывает свою научную деятельность с Этнографическим отделением Русского музея (ныне — Государственный музей этнографии народов СССР). Здесь Л. П. Потапов работает с 1932 по 1946 г., сначала в должности заведующего отделом Сибири, а позднее — заместителя директора Музея по научной части. В 1939 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Пережитки первобытнообщинного строя у народов Алтая».

С начала Великой Отечественной войны Л. П. Потапов участвует вместе с другими ленинградцами в мероприятиях по обороне города,

в условиях блокады продолжает научную работу, проводя подготовку к эвакуации музейных ценностей. Лишь в 1942 г. он покидает Ленинград и выезжает в Новосибирск, где было организовано хранение эвакуированных коллекций Музея.

С 1943 г. научная деятельность Л. П. Потапова протекает в стенах Института этнографии АН СССР. Докторант в 1943—1946 гг., затем старший научный сотрудник сектора Сибири и его заведующий, Л. П. Потапов в 1948 г. выдвигается на пост заместителя директора института и руководителя его ленинградского отделения. В этой должности он работал бессменно 20 лет. В 1946 г. Л. П. Потапову была присуждена ученая степень доктора исторических наук за его монографию «Алтайцы» и присвоено звание профессора.

Еще в довоенные годы Л. П. Потапов обратил на себя внимание исследованиями истории и этнографии народов Алтая, главными направлениями которых были анализ социальных отношений и религиозных представлений этих народов. Уже в эти годы Л. П. Потапов находился на переднем крае борьбы за становление и развитие новой советской этнографической науки, ее перестройку на основе марксистско-ленинской методологии и поворот к актуальным задачам социалистического строительства. Раскрыв в ряде своих работ классовый характер алтайского общества, существовавшие в нем формы эксплуатации, Л. П. Потапов опроверг ошибочную теорию родового строя у алтайцев до Октябрьской революции, чем способствовал более правильной оценке социальных отношений и классовой борьбы в алтайском обществе в постоктябрьский период.

Наиболее плодотворно и во многих новых направлениях научная деятельность Л. П. Потапова развивалась в послевоенные годы. В этот период опубликован его фундаментальный историко-этнографический труд «Очерки по истории алтайцев» (Новосибирск, 1948), который был удостоен Государственной премии и несколько лет спустя переиздан (М.—Л., 1953). Именно в этом оригинальном труде, в котором, как и во многих других, Л. П. Потапов широко использовал большие, собранные им лично полевые этнографические материалы и архивные источники, наиболее ярко проявилось его дарование как историка-марксиста.

Помимо названного труда и серии статей, Л. П. Потаповым было опубликовано пять книг монографического характера: «Краткий очерк культуры и быта алтайцев» (Горно-Алтайск, 1948), «Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII—XIX вв.)» (Абакан, 1952), «Происхождение и формирование хакасской народности» (Абакан, 1957), «Этнический состав и происхождение алтайцев» (Л., 1969), «Очерки народного быта тувинцев» (М., 1969). В последнем из упомянутых трудов содержится глава «Альная община», представляющая собой крупный вклад в разработку проблемы пастбищно-кочевой общины у кочевников. Характерной чертой этих, как и большинства других работ Л. П. Потапова, является широкое использование полевых этнографических записей, которые имеют значение достоверного первоисточника.

Особо следует выделить цикл его исследований, относящихся к социально-экономическим отношениям. Одной из первых его работ на эту тему была статья «Классовые взаимоотношения у алтайцев до Октября», напечатанная в журнале «Борьба классов» (1934, № 4). Результатом углубления этой темы явилась другая статья «Общественные отношения у алтайцев» («Историк-марксист», 1940, № 11). Эти работы Леонида Павловича послужили отправной базой для рассмотрения более широкой проблемы, имеющей общеисторическое, теоретическое значение: о патриархально-феодальных отношениях у кочевников. В новых его трудах по этому вопросу, наряду с материалами по народам Сибири, привлекались сопоставительные данные, характеризующие этот же тип общественных

отношений у казахов, киргизов, монголов и некоторых народов Северного Кавказа (чеченцев, ингушей, карачаевцев).

На объединенной научной сессии АН СССР и ряда академий союзных республик, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период (Ташкент, 1954), одним из основных докладов был подготовленный Л. П. Потаповым и вызвавший оживленное обсуждение доклад «О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана». Особенno острая полемика разгорелась вокруг выдвинутого Л. П. Потаповым тезиса о том, что основной формой феодальной собственности у кочевников была собственность на землю, кочевья, пастбища. Абсолютное большинство участников сессии поддержало как этот тезис, так и некоторые другие положения докладчика. Статья Л. П. Потапова на эту же тему, опубликованная в журнале «Вопросы истории» (1954, № 6), положила начало дискуссии на его страницах на протяжении 1955—1956 гг. Позднее было доказано, что патриархально-феодальные отношения (своегообразная форма феодальных отношений) сочетались с еще достаточно реальными пережитками патриархально-родовых, общенных институтов и были характерны не только для кочевников, но и для оседлого населения Средней Азии¹.

Л. П. Потапов, как один из видных советских историков, принимает участие в подготовке ряда капитальных исторических и историко-этнографических трудов, в особенности по истории Сибири. Он пишет совместно с С. В. Киселевым ряд глав для «Истории СССР» (т. I, 1939), раздел «Народы Центральной Азии» в «Очерках истории СССР. Период феодализма IX—XIII в.» (ч. I, 1954), раздел «Народы Южной Сибири в VI—VIII вв.» в кн. «Древняя Сибирь» (т. I, Улан-Удэ, 1964), является членом главной редакции и автором ряда глав первых томов «Истории Сибири», одним из редакторов и авторов «Истории Тувы» (т. I, М., 1964).

Л. П. Потапов редактирует такие крупные труды, как книга А. П. Окладникова «История Якутии» (т. I, Л., 1955), «История Горно-Алтайской автономной области» (Горно-Алтайск, 1973), свод источников Н. В. Кюнера «Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока» (М.—Л., 1961). Под его редакцией в 1952, 1957 и 1962 гг. в издании Института этнографии АН СССР выходят «Сибирские этнографические сборники». В 1956 г. публикуется «Историко-этнографический атлас Сибири» (под ред. Л. П. Потапова и М. Г. Левина), в 1961 г.— большой коллективный труд «Народы Сибири» (под ред. Л. П. Потапова и М. Г. Левина, серия «Народы мира»). В последнем труде Л. П. Потапов выступает и как автор крупных глав «Алтайцы», «Хакасы», «Тувинцы», «Шорцы», и «Историко-этнографического очерка русского населения Сибири в дореволюционный период» (с участием С. В. Иванова, Г. С. Масловой и В. К. Соколовой). Книга «Народы Сибири» вышла в 1964 г. в переводе на английский язык в издании Чикагского университета (США).

В числе многих других монографических исследований, вышедших в свет под редакцией Л. П. Потапова, должны быть названы книга М. А. Сергеева «Некапиталистический путь развития малых народов Севера» (М.—Л., 1955), три крупных монографии С. В. Иванова, посвященных изобразительному искусству народов Сибири (сюжетному рисунку, скульптуре, орнаменту), сборник «Проблемы истории первобытного общества» (М.—Л., 1960).

Среди трудов Л. П. Потапова теоретического и научно-практического плана необходимо упомянуть написанную совместно с С. М. Абрамзоном

¹ См. Н. А. Кисляков. Патриархально-феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX — начале XX в. М.—Л., 1962.

статью «Значение идеально-теоретического наследия В. И. Ленина для советской этнографии» (ж. «Советская этнография», 1970, № 2), а также ряд работ Л. П. Потапова, относящихся к этнографическому изучению современных народов СССР, исследованию проблем социалистического строительства у этих народов, их национальной консолидации в условиях социализма. К этому циклу относятся: «Задачи этнографического исследования народов Сибири в свете учения В. И. Ленина по национальному вопросу» («Советская этнография», 1960, № 2), «О национальной консолидации народов Сибири» («Вопросы истории», 1955, № 10), «Ленинская национальная политика в действии» («Советская этнография», 1957, № 5), «Основные проблемы этнографического изучения народов СССР» (там же, 1961, № 3, совместно с Л. Н. Терентьевой и В. Ю. Крупянской), «Этнографическое изучение социалистической культуры и быта народов СССР» (там же, 1962, № 2). К этому же циклу примыкает «Очерк социалистического строительства у алтайцев в период коллективизации» (Горно-Алтайск, 1961). Серия исследований Л. П. Потапова посвящена в этом же плане тувинцам, шорцам, хакасам. В этих, как и в ряде других своих работ, Л. П. Потапов раскрыл роль этнографической науки в изучении процессов социалистического переустройства культуры и быта народов СССР, показал результаты ведущихся в этом направлении исследований советских этнографов, поставил ряд серьезных проблем, касающихся формирования социалистических наций и народностей.

Одним из основных направлений научной деятельности Л. П. Потапова, к которому он проявляет неизменный интерес, является проблема этногенеза. Здесь ученый выступает как зачинатель комплексного исследования многообразных этнографических материалов в их сочетании с данными архивных, письменных источников, археологии. Теперь уже можно считать, что проблема этногенеза народов Саяно-Алтая в своей основе решена, и главная заслуга в ее решении бесспорно принадлежит Л. П. Потапову.

Вопросы этногенеза народов Саяно-Алтая, занимающие видное место в трудах Л. П. Потапова, смыкаются с его глубокими интересами в области тюркологии. И здесь он выступает как оригинальный исследователь широкого профиля, истолкователь ряда загадочных страниц истории и этнографии древнетюркских племен. Для этой цели он умело использует историко-этнографический метод, обоснование которого содержится в его докладе на V Международном конгрессе антропологических и этнографических наук: «Применение историко-этнографического метода к изучению памятников древнетюркской культуры» (М., 1956). Развивая этот метод, Л. П. Потапов создает ряд этюдов, в которых по-новому освещаются вопросы идеологических представлений древнетюркских племен («Новые данные о древнетюркском *Ötikän*», «Советское востоковедение», 1957, № 1; «Умай — божество древних тюрков в свете этнографических данных». Тюркологический сборник, 1972, М., 1973), исследуются некоторые вопросы древней этнической истории тюркских племен («Новые материалы о древних этногенетических связях народностей Саяно-Алтайского нагорья. Доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов. М., 1960; «О народе Беклийской степи». В кн.: «Тюркологические исследования», М.—Л., 1963; «Тюльбера енисейских надписей». Тюркологический сборник, 1971, М., 1972). Перу Л. П. Потапова, крупного тюрколога, принадлежит обобщающий обзор «Этнографическое изучение тюркских народов СССР за 50 лет Советской власти» (Тюркологический сборник, 1970, Л.—М., 1971).

К тюркологическим исследованиям Л. П. Потапова должны быть отнесены и его изыскания, относящиеся к кочевниковедению. Таковы его работы «Особенности материальной культуры казахов, обусловленные кочевым образом жизни» (Сборник Музея антропологии и этнографии, т. XII, Л., 1949), «Из истории кочевничества» («Вестник истории мировой куль-

туры», 1957, № 4). Много ценных наблюдений и теоретических положений, относящихся к образу жизни азиатских кочевников, содержится в других работах автора.

Значительное место в исследованиях Л. П. Потапова занимает изучение ранних форм народных верований и шаманизма у народов Южной Сибири и Средней Азии.

В кратком обзоре можно выделить три группы вопросов, отраженных в публикациях ученого. Первое место среди них принадлежит характеристике и анализу шаманства, основанных главным образом на новых, ранее не публиковавшихся полевых материалах автора. Здесь особенно важны публикации, посвященные подробному изучению шаманских бубнов, с выяснением символики, семантики названий отдельных частей и рисунков бубнов (напр. «Бубен телеутской шаманки и его рисунки». Сборник МАЭ, т. X, 1949; «К семантике названий шаманских бубнов у народностей Алтая». «Советская тюркология», Баку, 1970, № 3; «Обряд оживления шаманского бубна у тюркоязычных племен Алтая». Труды Института этнографии АН СССР, т. I, 1947 и др.), Л. П. Потапов доказал научное значение изучения шаманских бубнов как ценного источника для историко-этнографического изучения народов Южной Сибири, в частности, для исследования их этногенетических связей.

Вторая группа упомянутых публикаций ученого связана с исследованием ряда народных культов дошаманского происхождения. Он четко поставил вопрос о сравнительно позднем происхождении шаманства у народов Южной Сибири, развивавшегося на основе древних местных культов природы и народных воззрений на человека («Культ гор на Алтае». «Советская этнография», 1946, № 2; «К изучению шаманизма у народов Саяно-Алтайского нагорья». «Филология и история монгольских народов». Сб. памяти академика Т. Я. Владимирцова. М., 1958 и др.). Обе названные группы публикаций, включающие свыше 20 работ (часть их опубликована на немецком, английском и чешском языках), позволили Л. П. Потапову выдвинуть новые аспекты изучения сибирского шаманства, изложенные им в докладе «Некоторые аспекты изучения сибирского шаманства» (М., 1973), представленном IX Международному конгрессу антропологов и этнографов, состоявшемуся в Чикаго в 1973 г.

Третья группа охватывает изучение доисламских верований у народов Средней Азии. По этой теме автором был собран богатый материал среди узбеков, к публикации которого он еще не приступал, если не считать статьи «Волк в старинных народных поверьях и приметах узбеков» (Краткие сообщения Института этнографии АН СССР, вып. XXX, 1958).

Л. П. Потапов по праву считается крупным специалистом в области музеиного дела. Он был автором ряда больших и новаторских по своему значению экспозиций, созданных в Государственном музее этнографии народов СССР, и нескольких печатных работ по музееведению, одна из которых была доложена на VI Международном конгрессе антропологических и этнографических наук («Основные принципы экспозиций в этнографических музеях СССР»). С 1949 г. Л. П. Потапов возглавил издание ежегодника «Сборник Музея антропологии и этнографии». Он является членом-корреспондентом Советского комитета Международного Совета музеев.

В большой научной работе Л. П. Потапова важная роль принадлежит его полевым исследованиям, о чем уже говорилось выше. С 1949 г. Л. П. Потапов руководит большой комплексной Саяно-Алтайской экспедицией, работа которой охватила горный Алтай, Шорию, Хакасию и Туву. С 1957 г. эта экспедиция была преобразована в Тувинскую комплексную археолого-этнографическую экспедицию, перед которой была поставлена задача выявить и изучить археолого-этнографические материалы по проблемам этногенеза и истории тувинцев. Экспедиция вела работу с 1957 по 1966 г. включительно. Большой размах приобрели в ней археологиче-

ские исследования, осуществленные начальниками археологических отрядов А. Д. Грачом, С. И. Вайнштейном и В. П. Дьяконовой. В результате работ экспедиции были опубликованы три тома «Трудов Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции», изданных под руководством и под редакцией Л. П. Потапова, ряд монографий Л. П. Потапова, А. Д. Грача, С. И. Вайнштейна, В. П. Дьяконовой. Сотрудники экспедиции приняли непосредственное участие в создании коллективной монографии «История Тувы» (т. I). «Труды» экспедиции получили высокую оценку в нашей советской и зарубежной печати.

Во время полевой работы Л. П. Потапов неизменно оказывал помощь местным научным центрам не только в Туве, но и в Хакасии, Горном Алтае. Он является одним из основателей Горно-Алтайского научно-исследовательского Института истории, языка и литературы.

Л. П. Потапов вместе с другими учеными достойно представлял советскую этнографическую науку на многих международных научных форумах. О широком признании его трудов свидетельствует перевод многих из них на немецкий, английский, французский, венгерский, турецкий и другие иностранные языки.

На протяжении всей своей деятельности Л. П. Потапов уделяет большое внимание подготовке научных кадров из числа народов Сибири, Средней Азии и Казахстана. За помощь в развитии культуры, в подготовке национальных кадров Л. П. Потапов неоднократно получал благодарности и почетные грамоты от советских и партийных органов автономных областей и республик, Академий наук союзных республик, ему присвоены почетные звания заслуженного деятеля науки РСФСР и заслуженного деятеля науки Тувинской АССР. Его научная и научно-организационная деятельность получила высокую оценку Советского правительства. Он награжден орденами Трудового Красного Знамени и «Знак Почета», а также медалями.

Свое семидесятилетие Леонид Павлович встречает в расцвете творческих сил, полный научных замыслов, в постоянном неутомимом поиске, как и всякий подлинный советский ученый, стремясь приумножить свой вклад в развитие отечественной науки.

С. М. Абрамzon, В. П. Дьяконова.

К 50-ЛЕТИЮ В. А. ДУБРОВСКОГО

1 октября 1975 г. исполняется 50-летие со дня рождения и 30-летие плодотворной трудовой деятельности одного из ведущих историков нашей республики Владимира Андреевича Дубровского.

Рано лишившись родителей, он воспитывался в детских домах Москвы, Московской и Рязанской областей. После службы в Советской Армии в 1945 г. Владимир Андреевич поступает в Московский государственный историко-архивный институт, по окончании которого получает диплом с отличием по специальности научного работника историка-архивиста и направляется на работу в Тувинскую автономную область.

С 1949 г. в течение 13 лет В. А. Дубровский возглавляет Тувинский государственный архив. За эти годы под его руководством коллектив архива проделал большую работу по сбору, обеспечению сохранности, приведению в порядок и использованию документальных материалов. В 1951 г. В. А. Дубровский вступает в ряды КПСС.

С марта 1962 г. В. А. Дубровский работает лектором Тувинского обкома КПСС, а затем консультантом и заместителем директора Дома политического просвещения обкома и Кызыльского горкома партии. Работу в партийных органах Владимир Андреевич умело сочетает с научной деятельностью — создает ряд публикаций и статей по новейшей истории Тувы. В 1965 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Тува в период Великой Октябрьской социалистической революции».

В 1972 г. В. А. Дубровский переводится в Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории на должность заведующего сектором истории и этнографии.

На протяжении многих лет В. А. Дубровский успешно ведет исследования по различным аспектам истории послеоктябрьского периода Тувы. Им опубликовано 26 научных работ в Ученых записках ТНИИЯЛИ и в других изданиях. Владимир Андреевич участвовал в написании, составлении и редактировании широко известных нашей общественности сборников «За свободу народа», «Их не забудет Тува», «Тува — наш край родной». Его перу принадлежат статьи и публикации: «Тува в 1917—1918 гг.», «Конституции Тувинской Народной Республики», «Вхождение Тувинской Народной Республики в состав СССР», «Участие Тувы в Великой Отечественной войне», «Первые Советы и культурное строительство в Туве», «Большевики — руководители революционного движения в Туве», «Осуществление в Туве ленинских идей о национальной государственности» и др. Много усилий он приложил в подготовке к печати крупного коллективного

научного труда «Очерки истории Тувинской организации КПСС». Одновременно он работает над монографией «Создание и развитие национальной государственности тувинского народа» и сбором, обобщением материалов по историческому краеведению. Все это свидетельствует о широком диапазоне научных интересов ученого.

Характерной особенностью трудов В. А. Дубровского является их высокий научно-теоретический уровень, партийность и актуальность. Несмотря на большую занятость научной деятельностью, руководством сектором, он всегда находит время для участия в общественной работе. Владимир Андреевич на протяжении многих лет является заместителем председателя правления республиканской организации общества «Знание», членом ученых советов ТНИИЯЛИ, краеведческого музея и ЦГА Тувинской АССР, членом Совета республиканского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и ведет активную работу во всех этих организациях.

Плодотворная научная и общественная деятельность В. А. Дубровского получила широкое признание и высокую оценку. Он награжден медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Тувинской АССР.

Хочется пожелать нашему юбиляру и в дальнейшем с присущей ему энергией и настойчивостью добиваться новых творческих успехов во имя нашей Родины, передовой советской науки.

О. А. Толгар-оол.

Н. П. Денисова

ТУВИНСКИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ В ТОМСКОМ УНИВЕРСИТЕТСКОМ МУЗЕЕ

В музее археологии и этнографии Сибири при Томском государственном университете хранятся тувинские этнографические коллекции, представляющие значительный научный интерес. К сожалению, до последнего времени сведения об этих коллекциях в литературе отсутствовали. Лишь в небольшой статье И. М. Мягкова содержится краткая характеристика образцов мелкой пластики¹.

Ранние этнографические материалы собрал в Туве и передал в 1888 г. в Томский музей Г. Я. Сафьянов, проживавший в то время в Туве. Коллекция Сафьянова включает музыкальные инструменты (колл. № 2511), одежду (колл. №№ 2546, 2476, 2478, 2481, 2483), детали конской упряжи, в том числе седло (колл. №№ 2529, 2539), различную домашнюю утварь (колл. №№ 2485, 2487, 2494), а также некоторые орудия хозяйственной деятельности, например, плуг (андазын) и другие (колл. №№ 2471, 2591).

Наиболее значительным среди тувинских коллекций Томского музея является собрание А. В. Адрианова, известного исследователя этнографии и археологии Тувы. Основная его часть поступила в Томский музей в 1919 г. В рукописном отделе музея сохранилось письмо Адрианова заведующему Географическим кабинетом профессору С. И. Руденко, в котором он просит принять на хранение коллекции. В письме, в частности, говорилось, что «передаваемые коллекции состоят, главным образом, из добывших археологическими раскопками в Урянхайском крае, а часть — из этнографических предметов, вывезенных из того же края»². А. В. Адрианов также отметил, что вся археологическая коллекция принадлежит Русскому комитету для изучения Средней и Восточной Азии в Петрограде, на средства и по поручению которой он проводил свои исследования в Урянхайском крае, а этнографическая — является его собственностью.

Этнографическая коллекция Адрианова содержит разнообразные предметы материальной и духовной культуры тувинцев конца XIX — начала XX в.; среди них, кожаный саадак, богато декорированный металлическими накладками и аппликациями (колл. № 5962/61), различные музыкальные инструменты, в том числе оригинальные допшуулууры (колл.

¹ И. М. Мягков. Искусство Танну-Тулы. В кн.: Материалы по изучению Сибири, т. 3, Томск, 1931.

² Архив музея археологии и этнографии Сибири при Томском государственном университете, д. 3, л. 93.

№ 5976/18), бызычи (колл. № 5976/15, 5976/16), культовые фигурки из святилищ ова, среди которых наиболее интересна деревянная статуэтка стоящего медведя (колл. № 6023/35). Массивная и выразительная фигура выполнена на небольшой подставке. Туловоице, ноги и голова медведя — черные, свирепо раскрытая пасть, внутренняя сторона ушей и когтей — красные. На туловоице надпись: «Из обо на Улух-Хеме».

Особое внимание в собрании Адрианова привлекают деревянные шахматы. Традиционно выполненные, раскрашенные фигуры даны на подставках. Высота их от 1,5 см до 8 см.

Крайне интересным предметом в собрании Адрианова, неизвестным в других этнографических коллекциях и не отмеченным в исследованиях тувинского быта, является народный календарь (колл. № 5976/3). Он представляет собой деревянный брускочек длиной 82 см с резными знаками в виде прямых и пересекающихся линий (Рис. 1). Нельзя не обратить

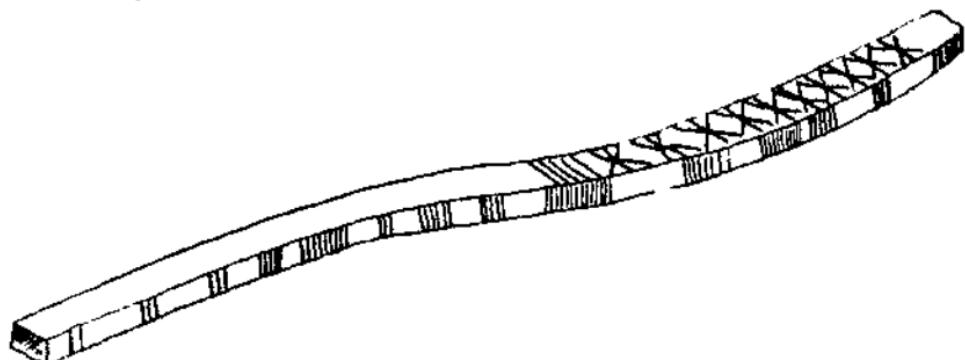

Рис. 1. Народный календарь тувинцев. Дерево.

внимание на сходство этого календаря со счетными бирками для скота у хакасов, хранящимися в этом же музее (колл. № 5954, собр. А. В. Адрианова), причем начертания знаков на этом календаре и на хакасских счетных бирках совпадают. Не исключено, что тувинский календарь из Томского музея не астрономический, а связан с годовыми хозяйственными циклами у тувинских кочевых скотоводов.

От А. А. Адрианова, сына А. В. Адрианова, в течение ряда лет сотрудничавшего с музеем, поступила в 1928 г. коллекция из Тувы, включавшая, в частности, двух деревянных идолов, вероятно ээрней. Один из них изображает мужчину, другой — женщину (колл. №№ 6063/а, 6063/б). Длина их 20 см. Мужской идол имеет круглую голову, лицо уплощенное, на месте ушей — отверстия. Пальцы рук и ног намечены резными линиями. На левой ноге — кожаный сапожок, на талии — набедренная повязка. Рот окрашен красной краской, брови и лобок — черной. Следует сказать, что в такой мере детализированные изображения подобных мужских фигур в других тувинских этнографических коллекциях конца XIX — начала XX в. неизвестны. Женская фигура выполнена более схематично, чем мужская. Руки показаны в виде заостренных и обращенных вниз выступов, ноги — в виде развилоек. По бокам и частично на спине прямыми резными линиями показаны ребра (рис. 2).

Среди коллекций Томского музея имеются также поступления от известного этнографа Д. А. Клеменца (колл. № 2574) и других собирателей, в том числе интересные образцы мелкой пластики из камня и дерева (рис. 3).

Собрание предметов быта и культуры тувинцев конца XIX — начала XX в., хранящееся в Томском музее, может служить ценным источником для изучения этнографии тувинского народа в дореволюционное время.

Рис. 2. Культовое изображение женщины. Дерево.

Рис. 3. Бык. Дерево.

З. Б. Чадамба

ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ НАДПИСИ ИЗ УРОЧИЩА ООРЗАК

В августе 1974 г. археологической экспедицией ТНИИЯЛИ, работавшей под руководством проф. М. П. Грязнова и М. Х. Маннай-оола, из Пий-Хемского района были доставлены в г. Кызыл, в Тувинский республиканский краеведческий музей, два памятника орхоно-енисейской письменности. Третья стела была привезена немного позже сотрудниками ТНИИЯЛИ. О существовании этих стел впервые сообщили экспедиции Маады Багай-оол — шофер из колхоза «Хадын».

Стелы находились в лежачем положении в долине Оорзак, занятой в настоящее время под посев. В восточной стороне долины расположен пос. Ленинка, а юго-восточной — населенный пункт Сайлыг-Кара. Рассматриваемые памятники были обнаружены недалеко от тех мест, где были найдены известные стелы Уюк-Туран, Уюк-Аржаан, Уюк-Тарлаг.

Памятники представляют собой оленные камни¹ с многочисленными рисунками. Древнетюркские надписи были выбиты на них, по-видимому, сверх рисунков в более позднее время.

Стелы сильно подверглись влиянию времени: многие буквы сгладились или у них сохранились только отдельные детали, во многих местах имеются большие сколы. Первый и второй памятники, кроме того, покрылись толстым слоем минеральных наслаждений, а боковая грань третьего — лишайниками. Вследствие всего этого чтение вновь найденных стел представляет большие трудности.

Ниже дается описание памятников и предварительное чтение второй и третьей стел (расшифровка первой будет осуществлена позже).

Оорзак первый

Стела представляет собой хорошо обработанный песчаник округлой формы с суживающейся верхушкой. Верхняя часть камня откололась. На одной стороне его имеется орхоно-енисейская надпись из четырех строк, состоящая примерно из 170 сохранившихся рун. Надпись выполнена красным, ровным почерком и начинается с линии, выбитой в 170 см от

¹ Об оленных камнях см.: М. Х. Маннай-оол. Оленные камни Тувы. Уз ТНИИЯЛИ, вып. XIII, Кызыл, 1968, с. 138—149.

основания памятника и доходит до отдельных ямок, опоясывающих верхнюю часть стелы подобно ожерелью. На трех сторонах камня нанесены многочисленные рисунки.

Размеры памятника: длина 3,64 см, ширина 22—31 см, толщина 23—31 см. Высота букв 5 см.

Форзак второй

Памятник изготовлен из плоского камня сероватого цвета. Он обнаружен расколотым на две части. На наиболее гладкой стороне камня поверх точечных рисунков нанесена орхоно-енисейская надпись из четырех строк, состоящая из 91 видимой руны, причем отдельные буквы надписи из первой строки сохранились лишь во второй, верхней части камня (рис. 1). Эту сторону памятника мы принимаем за переднюю. Хорошо просматривается лишь вторая, нижняя часть текста четвертой строки, а все остальные сильно слажены, некоторые буквы в них уничтожены в результате механических повреждений. Кроме того, надпись, особенно ее вторая, нижняя часть, густо покрыта минеральным наслоением. На одной боковой грани нижней части сохранились отдельные буквы (всего 11 рун), написанные сверху вниз (рис. 2).

Транслитерация

Передняя сторона

1) МП $\frac{(a)}{3}$... Ч_о^У НД_ь С...Д

2) $\frac{Б}{3}$ _ь^а К_ь (Д,Л_ь) С_ь $\frac{(a)}{3}$... Ш...ДК:...Д...РММ

3) $\frac{У}{o}$ Г... $\frac{У}{o}$ М_ь^Б ... $\frac{У}{i}$ Р_ь (Д_ь Н_ь) ... К...Д_ь С_ь НС_ь^И ЗМ

4) ... Г_ь У_о Д_ь ... $\frac{У}{o}$ МЗП_ь^У ГДМДМН: $\frac{И}{и}$ Л_ь Г_ь Р: Р_ь Л_ь Р_ь Д_ь МЛР_ь НЧ

Боковая сторона

... Р_ь М_ь^а ЗР_ь М..... $\frac{а}{3}$ Н_ь И...М

Чтение

Передняя сторона

1)

2) адак

3) ог сизим

4) мыз огдамдум (?) ... илиг ара эр өлүрдим ал эринч

Боковая сторона

.... эриме

² Здесь и в дальнейшем в скобках даются возможные различия тех или иных букв.

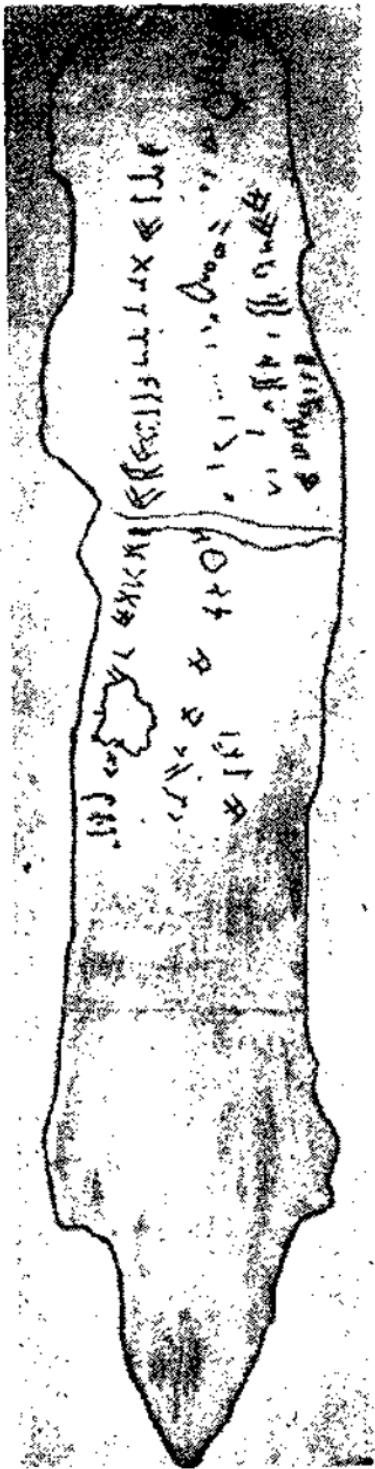

Рис. 1. Передняя сторона.

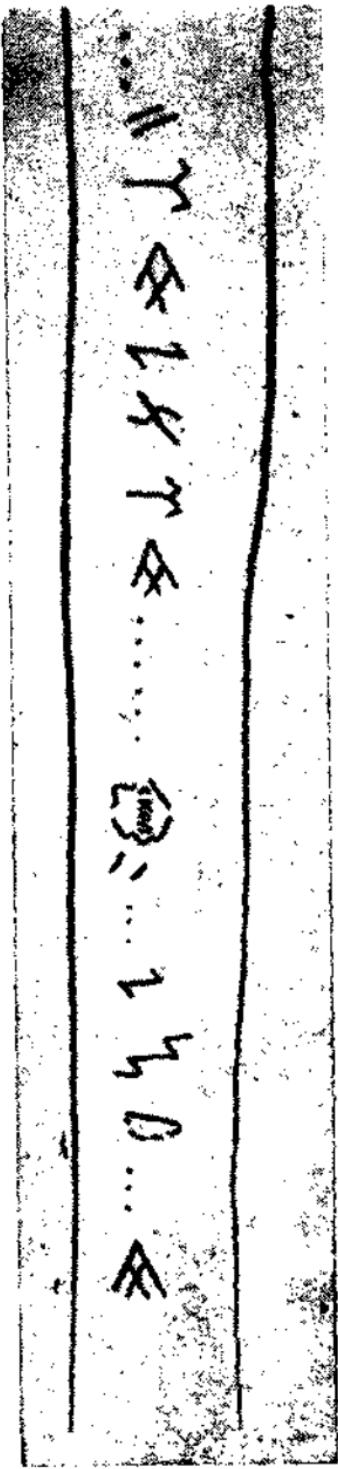

Рис. 2. Боковая сторона.

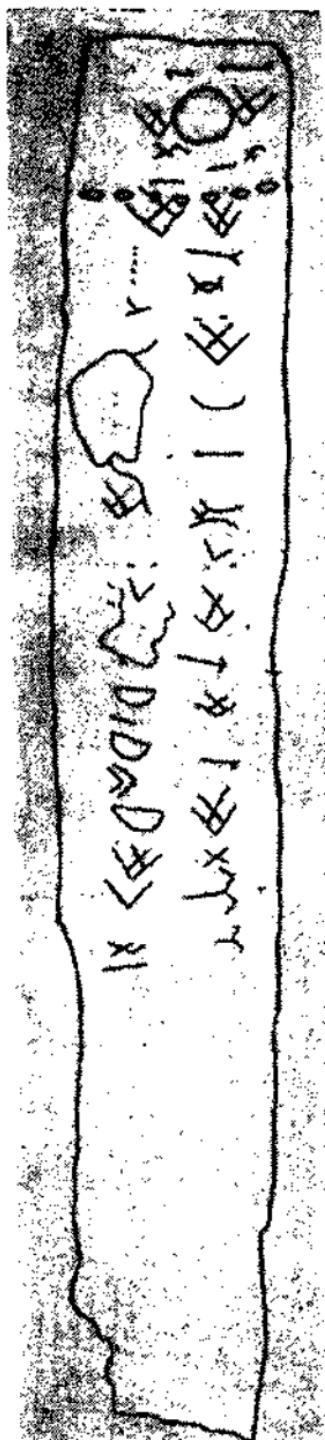

Рис. 3. Передняя сторона.

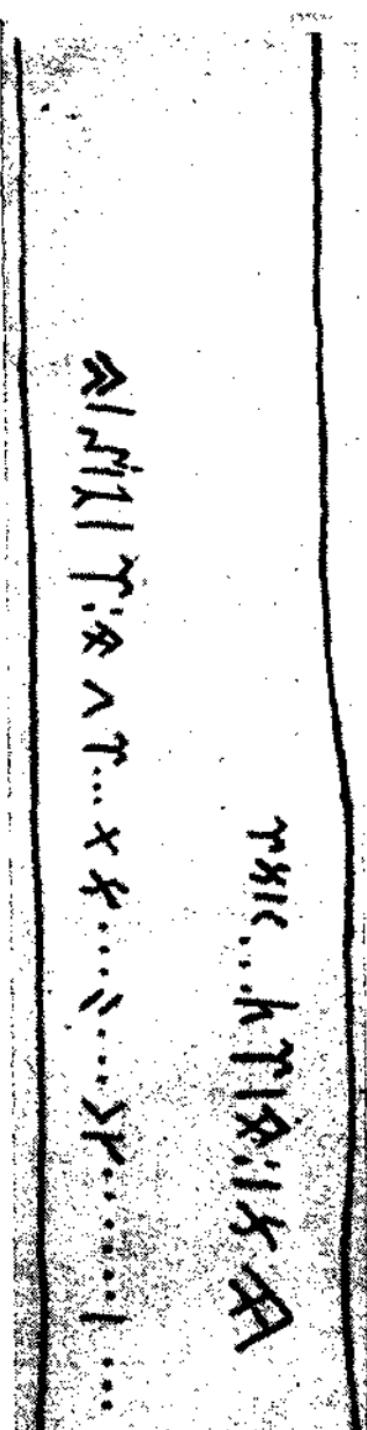

Рис. 4. Боковая сторона.

Перевод

Передняя сторона

1)

2) нога

3) сын вы мон

4) мы я был ранен (?) пятьдесят ... мужей убил я, будучи героем

Боковая сторона

..... моему герою

Оорзак третий

Это — четырехгранный каменный столб с надписью на двух сторонах. На одной широкой, наиболее гладкой стороне стелы выбиты круглый диск и отдельные ямки, опоясывающие верхнюю часть памятника подобно ожерелью. Именно на этой стороне камня, принимаемой нами за переднюю, поверх названных изображений высечена орхоно-енисейская надпись из двух строк, состоящая из 42 видимых рун (рис. 3). Четко просматривается первая строка надписи. На одной боковой стороне также имеется процарапанная надпись из двух строк, количество видимых букв на ней 29 (рис. 4). Надпись на боковой стороне выполнена как мелким, так и крупным почерками, что свидетельствует либо о разновременности ее написания, либо о нанесении письма разными писцами.

Размеры памятника: длина 2,34 см, ширина 35,5 см, толщина 23—24 см (в верхней части), 13—21 см (в нижней части). Высота букв 6—9 см.

Транслитерация

Передняя сторона

1) Р_ь Д_ь М^ы_и КМ: ^у_о ГЛНМ: ЭЛ М С ЗМ^а_и

2) С_ь З^у_о МИТИ ... И ^у_о ... М ... Ч ... М. С_ь ЗМ^а_и

Боковая сторона

1) Б_ь ЗС_ь: ^{Б_ь}_Э С_ь (Т_ь^у_о) Р_ь Т_ь ... С_ь ЗР_ь

2) С_ь ... Н^у_о ... ЗД_ь ... Р_ь Ш^б_Э: Р_ь С_ь ЧС_ь Н_ь С_ь Т

Чтение

Передняя сторона

1) Эр эрдемим, окум, огланым, элим сизиме

2) Сиз..... Умай Тай эчим сизиме

Боковая сторона

1) Биз су бес эрти... сиз эр

2)

Перевод

Передняя сторона

- 1) Моя геройская доблесть, мое племя, мои сыновья, мой народ вам
- 2) Вы Умай Тай мой старший брат вам

Боковая сторона

- 1) Наше войско прошло в пять раз ... вы герой
- 2)

В этом тексте особый интерес представляет первая часть имени Умай Тай, которая зафиксирована прежде в памятниках в честь Тоньюокука, Кюль-Тегина и трактуется как имя женского божества у древних тюрков.

В. А. Забелина

НЕКОТОРЫЕ КУЛЬТОВЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ПТИЦ ИЗ УРОЧИЩА АРЖАН-ХЕМ

В 1973 г. во время геологопоисковых работ вблизи местных святилищ ова у минерального источника Дастьыг (Арыскан) в урочище Аржан-Хем в Северо-Восточной Туве В. И. Забелиным была найдена группа культовых изображений, представляющих определенный этнографический интерес.

Культовые изображения животных и птиц, предназначавшихся для ова, не были до сих пор предметом специального рассмотрения, хотя они имеются в ряде музейных коллекций и отмечены в этнографических работах. Первое упоминание в литературе о культовых фигурках для ова у тувинцев принадлежит Ф. Я. Кону. Путешествуя по Тодже, он встретил в одном из ова фигурки коней, тетерева, соболя, белки и других животных. Один из тувинцев, находившийся рядом с ним, пояснил Ф. Я. Кону, что эти фигуры поставлены в ова, чтобы лучше размножались животные¹.

Имеющиеся в музеях Ленинграда, Минусинска и Иркутска отдельные фигурки из ова собраны в разное время. Особую ценность представляет коллекция деревянных окрашенных охрой фигурок, обнаруженных А. В. Адриановым во время его путешествия в Туву в 1881 г. в ова близ урочища Кокпежик, хранящаяся ныне в фондах Государственного музея этнографии народов СССР в Ленинграде. Краткая характеристика фигурок из ова, собранных в коллекциях различных музеев СССР, в том числе из сборов А. В. Адрианова, дана в недавно опубликованной книге С. И. Вайнштейна².

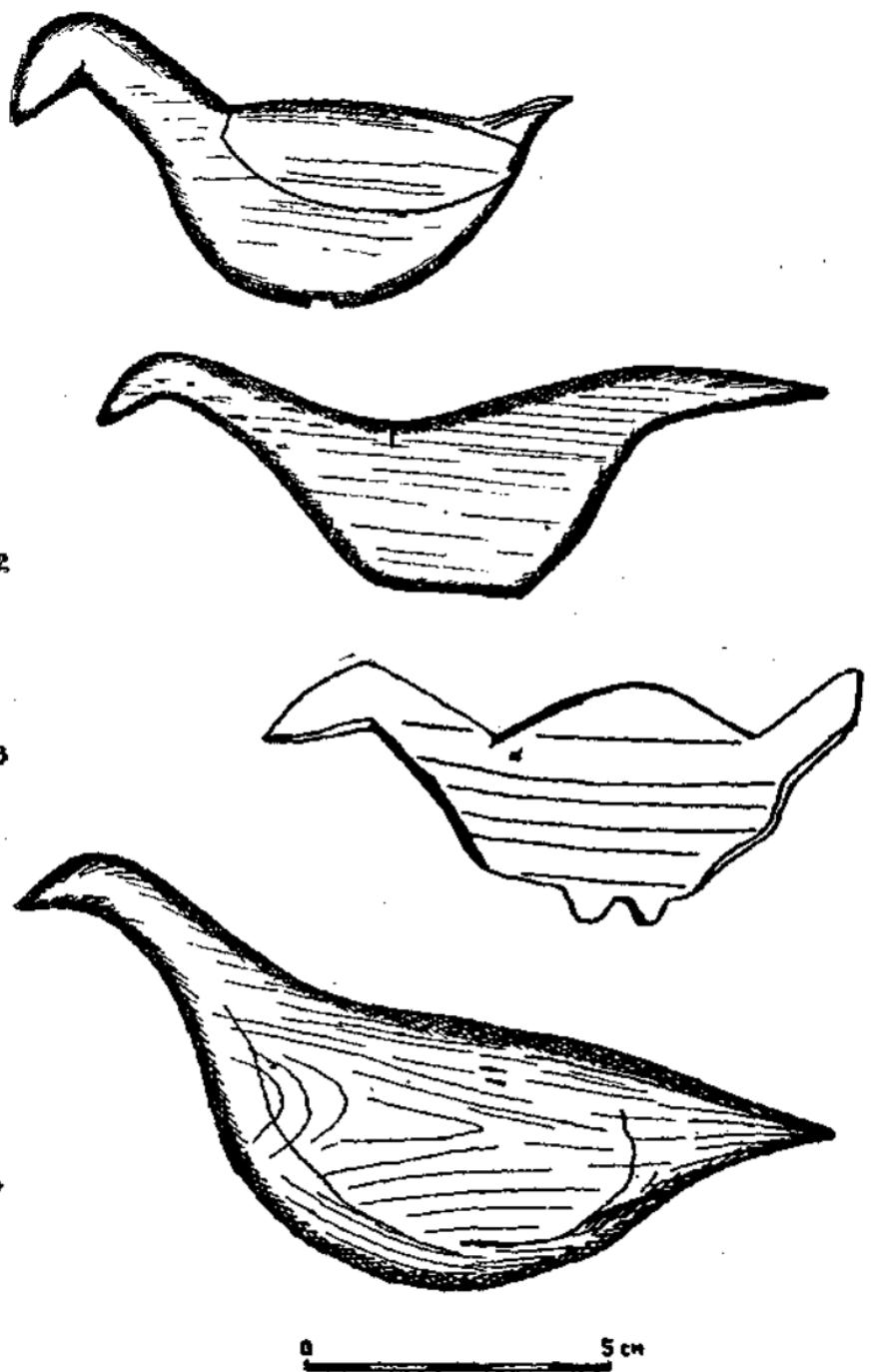
Найденные вблизи источника Дастьыг деревянные фигурки животных и птиц расположены между камнями двух небольших ова (размером каждый примерно $1 \times 1 \times 0,7$ м); судя по степени сохранности дерева отдельных фигур, их возраст составляет не менее 40 лет.

Наибольший интерес представляют найденные неокрашенные фигурки птиц. Все они переданы в схематично-обобщенном виде, показаны лишь основные черты облика и пропорций тела. Высота фигурок от 4,5 до 7 см.

Одна из фигурок изображает, вероятно, утку (рис. 1). С обеих сторон плоским рельефом показаны крылья; шея и голова лишены каких-либо

¹ Ф. Кон. Экспедиция в Сойотню. За пятьдесят лет. Собрание сочинений, т. 3. М., 1934, с. 293.

² С. И. Вайнштейн. История народного искусства Тувы. М., 1974, с. 190.

Культовые деревянные фигуры птиц из Северо-Восточной Тувы.
1 — утка; 2 — глухарь; 3 — утка; 4 — улар.

деталей, лишь на крыльях и коротком хвосте тонкие резные линии символизируют оперение. В нижней части туловища имеется квадратное отверстие размером 5×5 мм и глубиной 6 мм, предназначавшееся, вероятно, для палочки.

Другая фигура изображает, по-видимому, глухаря (рис. 2). В схематичном виде переданы длинная тонкая шея, переходящая в маленькую голову. Лопастовидный заостренный хвост слегка опущен. Высота фигурки 4 см, толщина — 1,2 см. Нижняя часть туловища выполнена плоско, в ней также имеется квадратное отверстие сечением 6×6 мм и глубиной 8 мм.

Третья фигурка птицы (рис. 3) скорее всего изображает кормящуюся утку: голова слегка наклонена вниз, хвост приподнят, четко выражены лапки. Обращает на себя внимание выпуклость верхней части туловища. Фигурка вырезана из щепочки, ее толщина 4—8 мм, высота — 4,5 см.

Четвертая фигурка птицы (рис. 4) более массивная, ее толщина около 3,5 см. Обобщенно показаны туловище, шея, голова и хвост. Отверстие в нижней части туловища отсутствует. С правой стороны деревянной фигурки наблюдаются следы короеда, которые были сохранены мастером и должны были, вероятно, обозначать перья. По-видимому, эта фигура изображает улара — птицу, не встречающуюся в Тодже, но некогда широко распространенную в Западной Туве. Возможно, она изготовлена руками не тоджинца, а приехавшего лечиться на местный аржан жителя западных или южных районов Тувы.

Резные деревянные фигурки из урочища Аржан-Хем отражают не только народные религиозные представления, но и в определенной мере древние художественные традиции народного искусства тувинцев.

Вместе с тем, до сих пор в научной литературе отсутствуют достаточно полные сведения об обрядах и обычаях, связанных с изготовлением и установкой в святилищах ова таких культовых фигур. Между тем эти обычай восходят к весьма древним традициям. Возможно, что эти традиции берут начало в весьма распространенных в древности представлениях, связанных с культом плодородия, памятники которого сохранились в петроглифах, покрытых многочисленными изображениями промысловых животных. Необходимо в дальнейших этнографических исследованиях обратить особое внимание на собирание материалов, связанных с обрядами изготовления и установки фигурок животных в святилищах ова.

КЫЗЫЛЬСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

2—4 июля 1974 г. в г. Кызыле состоялась научно-практическая конференция «Развитие народного хозяйства Тувинской АССР в 10-й пятилетке и в перспективе до 1990 г.», организованная Сибирским отделением АН СССР, Тувинским обкомом КПСС и Советом Министров Тувинской АССР.

В ней приняли участие около 500 человек, представляющих партийные, советские, хозяйствственные, научные и проектные организации ряда городов Центра и Сибири (Москва, Ленинград, Иркутск, Красноярск, Новосибирск, Абакан), всех районов Туры. Среди них — руководящие, работники ряда министерств и ведомств РСФСР, научные сотрудники Совета по изучению производительных сил при Госплане СССР, Комиссии по изучению естественных ресурсов при Президиуме АН СССР, ЦЭНИИ при Госплане РСФСР, институтов: экономики и организации промышленного производства СО АН СССР, географии Сибири и Дальнего Востока, комплексных транспортных проблем при Госплане СССР, экономике сельского хозяйства СО ВАСХНИЛ, леса и древесины АН СССР, Всесоюзного научно-исследовательского института железнодорожного транспорта Министерства путей сообщения и др.

Конференцию открыл председатель оргкомитета, директор Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР академик А. Г. Аганбегян.

С вступительным словом выступил первый секретарь Тувинского обкома КПСС Г. Ч. Ширшин, подчеркнувший большой вклад ученых в развитие экономики и культуры Советской Туры. Они открыли богатейшие запасы минерального сырья, содействовали их освоению, ускоренному развитию народного хозяйства республики, подготовке национальных кадров. На конкретном материале были подтверждены выдающиеся достижения Туры за тридцатилетний период ее пребывания в составе СССР, явившиеся результатом мудрой ленинской национальной политики КПСС, повседневной помощи Советского государства, русского и всех народов нашей Родины, самоотверженного труда рабочих, колхозников и интеллигенции республики. Вместе с тем Г. Ч. Ширшин отметил и многие еще не решенные задачи, связанные с освоением природных ресурсов и оптимальным развитием производительных сил Тувинской АССР, ее еще не преодоленное отставание по ряду экономических показателей от соседних районов Восточной Сибири.

Г. Ч. Ширшин сформулировал вопросы, подлежащие проработке на данной конференции, в основу работы которой должны быть положены исторические решения XXIV съезда КПСС, его требования повысить научный уровень долгосрочного народнохозяйственного планирования, полнее учитывать местные условия и возможности, ускоренно осваивать богатейшие ресурсы Сибири. Он подчеркнул, что конференция призвана научно обосновать основные направления развития народного хозяйства Тувы, разработать рекомендации по проблемам генеральной схемы размещения и развития производительных сил, очередности формирований промышленных узлов с учетом расширения экономических связей с Саянским и другими территориально-производственными комплексами Ангаро-Енисейского региона.

В заключение Г. Ч. Ширшин от имени обкома КПСС, Президиума Верховного Совета и Совета Министров Тувинской АССР выразил глубокую признательность участникам конференции, прибывшим в Кызыл для того, чтобы коллективно рассмотреть проблемы, связанные с дальнейшим развитием экономического потенциала Тувы и пренебрежением ее вклада в коммунистическое строительство. Созыв конференции и участие в ней представителей различных районов страны — одно из проявлений помощи молодой республике со стороны Коммунистической партии, Советского правительства, Академии наук СССР и братских народов. Г. Ч. Ширшин выразил уверенность в том, что конференция, итоги ее работы явятся важным стимулом для новых технико-экономических исследований, для усиления внимания к разрешению народнохозяйственных проблем Тувы в деятельности научных учреждений Сибири и Центра, в практической работе плановых органов, многих министерств и ведомств как Российской Федерации, так и Тувинской АССР.

На конференции было заслушано 20 докладов, 30 сообщений и выступлений. В своем докладе «Социально-экономические проблемы развития Тувинской АССР в перспективе» А. Г. Аганбегян главное внимание уделил комплексному подходу в развитии производительных сил Тувы. Им были конкретно рассмотрены перспективы развития промышленности, аграрно-пищевого комплекса, место Тувы в Саянском территориально-производственном комплексе. Докладчик подчеркнул, что строительство в Туве железной дороги ускорит решение вопросов по использованию коксующихся углей, асбеста, откроет возможность сооружения каскада гидроэлектростанций на реке Бий-Хем, высказался за строительство в Туве предприятий по приборостроению, радиопромышленности, электронике, переработке древесины, а также за открытие в ближайшее время в Кызыле экономического подразделения Сибирского отделения АН СССР.

В докладе «Основные направления развития народного хозяйства Тувинской АССР на 10-ю пятилетку и перспективу до 1990 г.» Председатель Совета Министров республики М. К. Мендуме подчеркнул, что за 30 лет в Советской Туве объем промышленного производства возрос в 47,8 раза. В 9-й пятилетке он увеличится на 49,2% против уровня 1970 г. при среднегодовом темпе роста 8,3%. Валовая продукция сельского хозяйства в 1975 г. возрастет по сравнению с 1970 г. на 39% и составит 114,7 млн. руб. За 1971—1975 гг. в народное хозяйство республики, по предварительным расчетам, будет направлено 505,7 млн. руб. государственных капиталовложений, или на 72,5 млн. руб. больше, чем за 8-ю пятилетку. Далее докладчик остановился на учете внутренних и внешних факторов при долгосрочном прогнозировании развития народного хозяйства. М. К. Мендуме обратил также внимание на несоответствие между наличием сельскохозяйственного сырья и слабым развитием промышленности по его переработке (мясо-молочной, пищевой, легкой), на необходимость быстрейшего создания базы стройиндустрии, развития транспорта, материально-технической базы сферы обслуживания, совершенствования структуры потребления продовольственных и промышленных товаров.

обеспечения населения жильем по научно обоснованным нормам, а также на целесообразность освоения ряда месторождений полезных ископаемых Тувы.

Академик В. А. Кузнецов в докладе «Металлогенез Тувы и проблемы развития минерально-сырьевой базы Тувинской АССР» обратил внимание на то, что число месторождений и видов полезных ископаемых, уже освоенных промышленностью или подготовленных к освоению, в республике еще не велико. В последние годы темп геологических исследований и поисковых работ в Туве резко снизился. Установленные запасы по ряду металлов невелики и поэтому не подлежат промышленному освоению. Более того, не обеспечены достаточной рудной базой и действующие горнometаллургические предприятия. Вместе с тем выявленная минерально-сырьевая база не соответствует широким потенциальным возможностям Тувы как рудного района и вопросы изучения ее металлогенеза далеко не исчерпаны. На основе новейших данных геологии и металлогенеза Тувы, Южной Сибири и территории Монголии следует внести существенные корректировки в ранее сложившиеся представления о закономерностях размещения полезных ископаемых республики. Это позволит расширить перспективы обнаружения рудного золота, свинцово-цинковых и полиметаллических месторождений с учетом возраста и состава оруденения, разработать новую схему металлогенического районирования территории Тувы.

В докладе В. А. Неволина (Красноярское геологическое управление) «Перспективы расширения минерально-сырьевой базы Тувинской АССР и направление геологоразведочных работ на 10-ю пятилетку и до 1990 г.» говорилось о необходимости изучения внутреннего строения месторождений каменных углей, особенно дефицитных марки типа «К», скрытых месторождений полезных ископаемых посредством глубоких бурений. Докладчик считает целесообразным продолжить разведку асбеста в Западно-Саянском асбестоносном районе, редких и цветных металлов в Восточной и Центральной Туве. В целях удовлетворения потребностей отгонного животноводства и выявления общих запасов подземных вод для мелиорации необходимо провести гидрогеологические исследования, особенно в засушливых районах.

С докладом «Перспективы развития Восточной Сибири и место Тувинской АССР в экономике этого района» выступил Г. Л. Тарасов (СОПС при Госплане СССР). Им высказано предположение о том, что наличие разнообразных видов природных ресурсов, благоприятные технико-экономические показатели их освоения, удобные площадки для размещения крупных промышленных объектов и городского строительства в Восточной Сибири и Туве позволяют строить предприятия энергоемких производств. Однако для промышленного строительства и дальнейшего развития сельского хозяйства Тувы необходимо, как отмечалось в докладе, решить проблемы ее энергоснабжения и выхода к железнодорожной магистрали страны, полного использования в республике трудовых ресурсов, оптимального межотраслевого и межрайонного распределения рабочей силы, применения интенсивных методов возделывания сельскохозяйственных культур. Увеличение номинальной заработной платы, ускоренное развитие непроизводственной сферы, прирост фондов общественного потребления, введение различных льгот позволят поднять жизненный уровень трудящихся в Восточной Сибири и Туве.

В коллективном докладе Н. А. Соловьева, Д. А. Головкина и К. Я. Донченко (ЦЭНИИ при Госплане РСФСР) «Узловые проблемы экономического развития Тувинской АССР» обращено внимание на диспропорции между потенциальными возможностями и темпами развития производительных сил Тувы, выдвинуты и обоснованы задачи более широкого вовлечения в хозяйственный оборот разведанных месторождений полезных ископаемых, создания новых и реконструкции существующих

транспортных путей, усиления специализации сельского хозяйства на животноводстве мясо-шерстного направления, ускоренного роста жизненного уровня населения, организации зоны отдыха и туризма в Туве.

В. А. Шелест и В. А. Керов (Комиссия по изучению естественных производительных сил при Президиуме АН СССР) в докладе «Научно-технический прогноз комплексного освоения природных ресурсов и развития производительных сил Тувинской АССР на период до 2000 г.» обосновали основные направления освоения естественных богатств Тувы в связи с увеличением потребности ее народного хозяйства в электроэнергии и разнообразных видах минерального сырья, привели некоторые данные технико-экономических расчетов строительства Севинской, Уюкской и Шивилингской ГЭС на реке Бий-Хем.

Выступившие в прениях по докладам первого дня **В. А. Вяткин** (Хакасия), **Б. В. Образцов** (Тувинская геологоразведочная экспедиция), **Н. Н. Шишков** («Гипроникель»), **Э. Г. Дистанов** (Институт геологии и геофизики СО АН СССР); **В. А. Сонин** («ВНИИпроектасбест»), **А. С. Митропольский** (Институт геологии и геофизики СО АН СССР) дополнili доклады конкретными данными о перспективах освоения ряда месторождений цветных и редких металлов, асбеста, железных руд, о необходимости дальнейшего расширения геологоразведочных работ в целях приступа запасов минерального сырья.

Второй секретарь Тувинского обкома КПСС **В. Н. Филиппов** («Специализация и концентрация сельскохозяйственного производства и создание агропромышленного комплекса в Тувинской АССР») на конкретном материале показал, что сложившаяся специализация сельского хозяйства республики экономически обоснована и отвечает ее специфическим природно-экономическим условиям. Вместе с тем созданы предпосылки для последующей, более углубленной специализации земледелия и животноводства. Особое внимание докладчик уделил строительству животноводческих комплексов по откорому крупного рогатого скота, молодняка овец, а также организации межхозяйственных объединений по откорому крупного рогатого скота. Создание перерабатывающих промышленных предприятий будет способствовать организации аграрно-пищевого комплекса.

Доклад **В. М. Шулькова** (Восточно-Сибирский отдел СибНИИЭСХ СО ВАСХНИЛ) «Перспективы развития сельского хозяйства Тувинской АССР» был посвящен проблемам основных направлений развития сельского хозяйства Тувы, укрепления кормовой базы животноводства, повышения материально-технической оснащенности, резкого увеличения объема мелиоративных работ до 1990 г.

В докладе секретаря Тувинского обкома КПСС **В. И. Попова** «Проблемы строительства и стройиндустрии в Тувинской АССР» содержался анализ современного состояния и перспектив развития этих отраслей. Большое количество мелких строительных организаций, дефицит стройматериалов, изделий и полуфабрикатов сдерживают темпы роста капитального строительства. В республике нет предприятий по производству цемента, щебня, керамзитового гравия, железобетонных блоков, керамзитобетонных панелей. В ближайшие 10—20 лет необходимо построить цехи по производству стеновых панелей, сборного железобетона, столярных изделий, заводы: кирпичный, керамзитовый гравия, цементный, известковый и др.

Повышению эффективности строительства в Туве в перспективе посвятил свой доклад **Ш. А. Акбулатов** (Красноярский промстройНИИпроект) «К проблеме организации строительства в Тувинской АССР». Усовершенствование проектных решений применительно к суровым климатическим условиям Тувы, повышение сборности и снижение материалоемкости зданий и сооружений, широкое внедрение механизации в строительство, по мнению докладчика, позволит республике добиться резкого

роста объемов капитального строительства при небольшом привлечении дополнительных трудовых ресурсов.

В докладе Ю. Д. Кузнецова (Институт комплексных транспортных проблем) «Основные направления развития транспорта в Тувинской АССР на перспективу до 1990 г.», в выступлениях Н. П. Беденьского (Гипротрансэнергетик МПС), В. В. Полева (Абаканское отделение Восточно-Сибирской железной дороги), Я. В. Куприянова (Ленгипроречтранс) были рассмотрены вопросы перспектив развития автомобильного, речного и железнодорожного транспорта в Туве, объемы межрайонных перевозок грузов по видам транспорта.

Доклад М. А. Ткаченко (Управление Красноярскэнерго) «Перспективы развития энергетики Тувинской АССР в период до 1990 г.», выступление Т. И. Израилевича (Энергосетьпроект Минэнерго СССР) были посвящены вопросам энергоснабжения, строительства гидравлических и тепловых электростанций, сооружения новых и реконструкции существующих линий электропередач в Туве.

Выступившие во второй день В. П. Шоцкий (Институт географии Сибири и Дальнего Востока СО АН СССР), А. В. Куминова (Центральный Сибирский ботанический сад СО АН СССР), А. Б. Гукасян (Институт леса и древесины СО АН СССР), О. Д. Яворский («Востоксибтепроводхоз»), А. М. Рогожников (СибНИПТИЖ) в своих сообщениях осветили проблемы исследования и изучения сельскохозяйственных, растительных и водных ресурсов Тувы.

В сообщениях И. М. Петрова (Красноярский филиал ВНИИстрем), М. Д. Зейтера («ПромстройНИИпроект») были затронуты вопросы создания базы стройиндустрии с широким использованием местных строительных материалов, М. А. Коломеец (ЦНИЭЛ), В. В. Зайков (Тувинская геологоразведочная экспедиция) выдвинули задачи дальнейшего расширения геологоразведочных работ по цветным металлам. О перспективах развития связи Тувинской АССР, об изысканиях и проектировании сооружений связи говорилось в выступлении В. А. Шишкова («Гипросвязь»).

В докладе председателя Госплана Тувинской АССР М. С. Саячака «Проблемы повышения материального благосостояния трудящихся и социально-культурного строительства в Тувинской АССР на перспективу» содержались данные, подтверждающие неуклонный рост жизненного уровня трудящихся Тувы. Наряду с этим, докладчик обратил внимание конференции на еще слабое развитие непроизводственной сферы, особенно в сельской местности. Это диктует необходимость в ближайшей перспективе осуществить строительство объектов соцкультбыта, расширить объем жилищного строительства, укрепить материальную базу учебных заведений, лечебно-профилактических и культурно-просветительных учреждений, а также ускорить развитие курортно-санаторной сети и создать индустрию туризма.

Директор Тувинского НИИЯЛИ Ю. Л. Аранчин в докладе «Социальные проблемы труда в Тувинской АССР» обратил внимание на диспропорцию между недостатком квалифицированных кадров и избытком малоквалифицированной рабочей силы, отраслевой и территориальной структурой и распределением трудовых ресурсов; отметил возможность увеличения занятости за счет использования женского труда и в связи с этим необходимость развития социально-бытовой инфраструктуры, целесообразность правильной постановки многоаспектной работы по профориентации молодежи.

Вопросам оптимального расселения в городах и сельской местности, соотношения развития производительных сил с жилищным и культурно-бытовым строительством был посвящен доклад Л. Л. Святышевой (Красноярскгражданпроект) «Проблемы перспективного расселения в Тувинской АССР».

В докладе начальника Управления по использованию трудовых ресурсов Тувинской АССР А. Б. Юмбу «Перспективы увеличения трудовых ресурсов и обеспечения кадрами народного хозяйства Тувинской АССР» были освещены проблемы обеспечения народного хозяйства кадрами, эффективного использования трудовых ресурсов, оптимального распределения трудоспособного населения по отраслям, вопросы качественного состава и высвобождения рабочей силы за счет механизации трудоемких процессов.

С повышением материального благосостояния трудящихся, коренными переменами в характере труда все большую актуальность приобретает проблема отдыха и, следовательно, развития индустрии туризма. Наличие лечебных источников и грязевых озер, огромные лесные массивы, богатый животный мир, формирование Саянского территориально-производственного комплекса выдвигают задачу создания в Туве и на юге Красноярского края крупной зоны отдыха и туризма, санаторного и курортного лечения. Московский «Гипротор» приступает к разработке проектной документации на создание этой зоны здоровья, сообщил В. И. Перлин в докладе «Перспективы развития курортно-туристических зон на территории Тувинской АССР».

Проблемы развития гражданской авиации, перевозки пассажиров и грузов воздушным транспортом нашли отражение в сообщении Э. А. Целикова (НИИГА). Вопросы перспектив развития Кызыла были освещены в сообщении С. С. Сата. Узловые проблемы развития народного хозяйства Тувинской АССР в целом были охарактеризованы в кратком сообщении заместителя председателя Госплана РСФСР В. М. Гаврилова.

Подводя итоги широкого обсуждения проблем развития народного хозяйства Тувинской АССР, тов. А. Г. Аганбегян выразил общее мнение участников конференции: Тыва — район перспективный, с большими потенциальными возможностями, ее производительные силы должны развиваться более ускоренными темпами.

К. О. Шактаржик.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

С. И. Вайнштейн. История народного искусства Тувы. Отв. редактор С. В. Иванов. М., изд. «Наука», 1974, 222 с., с илл.

Интересное и глубоко самобытное искусство тувинского народа давно уже привлекало внимание исследователей. Еще в начале нашего столетия выдающийся революционер и ученый Ф. Я. Кон восхищался замечательными произведениями народного искусства тувинцев¹. Немало восторженных строк уделил этому искусству и известный русский путешественник и географ Г. Е. Грумм-Гржимайло². Крупные коллекции произведений тувинского художественного ремесла собрали путешественники и исследователи конца XIX — начала XX в. А. В. Адрианов, Н. М. Мартынов, Д. А. Клеменц, В. Васильев и др. Но по-настоящему широко и разносторонне искусство тувинцев стало изучаться только в советское время³, особенно после вхождения Тувы в состав Советского Союза (1944 г.).

Много сделал в области изучения и пропаганды лучших произведений искусства Тувы С. И. Вайнштейн. И в ходе полевых исследований в Тувинской АССР, и в результате тщательного анализа музейных коллекций и архивных материалов, рассредоточенных по разным хранилищам страны, С. И. Вайнштейн собрал и ввел в научный оборот значительное число произведений тувинского художественного ремесла и образцов народного орнамента⁴.

Рецензируемая книга С. И. Вайнштейна является первым опытом разработки истории искусства одного из кочевых народов Сибири. Она интересно написана, прекрасно издана, богато иллюстрирована. В книге содержится «Введение», восемь глав, поделенных на две части, и «Заключение». Деление книги на две части обусловлено тем, что в одной из них автор исследует древнее и средневековое искусство Тувы, а в другой рассматривает народное декоративно-прикладное искусство тувинцев XIX—XX вв. Такое построение монографии вполне оправдано, так как в первой части анализируется в основном археологический материал,

¹ Ф. Я. Кон. Экспедиция в Сойотиу. За пятьдесят лет. Собрание сочинений, т. 3, М., 1934, с. 110—111; много сведений по народному искусству содержится также в неопубликованных, к сожалению, материалах архива Ф. Я. Коня: см. Архив ИЭ, ф. Ф. Коня и Архив СМЭ, ф. 1.

² Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия и Уринхайский край, т. III, Л., 1926, с. 101—103.

³ Одной из первых работ советских исследователей является статья И. М. Мягкова «Искусство Танну-Тувы» в сб. «Материалы по изучению Сибири», т. 3, Томск, 1931.

⁴ В этой связи следует назвать следующие работы С. И. Вайнштейна: Тувинцы-тоджинцы. М., 1961; Современное камнерезное искусство тувинцев.—СЭ, 1954, № 2; Прикладное искусство тувинцев. УЗ ТНИИЯЛИ, вып. II, Кызыл, 1964, с. 257—270; Оригамент в народном искусстве тувинцев.—СЭ, 1967, № 2.

собранный на территории нынешней Тувы и охватывающий искусство древних и средневековых племен, а во второй части автор знакомит читателей с искусством собственно тувинцев.

В небольшом «Введении» С. И. Вайнштейн весьма скжато, конспективно, рассматривает работы своих предшественников и дает обзор коллекций по народному искусству тувинцев, а также других источников, использованных им при написании книги.

Первая часть книги содержит две главы: «Искусство племен Тувы в древности» и «Средневековое искусство племен Тувы». Используя богатый археологический материал, собранный частично им самим, автор раскрывает историю искусства племен Тувы, начиная с неолита. С. И. Вайнштейн прослеживает один из наиболее ярких и самобытных этапов в истории искусства скотоводческих племен, так называемое скифское время, и убедительно показывает, что между кочевыми скотоводческими племенами степной зоны — от скифов на западе до племен Тувы и Монголии на востоке — в это время устанавливаются весьма тесные культурные связи, которым способствовали не только близкий уровень хозяйственного развития, но и определенное этническое родство у значительной части племен скифского мира. Эти связи, по словам автора, особенно проявлялись в удивительном единстве форм оружия, конской упряжи и художественного стиля (с. 18).

В алтайском варианте скифо-сибирского искусства С. И. Вайнштейн выделяет казылганскую культуру (VII—III вв. до н. э.), в которой прослеживаются не только значительные черты сходства с другими скотоводческими племенами степной зоны Евразии, но и имеются специфические особенности. В художественной культуре казылганских племен, как и во всем скифском мире, был очень ярко представлен «звериный стиль». Вместе с тем в орнаментике казылганцев появляются новые мотивы — циркульные узоры, мотивы пальметки и лотоса (последний был, вероятно, заимствован из искусства Ирана, но модифицирован на местной почве).

Автор подробно описывает выдающийся памятник изобразительного искусства древних племен Тувы — петроглифы на горе Сыны-Чюрек. Изображенные здесь фигуры животных, сцены охоты и образы шаманов ярко характеризуют круг представлений, связанных с обрядами, совершившимися древними племенами на празднествах в честь культа плодородия. Иными словами, произведения искусства древних мастеров являются хорошим историко-этнографическим источником. Сравнительно-исторический подход С. И. Вайнштейна к изучению этого и других памятников древней Тувы позволил ему сделать важный вывод о том, что искусство сынчюрекских племен развивалось в тесной связи с культурой сопредельных народов Южной Сибири и Центральной Азии, в том числе с племенами хунну (с. 54).

Историю средневекового искусства племен Тувы автор начинает с древнетюркской эпохи, с середины I тысячелетия н. э., когда в бассейн Верхнего Енисея проникли племена алтайских тюрок, составлявшие этническое ядро Тюркского каганата. Племена алтайских тюрок, поселившись в Туве, принесли с собой новые обычаи, не свойственные местному населению, новые формы культуры. Именно древние тюроки, утверждает автор, составили ту этническую среду, которая явилась основой этногенеза тувинцев. Это обстоятельство делает изучение искусства древнетюркских племен Тувы — исторических предков тувинского народа — особенно интересным. С. И. Вайнштейн пишет о высоком мастерстве кузнецов и литейщиков Тувы, Алтая, Монголии и других районов расселения древних тюрок, а также о высокоразвитом искусстве резьбы по кости, художественной обработки бересты, кожи, войлока, о своеобразной монументальной скульптуре — о так называемых «каменных бабах».

Автор указывает, что вопросы классификации и происхождения «каменных баб», а также семантики изваяний и понятие остаются спорными

и нерешенным. Так, С. В. Киселев делил алтайские изваяния на две группы — на плоские и круглые скульптуры, А. Д. Грач предложил положить в основу классификации характер изображений (вся человеческая фигура или только голова), Я. А. Шер выделяет мужские изваяния с сосудом в правой руке, с оружием и без него, а также мужские и женские изваяния с сосудом в обеих руках. С. И. Вайнштейн предлагает другой признак, позволяющий определить типы изваяний и характеризовать различное отношение к ним современников — наличие или отсутствие изображения сосуда в руках человека (с. 71).

По вопросу о семантике изваяний имеются две гипотезы: первая — Б. В. Бартольда—Н. И. Веселовского, развивающаяся А. Д. Грачом, согласно которой все древнетюркские изваяния рассматриваются как изображения наиболее могущественных врагов, побежденных во время войн, и вторая — Л. Р. Кызласова, считающая каменные фигуры, сооружавшиеся древними тюрками, изображениями их умерших героев.

С. И. Вайнштейн отмечает, что обе гипотезы являются односторонними; он, так же как и А. Н. Бернштам, исходит из того, что каменные изваяния могли изображать как самого умершего, так и его врага. С. И. Вайнштейн пишет: «К памятникам умерших (турок.—В. К.) относятся все древнетюркские изваяния, изображающие человека с сосудом в руках, а изваяния без сосуда — символизировали врагов, как и отдельные камни, не имевшие каких-либо следов обработки и установленные цепочкой у поминальных сооружений» (с. 72).

К сожалению, в этой главе материал по эпохам представлен автором далеко не равномерно. Если древнетюркскому периоду отводится почти вся глава, то искусству уйгурского и кыргызского времени — только 3 страницы, а такому важному для искусства Тувы времени, как период монгольского господства, — лишь несколько строк. Нет никакого сомнения в том, что в средневековый период истории Тувы местные племена имели тесные культурные контакты с монголоязычными народами и племенами, что нашло свое отражение и в художественно-технических приемах мастеров Тувы, и в столь значительной общности орнаментальных мотивов и даже целых художественных образов, особенно в скульптуре малых форм (в фигурах шахмат, в игрушках, декоративной скульптуре). На наш взгляд, именно в средние века многие виды искусства тувинцев и монголов в своем развитии шли часто общими или схожими путями, что не исключало, разумеется, самобытности как монгольского, так и тувинского искусства.

Как уже отмечалось, вторая часть книги (с. 81—215) посвящена народному декоративно-прикладному искусству тувинцев. В этой части шесть глав: «Художественная обработка металла», «Орнаментация дерева, бересты, кости», «Орнаментация мягких материалов (кожа, войлок, ткань)», «Основные особенности тувинского орнамента и вопросы его генезиса», «Сюжетные изображения на плоскости», «Скульптура малых форм».

Все эти главы читаются с интересом, они имеют важное познавательное значение. Автор вводит в научный оборот большое количество тувинских терминов, связанных с художественной обработкой металла, дерева, кожи, войлока и других материалов, показывает художественные особенности каждого вида искусства, выявляет своеобразный стиль произведений, называет десятки имен выдающихся мастеров.

Свой обзор тувинского искусства С. И. Вайнштейн начинает с художественной обработки металла. Этот вид искусства был издавна одним из основных у всех групп тувинцев, за исключением оленеводов Восточной Тувы. Очень ценно, что автор книги детально описывает инструментарий тувинского мастера-таргана, показывает приемы его работы. Учитывая специфику и особую близость искусства торевтики у тувинцев, бурят и монголов, С. И. Вайнштейн справедливо говорит о существовании своеобразного центральноазиатского тувино-монголо-бурятского стиля, харак-

теризуемого рядом общих черт и сложившегося в результате длительного взаимодействия культур этих народов, хотя каждый из них имеет свои особенности. (с. 106). Автор считает, что этот стиль сложился сравнительно поздно, во второй половине XIX — начале XX в. Говорим себе не согласиться с автором. Материал, собранный нами по средневековому металлу монголов, свидетельствует о том, что по крайней мере уже во времена Ундур-гэгэна (1635—1724) в монгольском искусстве существовал вполне сложившийся художественный стиль, истоки которого уходят во время возвышения Монгольской империи (убедительное свидетельство этому — результаты раскопок Хархорина (Каракорума, столицы чингисидов). Этот стиль мало изменился к концу XIX — началу XX в. К сожалению, в этой главе автор не показал динамику развития тувинского художественного металла в советское время, не рассмотрел наиболее ценные произведения современных мастеров-тарганов.

В главе, посвященной художественной обработке дерева, бересты, кости, С. И. Вайнштейн также детально знакомит читателя с инструментами и техническими приемами мастеров, описывает различные по форме и по конструкции деревянные сосуды «хуунг», деревянные ступки, колыбель и шкатулки, берестяные сосуды, изделия из рога, образцы росписи на сундуках «алтара» и другие изделия. Орнамент на дерсе, бересте, кости очень близок монгольскому, но имеются и ярко выраженные черты своеобразия, о которых следовало бы сказать подробнее. Ведь дело не только в колорите тувинских росписей, действительно отличающемся от монгольских, а, очевидно, и в оригинальной композиции орнамента, и в своеобразной архитектонике, общем художественном облике тувинских изделий. Собранный С. И. Вайнштейном обширный материал давал ему возможность дать более глубокий анализ произведений тувинских мастеров по дереву, бересте, кости.

Некоторой конспективностью, сжатостью отличается и глава «Орнаментация мягких материалов». Видимо, сам термин «орнаментация» не совсем удачно выбран автором. Ведь он исследует не только орнамент на коже, войлоке, ткани, но и форму изделий, их колорит. Нам представляется, что орнамент нельзя отрывать от общей системы декора при анализе тех или иных произведений народного декоративно-прикладного искусства.

Поэтому глава шестая «Основные особенности тувинского орнамента и вопросы его генезиса» кажется мало связанной с текстом книги, посвященной истории народного искусства. Тем не менее, в этой главе, представляющей как бы отдельное специальное исследование, особую ценность имеют таблицы основных орнаментальных мотивов, которые составлены автором по полевым и музейным материалам. Для этой цели им было обследовано свыше трех тысяч декорированных изделий.

Интересны сведения автора о том, что орнаментика восточных тувинцев охотников-оленеводов и западных тувинцев-скотоводов имеет существенные различия. Это убедительно свидетельствует, по словам автора, «о весьма тесной связи орнаментального искусства с хозяйством, с характером производственной деятельности, а не только с этносом» (с. 161). Этот вывод автора находит подтверждение и в орнаментике монголоязычных народов. Так, в орнаменте западных бурят (ольхонских, аларских, тункинских, эхиритских и др.), долгое время живущих в условиях тайги, заметны существенные отличия от орнамента забайкальских, восточных бурят (селенгинских, хоринских, цонгольских, сартульских, агинских и др.), живших в степи и занимавшихся скотоводством. Полевой материал, собранный нами в Северо-Западной Монголии, также свидетельствует о том, что орнамент у так называемых «лесных» монголов был более простым, чем у степных монголов, в нем преобладали геометрические мотивы при почти полном отсутствии мотивов растительного орнамента и яркой полихромии, так характерной для искусства монголов-скотоводов.

В главе, посвященной скульптуре малых форм, автор отмечает, что рожденная в условиях кочевого быта мелкая пластика тувинцев воплощалась в самых различных изделиях — в шахматных фигурах и игрушках, в декоративных деталях бытовых предметов и в культовых принадлежностях. Материалом для скульптуры малых форм у западных тувинцев издавна служили дерево, мягкий камень, медь, бронза, сплавы серебра, железо. Автор описывает интересные шахматные фигуры, получившие в мире кочевников-скотоводов как бы свое второе рождение. С. И. Вайнштейн верно констатирует, что шахматы проникли к тувинцам из Тибета через монголов, но в то же время неоправданно обходит рассмотрением монгольские шахматы, а ведь это сопоставление позволило бы автору установить ряд аналогий и, вместе с тем, проследить специфические черты тувинских шахматных фигур, глубже раскрыть своеобразие искусства тувинских резчиков по дереву, камню и кости. Так же интересно было бы сравнить тувинский музыкальный инструмент «бызанчи» и монгольский «меринхур». И тот и другой инструменты украшаются по традиции резной головой коня, однако конструкция, силует и художественный образ этих инструментов имеют немало черт своеобразия.

С. И. Вайнштейн глубоко анализирует замечательные скульптурные произведения, созданные Х. К. Тойбу-Хаа, его сыном Д. Тойбу-Хаа, Х. К. Хуна, Х. Мижит-Доржу, С. М. Когел, С. Норбу, М. Х. Черзи, Д. Ч. Оканчиком, Б. Байынды и др. Современная тувинская скульптура предстает перед читателем как значительное и серьезное явление в художественной культуре Советской Тувы.

Большой интерес представляет заключительный раздел книги. Здесь автор подводит итог своим исследованиям истории народного искусства Тувы. С. И. Вайнштейн пишет: «Изучение истории искусства кочевых в прошлом народов позволяет прийти к выводу, что в условиях активного приспособления древних раннекочевых племен к специализированным формам скотоводческого хозяйства и быта, достижения материальной культуры отдельных племен, а вместе с тем и прикладного искусства быстро распространялись у населения на огромной территории почти независимо от этнических границ. После того как в степях завершалось сложение максимально приспособленных к кочевому быту форм хозяйства и культуры, распространение «общекочевнических» форм прикладного искусства уменьшилось, а этническая специфика в народном искусстве стала более выраженной, но и в этих условиях шло постоянное обновление и обогащение народного искусства» (с. 219).

Автор ставит вопрос о бережном отношении к культурному наследию тувинского народа, о сохранении в новых условиях достижений многовекового развития декоративного искусства тувинцев в области художественной обработки кожи, дерева, войлока, металла. Весьма показателен в этом плане, по словам С. И. Вайнштейна, расцвет тувинской мелкой пластики, утратившей к 50-м годам свое былое значение, а затем, благодаря предпринятым мерам, получившей как бы новое рождение: «Тувинское искусство мелкой пластики становится достоянием всей советской художественной культуры. Это служит достаточно убедительным доказательством возможности и в наш индустриальный век полноценного развития традиционных форм народного искусства, когда для этого создаются благоприятные условия» (с. 220).

Реценziруемая книга, как мы это видели выше, не лишена некоторых недостатков, присущих любой первой крупной работе на сложную и малоизученную тему. Но ее ценность определяют несомненные достоинства. Ее с большой пользой для себя прочтут все те, кого волнуют проблемы декоративного искусства народов Советской Сибири, получивших в наше время все возможности для подлинного духовного расцвета.

Н. В. Кочешков.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В УЧЕНЫХ ЗАПИСКАХ ТИИЯЛИ (1973—1974 гг.)¹

СТАТЬИ

	вып.	стр.
Аманжолов А. С. Интерпретация некоторых рунических знаков	16	163—168
Байкара Г. И. К итогам переписи 1970 года	16	25—32
Бегзи А. Д. О трудовых ресурсах Тувы и применении системного анализа в их планировании	16	33—40
Будеегечиева Т. Б. О проблеме изучения художественных традиций тувинского народа	16	91—99
Гармаева С. И. О документальном стиле современного тувинского и бурятского романа	16	100—105
Забелина В. А. Первые шаги на пути раскрепощения женщины-тувинки	16	81—90
Иргит А. К. Перспективы развития телевидения в Тувинской АССР	16	78—80
Кизанцева З. К. О тувинской симфонической музыке	16	127—132
Качаев В. И. Об использовании продукции и отходов комбината «Тываасбест»	16	63—66
Ковалев В. Н. О влиянии на рентабельность перевозки грузов отклонений от нормативного уровня использования общего пробега автомобилей	16	72—77
Кужугет К. С. Об охране недр Тувы	16	67—71
Куулар Ч. Ч. О поэзии пестования в тувинском фольклоре	16	106—115
Кызыл-оол Ч. Т. Производство картофеля и овощей в совхозах «Кара-Хаак» и имени 50-летия СССР	16	49—58
Кыргыс-Нурсат З. К. Жанр частушки в музыкальном творчестве тувинцев	16	116—126
Лягина Н. И. Слово бир в тувинском языке	16	156—162
Мэргуш Д. А. Сокращенная форма личных имен в тувинском языке	16	146—155
Ооржак Н. Н. Мясная промышленность Тувы	16	41—48
Саг С. С. Индустриализация жилищного строительства в Туве	16	59—62
Татаринцев Б. И. О материалах В. В. Радлова по тувинскому языку	16	169—180
Татаринцев Б. И. Языковые материалы по Туве в публикациях М. А. Кастрена	16	181—190
Тинмей Д. Л., Шактаржик К. О. От пятилетки к пятилетке	16	11—25

¹ Библиографические указатели составлены В. К. Сластеновой.

Тока С. К. Великий праздник единой семьи советских народов
Хертек Я. Ш. Фразеологизмы в тувинском языке

16 3—10
16 133—145

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Грязнов М. П., Маннай-оол М. Х.</i> Кургай Аржан — могила «царя» раннескифского времени	16	191—206
<i>Дубровский В. А.</i> К 60-летию О. А. Толгар-оола	16	274—275
<i>Дубровский В. А.</i> Конференция сибирских историков	16	256—257
<i>Дубровский В. А.</i> Юбилей Народной революции в Туве	16	254—255
<i>Дьяконова В. П.</i> Об одной категории социальной иерархии шаманов	16	222—227
<i>Дээлэйт М. А.</i> Археологические исследования в Тодже в 1971—1972 гг.	16	211—217
<i>Кляшторный С. Г.</i> Руннические надписи Саянского каньона Енисея	16	228—231
<i>Комарова М. Н.</i> Тюркское погребение с конем в Аржане	16	207—210
<i>Кунаа А. Ч.</i> О фонетических особенностях речи населения Эрзинского района	16	251—253
<i>Монгуш Д. А.</i> Слово о А. А. Пальмбаhe	16	268—271
<i>Савинов Д. Г.</i> Погребение с серебряным кубком	16	218—221
<i>Сарыкай М. Х.</i> Сведения о речи тандинских тувинцев	16	242—250
<i>Сердобов Н. А.</i> К 70-летию Х. М. Сейфуллина	16	272—273
<i>Сердобов Н. А.</i> О вкладе С. К. Тока в изучение истории Тувы	16	258—267
<i>Чадамба З. Б.</i> Речь каа-хемских тувинцев	16	232—241

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Дубровский В. А.</i> Правовое положение русского населения в ТНР	16	276—287
---	----	---------

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Сластенова В. К.</i> Указатель научных трудов, изданных ТННИЯЛИ (1969—1972 гг.)	16	291
<i>Сластенова В. К.</i> Указатель статей, опубликованных в «Ученых записках ТННИЯЛИ» (1969—1972 гг.)	16	288—290

УКАЗАТЕЛЬ НАУЧНЫХ ТРУДОВ, ИЗДАННЫХ ТННИЯЛИ (1973—1974 гг.)

1. «Ученые записки», вып. XVI, Кызыл, 1973, 294 с.
2. Народы Сибири в Великой Отечественной войне. Кызыл, 1973, 321 с.
3. Экономика Тувинской АССР. Кызыл, 1973, 377 с.
4. <i>Вайнштейн С. И.</i> История народного искусства Тувы. М., 1974, 223 с.
5. <i>Конгар Н. М.</i> Актуальные проблемы развития сельского хозяйства в Туве. Кызыл, 1974, 110 с.
6. <i>Татаринцев Б. И.</i> Русские лексические заимствования в современном тувинском языке. Кызыл, 1974, 113 с.
7. <i>Чадамба З. Б.</i> Тоджинский диалект тувинского языка. Кызыл, 1974, 136 с.
8. <i>Арылан-Мерген.</i> Тувинские народные сказки. На тувин. яз. Сост. Ч. Ч. Күулар и О. К.-Ч. Дарыма. Ред. Ю. Ш. Кюнзегеш. Кызыл, 1974, 188 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВАГТ
ВНИИпроектасбест
- ВНИИСТРОМ
- Гипротранстэй МПС
- ГМЭ
- ИГАИМК
- ИРГО
- КЕПС
- КСИИМК
- КСИЭ
- МИА
- НИИГА
- ПАТО
- СА
- САИ
- СГАИМК
- СибНИПТИЖ
- СибНИИЭСХ
- СО ВАСХНИЛ
- СОПС
- СТЭАН
- СЭ
- ТНР
- ТНРП
- ТРСМ
- ТЭД
- УЗ ТНИИЯЛИ
- ЦГА
- ЦНИЭЛ
- ЦЭНИИ
- Всесоюзный аэрогеологический трест
 - Всесоюзный государственный научно-исследовательский институт асбестовой промышленности
 - Всесоюзный научно-исследовательский институт строительных материалов и конструкций
 - Государственный институт технико-экономических изысканий и проектирования железнодорожного транспорта Министерства путей сообщения
 - Государственный музей этнографии народов СССР
 - Известия Государственной академии истории материальной культуры
 - Известия Русского географического общества
 - Комиссия по изучению естественных ресурсов при Президиуме АН СССР
 - Краткие сообщения института истории материальной культуры
 - Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
 - Материалы и исследования по археологии СССР
 - Научно-исследовательский институт гражданской авиации
 - Партийный архив Тувинского обкома КПСС
 - ж. «Советская археология»
 - Свод археологических источников
 - Сообщения Государственной академии института материальной культуры
 - Сибирский научно-исследовательский проектно-технологический институт животноводства
 - Сибирский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства
 - Сибирское отделение Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина
 - Совет по изучению производительных сил при Госплане СССР
 - Саяно-Тувинская экспедиция Академии наук СССР
 - ж. «Советская этнография»
 - Тувинская Народная Республика
 - Тувинская народно-революционная партия
 - Тувинский революционный союз молодежи
 - Технико-экономический доклад
 - Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы, истории
 - Центральный государственный архив
 - Центральная научно-исследовательская лаборатория
 - Центральный научно-исследовательский экономический институт при Госплане РСФСР.

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственные письма партии и правительства в связи с 30-летием Советской Тувы	3
Г. Ч. Ширшин. По ленинскому пути	7
I	
А. К. Канзай. К вопросу о сближении советских социалистических наций и народностей	15
Б. П. Бажутин. О некоторых особенностях политической организации общества при некапиталистическом развитии к социализму (на примере Тувинской Народной Республики)	26
А. М. Шумов. Деятельность ТНРП в военном строительстве	34
В. А. Забедина. Рост активности тувинских араток в процессе некапиталистического развития ТНР (1930—1940 гг.)	45
С. И. Вайнштейн. Этнографическое изучение тувинцев (к 200-летию этнографических исследований в Туве)	53
II	
А. Д. Бегзи. Формирование городского населения Тувинской АССР и изменение его социальной структуры и национального состава	62
Н. М. Конгар. Современное состояние сельского хозяйства Тувы	71
Н. Н. Ооржак. Молочная промышленность Тувы	78
Ч. Т. Кызыл-оол. Овцеводство в совхозе им. С. К. Тока	85
А. А. Саян. Тувинская потребительская кооперация	93
Л. А. Катушкова. Вопросы рационального потребления продуктов питания в Тувинской АССР	101
М. М. Шац. Изучение многолетнемерзлых пород — необходимое условие успешного освоения территории Алтая-Саянской горной страны	107
III	
А. К. Калзан. Тувинская проза начала 70-х годов	115
М. П. Татаркицева. Современная тувинская литература в оценке общесоюзной критики (1965—1974 гг.)	128
З. К. Кыргыс. Тувинская музыка наших дней	140

С. Ф. Сеглемей. Пути обогащения общественно-политической терминологии тувинского языка	149
Я. Ш. Хертек. О семантической структуре фразеологизмов тувинского языка	160
М. Б. Мартан-оол. О синонимах в тувинском языке	168
Б. И. Татаринцев. К вопросу об однозначных словах тувинского языка и их отражении в лексикографии	174

IV

М. П. Грязнов, М. Х. Маннай-оол. Курган Аржан по раскопкам 1973—1974 гг.	185
О. Л. Пламеневская. Некоторые данные о тканях из кургана Арган	199
Е. Л. Немировская. Обработка дерева строителями кургана Аржан	207
Ю. Л. Аранчын. Новые этнографические и филологические материалы из Северо-Западной Монголии	212
В. А. Грач. О погребальных памятниках монгольского времени в Туве	219

Материалы и сообщения

А. О. Корнилова. К истории изучения населенных пунктов Тывы	227
И. А. Сердобов. Материалы переписи населения как источник по этнографии	230
М. Х. Маннай-оол. Исследования по этногенезу тувинцев	236
С. М. Абрамзон, В. П. Дьяконова. К 70-летию Л. П. Потапова	242
О. А. Толгар-оол. К 50-летию В. А. Дубровского	248
Н. П. Денисова. Тувинские этнографические коллекции в Томском университете	250
З. Б. Чадамба. Древнетюркские надписи из урочища Оорзак	254
В. А. Забелина. Некоторые культовые изображения птиц из урочища Аржан-Хем	260
К. О. Шактаржик. Кызыльская экономическая конференция	263

Критика и библиография

Н. В. Кочешков, С. И. Вайнштейн. История народного искусства Тывы. Отв. редактор С. В. Иванов. М., изд. «Наука», 1974, 222 с. с илл.	269
Указатель статей, опубликованных в Ученых записках ТНИИЯЛИ (1973—1974 гг.)	274
Указатель научных трудов, изданных ТНИИЯЛИ (1973—1974 гг.)	275
Список сокращений	276

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ВЫПУСК XVII

* * *

Редактор издания Татаринцева М. П.
Технический редактор Колмакова Т. Г.
Корректор Курская З. Д.

* * *

Сдано в набор 18 марта 1975 г. Подписано к пе-
чати 13 июня 1975 г. Формат 60×90¹/₁₆. Печ. л. 17,5.
Уч.-изд. л. 18. Тираж 1000 экз. Цена 1 руб.
Заказ № 1165. ТС 01050.

Типография управления по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли Совета Министров Тувинской АССР, г. Кызыл, Щетинкина и
Кравченко, 1.

Цена 1 руб.

Тувинское книжное издательство в 1975 году выпускает труды Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории:

Очерки истории Тувинской организации КПСС.

Хертек Я. Ш. Краткий тувинско-русский фразеологический словарь.

Кыргыс З. К. Тувинские народные частушки (на тувинском языке).

В 1976 году выйдут в свет следующие книги
Тувинского НИИЯЛИ:

Очерки тувинского фольклора (на тувинском языке).

Татаринцев Б. И. Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику.

Дарыма О. К. Тувинские загадки (на тувинском языке).

Заказы следует направлять по адресу: 667000, Тувинская АССР, г. Кызыл, ул. Кочетова, 43, Книжный магазин «Друг», «Книга—почтой».